

АЛЕКСАНДР ЛОЗИНСКИЙ

ПРАВО
НА ЖАЛОСТЬ

Я не жалею

Александр Лозинский

Право на жалость

«Автор»

2026

Лозинский А.

Право на жалость / А. Лозинский — «Автор», 2026 — (Я не жалею)

Что произойдёт с человеком, когда враги начнут считать его Легендой? Где пройдёт граница между человечностью и тем, что кажется всемогуществом? Всегда ли мочь - значит делать? И только ли для противостояния лондонским пси-операторам американцы разводят кукол? Что, если в матрёшке Плана больше вложений, чем это кажется его авторам? Алексею предстоит искать ответы. Нужны ли они ему? И если нет, то кому?

© Лозинский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Декабрь 2017. Нижегородская область	8
Глава 2. Декабрь 2017. Нижегородская область.	16
Глава 3. Декабрь 2017. Москва - Лондон	23
Глава 4. Декабрь 2017. Лондон	33
Глава 5. Декабрь 2017. Лондон	41
Глава 6. Декабрь 2017. Лондон	48
Глава 7. Декабрь 2017. Лондон	58
Глава 8. Декабрь 2017. Лондон	68
Глава 9. Декабрь 2017. Лондон	76
Интерлюдия. Рождественские каникулы. Лэнгли	82

Александр Лозинский

Право на жалость

Пролог

Ты знаешь, кто ты?

Не по паспорту, не по званию и не по номеру в реестре «одарённых». Это всё — внешняя шелуха, обёртка для тех, кто боится заглянуть в зеркало.

А те, кто не испугается увидеть там себя, переозвучат вопрос: кто остаётся в тебе, когда ты закроешь глаза и услышишь гул силы, текущей через твои кости и жилы, нервы и вены? Когда мир становится неощутимым, а твой дрожащий от напряжения Номос расширяется до горизонта, вбирая в себя чужие жизни, как сухая губка — воду.

Вчерашние маргиналы и отщепенцы очень быстро поняли, какие возможности сулит работа на государство. Оказалось, что внутренний зверь очень легко спускается с поводка. Или это не зверь? Не чудовище? А зародыш нового бога? Того, который пришёл на смену божествам денег и личной свободы. Того, чьё имя — сила.

В Соединённых Штатах всем магам объявили недельную амнистию с условием работы на федеральное правительство. И те, кто вчера жёг Бостон и Чикаго, влились в подразделения специальных операций, получив законную возможность расправиться с обидчиками.

Дядя Сэм, ткнув пальцем с нового старого плаката, сказал: «Фас!» И города запылали снова, но уже тише для простых обывателей и громче для тех, на кого спустили не знающих пощады чудовищ, отточивших мастерство в бесконечных разделах влияния. Объединив с прямым эфиром и тотализатором, американцы снова показали всему миру, что по части шоу им нет равных.

И те, кто прятался от федералов, опасаясь нашивок на рукава, выстроились в очереди в призывные пункты. Ибо лучше стать охотником, чем жертвой и лучше раздавать автографы фанатам, чем прятаться в лесу и давить свои способности.

Дом Саудов, казалось, впавший в ступор после того как персы начали свой молчаливый хадж, прятал под бурнусами целый веер решений. Пустыня умеет укрывать от чужих взглядов, и то, что принимали за нерешительность, оказалось тихой кулуарностью. Объединение в монолитный кулак всех тех, кто понимал, что ещё чуть-чуть, и Тегеран отождествит тихой сапой источники доходов, скупка оружия и людей, умеющих с ним обращаться, заключение договоров о взаимной защите, вовлечение африканских стран, которые с пугающей лёгкостью отправили «лишних» людей в джихад. За деньги.

Помимо этого, понимая, что со Смыслами воюют не людьми и не оружием, дом Саудов затеял тотальную ревизию того, что составляло его самость. Тысячи мулл и имамов начали читать в унисон, одинаково трактуя священные тексты. Сотни несогласных исчезали из инфополя, освобождая дорогу тем, кто несёт Слово в массы. Пустыня приготовилась к окончательному расчёту.

Великая Бхарата, пользуясь тем, что Поднебесная слишком занята восстановлением и попытками удержать роль Поставщика всего мира, приступила к осуществлению давнего плана по возврату исконных земель. Злые языки говорили, что это всё влияние Короны, которая как никто другой знала, где надавить и чем увлечь владык бывшей колонии. Вслух, конечно, никто не верил, но происходящие события были красноречивы.

Маги воды, подобно сумасшедшему, остановившему Ганг, меняли течения рек, осушали колодцы, уводили грунтовые воды. Никаких плотин, гидрологических мероприятий, ирригационных построек. Просто водный баланс не сходился. Воды стало не хватать. Для двухсот

миллионов человек слово «жажда» стало реальностью. А высшие чины на переговорах разводили руками, пожимая плечами, и хитро шурили глаза, не выдвигая никаких требований.

Их печатали низкосортные газетёнки Нью-Дели и Мумбаи, из тиража в тираж одними и теми же словами повторяя о необходимости исправить несправедливость. А портреты водных магов носили на парадах, обожествляя их владельцев во всенародном исступлении.

Европа стала полем игрищ всех разведок мира. В попытке обрести субъектность старые семьи, государственные деятели, комиссары Евросоюза метались, создавая ситуативные альянсы, и тут же их разваливая в попытках выгадать ещё какие-то крохи. Уже себе лично.

Каждый второй был двойным агентом, каждый третий — тройным. И каждый первый записывался в агенты влияния. Все подозревали всех. Камнем, который держал гнёт на этой бочке, были мозгокруты, которых боялись все. Даже купившие себе охрану в виде нулей понимали, что по воле реальных хозяев их продадут, купят и снова продадут. Только уже дороже.

Такое положение дел было выгодно слишком многим, а потому, можно было ожидать, что оно не закончится примерно никогда.

На этом фоне изменения в России были восприняты как нонсенс. Глобальный слом строя, революция сверху, которую, казалось, низы приняли как данность. Заводы чадили, транспорт ходил без перебоев, поднимать на вилы президента никто не собирался. Как будто ничего не было.

Ещё не заняли областные думы молчаливые люди в штатском, ещё не полетели вызовы на допросы и не пришло ещё ощущение чего-то необратимого. Переворот произошёл настолько тихо и из-под полы, что всем пришлось ждать хоть каких-то действий новой старой власти.

Как в сказке. Страшной.

Просто ещё одно политическое чудо.

Но мир уже привык к чудесам. Научился превращать их в регламенты, обязанности. Ставить на службу и сортировать по степени полезности.

А мы? Мы начали становиться людьми.

Мы выдавливали из себя раба — по капле, через боль, через «не хочу», через «надо». Превращая свободу — в осознанную необходимость. Заставляя тех, кто распоряжается народами, понять — мы не просто ресурс. Мы учились говорить «нет». Себе и миру.

Принимали на себя грех решения. Ломали мир, себя, волю.

Но Антон Павлович умолчал о том, что страшнее всего. О том, что, избавившись от внутреннего раба, ты не становишься человеком. О том, что теперь предстояло выдавить из себя бога. Того бога, который требует своих рабов.

Нам очень легко оказалось поверить в свою исключительность, когда мы научились старить металл и пить чужие души. Опьяняющее понимание, что ты выше закона, потому что ты и есть Закон. Здесь и сейчас.

Этот бог уже в нас. Он опасней любых врагов. Он не боится браслетов-негаторов, плюет в глаза мозгокрутам, вламывается в чужое сознание, чтобы занять трон или превратить владельца в раба. Его воля питается нашей правотой и нашей верой в то, что «так было нужно».

Но он не всесилен.

Пока... Пока есть возможность на «могу» ответить «а нужно ли?»

Чего стоит человек, который может всё, но запрещает себе ещё больше?

Задайте его Жнецу с чёрными руками. Промолчит, затягивая кисти в перчатки.

Задайте Снежной Королеве, которую тошнит от инея на её пальцах. Полоснёт взглядом, и не отогреешься даже в горячей ванне.

Не будет ответа от них. Потому что они заняты.

Дрова нужно переложить до дождя. Набраться сил позвонить сыну, которого не видел тысячу лет. И не забыть посмотреть в глаза тому, кто будет выполнять за тебя... вместе с тобой... грязную, но такую нужную работу.

И в этой тишине, там, где слышишь не ухом, а всем своим естеством, может родиться единственный ответ на вопрос «кто ты?» Честный, один на всех.

Ты — тот, кто хочет остаться человеком там, где проще всего стать богом.

Или — его первым убийцей.

Глава 1. Декабрь 2017. Нижегородская область

Свет из-под двери пробивался, конфликтуя с приглушённым коридорным освещением. Я понимал, что ждут именно меня, но не мог не постучать, тем более, Зверь по каким-то своим звериным... зверским?... причинам не спешил нырять внутрь.

— Заходи. Чего крадёшься? — голос уставшей Татьяны распрямил напряжённые ноги моего альтер-эго, и он мгновенно исчез за дверью.

Я потянул ручку, которая казалась колючей. Удивился сравнению. Не скользкая, не холодная. Понял, что боюсь. Чего?

Внутренняя неустроенность действовала на психику, слова, произнесённые в высоких кабинетах, не хотели оседать, как тяжёлая муть в быстром потоке. Сейчас меня будут спрашивать, что да как, а я не знал, что буду говорить. И буду ли.

Перешагнул порог. Таня правой рукой что-то писала на белеющих на столе листах.левой держала кружку, по-видимому, подогревая содержимое, потому что на моих глазах из неё стал подниматься пар. Бросила взгляд на меня, мол, раздевайся. Поднесла кружку ко рту и, обжёгшись, стала уморительно дуть в неё.

— Что смеёшься? — начала было она с напускной серьёзностью и, не выдержав, приснула. — Кому скажи — не поверят. Огненный маг обожглась самостоятельно подогретым чаем.

— Ну кто не поверит — пусть к Марине сходит, она остудит. — Шутка была так себе, но сбить пафос годилась.

— Кстати, о Марине. — Она отпила чай. На этот раз без происшествий. — Ты в курсе, что Ильяс учудил?

Я повесил верхнюю одежду и принялся переобуваться. В качестве «домашней» обуви мне придумали аналог японской деревянной обуви. С мягким верхом и высокой подошвой на одной ноге, и меньшей на другой. Подкладку сделали так, чтобы не цокал и не гремел, а общий рост чуть добавили, чтобы вес на обеих ногах ощущался одинаково.

Чуть непривычно, зато и в душ можно, и с постели вскакивать почти нормально. Расцеловал бы автора, но не признавались. Думал сначала на Таню, но она выглядела настолько удивлённой, что нельзя было не поверить.

— В общих чертах. Провёл черту между нормальными людьми и суперами. И довольно в жёсткой форме.

— Как ты изящно углы сгладил. Прямо человек-фуганок. Ладно. Не будем о грустном. — Таня помолчала, блуждая взглядом где-то вдаль. — А знаешь, кто ей помог в себя прийти?

Я на мгновение замер. В памяти вспыхнули события той самой ночи.

— Родион?

— Ты знал?

— Нет. Честно сказать, я думал, что это Марина его в себя приводила, когда мы ему из лоскутков душу скроили. — Я стяхнул не желающий слезать ботинок. — Но раз ты так поставила вопрос, то в нашем бедламе — это самый очевидный ответ. — Ботинок с глухим стуком упал на придверный коврик.

— М-да. — Протянула Татьяна. — Ну, в общем да, как-то всё вот так вот получается.

— Как Родион, кстати? Я так и не переговорил с ним.

— Знаешь. Я ведь, как оказалось, тоже вот ни столечки его не знала. — Она поставила кружку на стол, задумчиво грызя колпачок ручки. — Мы же больше по делу общались. И тогда, когда понятно с энтропией стало, и... потом. — Колпачок хрустнул. Таня посмотрела на него, покачала головой, положила на край стола. — А когда ты его... ну, оживил... Я поняла, что он такой же как был раньше. Нескладный, несурзанный. Человек-бардак.

— А способности ему вернулись? — я проследил взглядом за колпачком ручки, который исчез под мохнатой лапой Зверя и, упав на пол, задрезжал, отправленный к стене лёгким ударом. Серая тень мелькнула за ним.

Теперь уже место во рту заняла ручка.

— Да. Не в полную силу, но мы и не просили разгоняться. Но как будто наше Я, которое отвечает за преобразование потока, спрятано гораздо глубже и просто так не исчезает.

Я наконец-то закончил переодеваться в домашнее и уселся напротив, с удовольствием вытянув ноги. На столе лежали в странном порядке листы со схемами и записями. Цвет свежих пометок и текста отличался от оригинала, обозначенного карандашом.

Заметив мой интерес, Таня смущенно собрала бумаги в стопку. Перевернула их и положила сверху ручку.

— Не сейчас.

— Хорошо, — не стал давить я. У меня и своих секретов насыпалось выше головы. — Так что с Родионом и его «Я»?

— Он умеет то же, что и раньше. Энтропия. Практически мгновенно он сделал это с металлом, деревом и пластиком. — Она нервно хохотнула. — Второго Халка у нас под рукой не оказалось...

Я постучал по столу три раза. Затем по дереву... ой, по голове. И сплюнул.

— И ты, Брут. — Таня грустно улыбнулась. — Не оригинал.

— Главное, чтобы работало.

— Не знаю. Я озвучила, а Настя подхватила, что есть опасность, что восстановление временное, ненастоящее. Он похож на того Родиона. Но... Иван тоже был похож.

— Вы подозреваете подмену? — Зверь на мгновение оторвался от игрушки, вздыбив шерсть. Мы каким-то боковым зрением уловили, повернули головы, но он уже успокоился и выглядел как прежде.

— Нет-нет! — Таня повернула голову обратно и замахала руками перед собой. — Просто боимся, что его посконное Я растворится в новом эмоциональном слежке.

Я накрыл её ладонь.

— Вы боитесь или опасаетесь? Есть ли предпосылки?

— Нет. Просто одна дурёха решила на воду подуть, а вторая вместо того, чтобы отогнать страхи, начала рассказывать ещё более страшную сказку.

— Других у нас всё равно нет. — Я затарабанил пальцами по столу. — А сам он как?

— А никак. — С какой-то подспудной злостью пристукнула она рукой, сбивая меня с ритма. — Типа «делай, что должно и будь, что будет».

— И что в этом плохого? Ему-то видней. Это его личность!

— Ты не понимаешь! — Повторный удар по столу. — Мы же душу в него вложили. — Она не заметила, как повысила тон, переходя на высокие эмоции. — А он!

— Танюш. Это комплекс Пигмалиона. Остановитесь. — Я помолчал, давая время переварить сказанное, — это его жизнь, его личность. Он имеет право быть собой. Быть тем, кем он сам хочет.

— Ты! Ты...

— Я не договорил. Прежде чем вынырнуть из его сознания, я видел там трон в последнем зале. И он шёл занимать этот трон. — Таня молчала, поедая меня глазами. — Я не знаю, из чего создан этот трон, но подозреваю, что из обрывков эмоций, которые я находил на всём пути по его сознанию.

— Ты же не рассказывал...

— Да. Теперь говорю. И я более чем уверен теперь, что лоскутки, из которых собрал эмоциональный отпечаток, не его личность — а то самое восседалище, на котором своим Я будет править Родион.

Я сделал нажим на имени, чтобы показать уверенность. Хотя, признаться, у меня её не было. Картинка проступала в голове в продолжение разговора, как текст, написанный молоком. Но признаваться в этом я не стал.

— Кто ты, Лёш? — в голосе Татьяны был трепет и благоговение.

— Не знаю. Не хочу знать. Когда-то, тысячу лет назад, ты приклеила смешную картинку на мою дверь. — Она смущённо склонила голову. — Тогда мне это казалось лестным. Потом услышал слово «Жнец». Показалось смешным.

— Сейчас ты боишься осознать?

— Да. Ты сама сказала, что памятник — не любят.

— Я не отказываюсь от своих слов. — Таня с вызовом вскинула подбородок. Глаза горели.

— И я от своих тоже.

Теперь была её очередь накрыть ладонь ладонью. Глупый, смешной, нелепый и такой нужный и важный жест для двух взрослых людей, которые не знают, кто они.

— Пойдём спать? — я даже не знаю, кто сказал. И сказал ли или только подумал.

Утро не задалось.

Мы проспали. Не сильно, но в самый раз, чтобы начать бестолковую суету с нехваткой времени на утренние ритуалы. Мы мешали друг другу, смущали друг друга, смеялись со Зверя, который нам подыгрывал, внося суматоху в ту маленькую скорлупку, которую мы называли домом.

И вроде бы успели, но коммуникаторы пропищали необходимость двигаться в большой зал, и мы попрощались с завтраком. Людей собралось много, все офицеры со стороны силового блока, и все маги. Были даже Настя с братом и Маргарита.

Грешно, конечно, говорить так о женщинах, но выглядели они жутковато. Хотя внутренняя уверенность давала надежду, что всё не зря.

Пока мы рассаживались в кресла, с кухни прибыла делегация. Бутерброды и нарезки овощей, плюс фляги с уже остуженным свежесваренным компотом.

Юрий командовал технической частью. Опустив экран, он занимался проектором, что-то внушая технику по громкой связи.

Всё это создавало ощущение какого-то киносеанса, но звёзды на погонах переворачивали его на все сто восемьдесят.

Наконец, приготовления были завершены. На экране появился светлый прямоугольник, несколько резких движений для выравнивания по краям, мгновенная вспышка, сменившаяся телевизионной заставкой.

Рядом с экраном из темноты вышел Тюрин. Ночь сказала и на нём, но мне показалось, что у него появилось, для чего жить. Не только долг, но и что-то иное. Не слабость, просто рядом с Атлантом, удерживающим небо, встал ещё и Геракл.

— Товарищи офицеры, курсанты и кадеты. Я прошу, — акцент был сделан на этом слове, но не в сторону ужесточения, а наоборот, как будто приказ был бы чем-то лишним, даже кощунственным... — вас очень внимательно отнеситесь к тому, что сейчас вы увидите и услышите. — Он поправил и без того безупречно сидящий китель. — По завершении — не расходиться.

— Я не знаю, кто будет выступать, но битлы у них на разогреве, — мрачно пошутил подсевший справа Родион.

— Привет-привет, — не стал развивать тему я. — Как оно? Хотя, смотрю, ожил, шуточками суток на пять гауптвахты бросаешься.

— Спешу впитать все краски мира. — Слева от меня вздрогнула Татьяна. — А ну как опять...

— Второй раз — не полезу. И одного — выше крыши.

— Почему? — с обескураживающей наивностью развёл он руками. — Дорогу ж знаешь.

— Именно поэтому. И знаю, что ничем хорошим не заканчивается.

— Ладно-ладно. И, наверное, спасибо? Да?

Я протянул руку. Он, развернувшись, вцепился в неё своей и долго, не отрываясь, смотрел мне в глаза, выискивая там что-то понятное только ему одному.

— Спасибо.

С правой стороны его одёрнула Настя, на миг прикрыв глаза, и я понял, что она и сейчас пытается в нём что-то высмотреть, понять, диагностировать.

Впереди стандартная заставка сменилась обратным отсчётом и на нас зашикали сзади.

Короткий тонкий писк — три, два, один. На экране возникло лицо Президента.

— Здравствуйте, товарищи офицеры. Как вы уже знаете, в стране произошёл ряд серьёзных событий, обусловленных внешним вмешательством. Моё настоящее обращение адресовано именно вам, как людям, которые присягали государству, и сейчас видят, как основы государственности меняются в одночасье.

— Прежде всего... совместное решение... и спикеров обеих палат... — я смотрел на тех, чьи лица сейчас освещались отблесками с экрана.

Родион сидит, раскрыв рот, чуть дальше Настя — пропускает мимо ушей, у неё своя война. Ещё дальше мой племянник — юноша не понимает и половины, но тембр голоса не оставляют сомнений, что грядут большие перемены.

Слева — Татьяна. Вчера она уже осознала, сейчас же — слова как паровой молот загоняют осознание в душу. Марат, едва видимый, если соблюдать приличия и не высовываться из ряда. Руки собраны в замок перед собой, подёргиваются. Наверняка, «читает» зал. Будь я Сергеем — попросил бы.

«Будь ты Сергеем, Марат бы и не отказал», — шепнул сам себе с обоих плеч.

А с экрана продолжалась речь. Точнее, монолог с приглашением к полемике?

— ...восстановить поправную честь... и вы, офицеры, как никто другой понимаете, что есть моменты, когда командир обязан... что будет расстрелян после... — никакой фальши, никакой игры. Телесуфлёр? Непохоже. В речи нехарактерные слова, заполняющие паузы. Он и вправду говорит, что думает... — не прошу прощения, но призываю исполнить долг... доказательства... по завершении... кто-то считает для себя невозможным... воздержаться от насилия... нам здесь жить...

Я понимал, что так будет, уже знал, зачем, как и почему это всё. И всё равно чувствовал, как по спине текут тяжёлые капли. Наверное, нельзя было иначе. Вероятно, промедление было подобно смерти. Но почему же так тяжёло?

И как же тяжело тем, кто ещё не втянут в это всё? Кого сейчас будут варить в трёх водах.

Речь произвела впечатление не только на меня. Родион выдохнул только когда экран погас после слов «Я доверяю вашему решению». Таня последние пару минут вцепилась в мою руку, царапая ногтями в особо тяжёлые моменты.

Посмотрела на неё, на меня. Виновато улыбнулась — губы не хотели слушаться. Переложила на подлокотник, который пустил лёгкий дымок. Спихватилась.

Загоревшийся свет обозначил полковника Коливошко около экрана.

— Прошу минуту тишины. Я не хочу спорить с Президентом. — В зале послышались смешки. — Но предлагаю вам самим выбрать, что будет в приоритете: диалог или материалы дела, послужившие предпосылками.

— А совместить можно, товарищ полковник? — интересно, кто это такой живчик.

— Поверьте, не стоит.

— Тогда давайте диалог. Вы ведь уже знаете, что там? — другой голос, вроде бы Полуян.

— Да, Ян. — Сергей Степанович выдержал паузу. Вздыхнул так, что эхо отдалось внутри нас. — Знаю. И вам не понравится.

Кто-то из впереди сидящих поднял руку.

— Расскажите в общих чертах. Вчерашнее обращение видели не все.

— В общих чертах — всё плохо. Дума и Совет Федерации в течение минимум трёх месяцев были под контролем магов-псиоников. Кроме того, наши альтернативные коллеги, — Сергей поморщился, — примерно аналогичный срок тоже были под таким контролем, что и вылилось в сражение под Армавиром.

— Но ведь магов больше нет. Правильно?

— Да. Вы правы. Но общее мнение такое, что у противника это были не последние маги такого рода. И если уязвимость есть, то она будет использоваться и дальше.

— Да ну, Сергей Степанович, это же не значит, что нужно разгонять парламенты до уровня городской думы?

— А ты, Снег, вот лично ты, готов разгребать последствия, которые наступят при срыве подготовки к зимнему сезону в Норильске? — Пример, конечно, полковник привёл жёсткий. На грани. — Или недофинансирование профилактических мероприятий по гидрозащите в Сочи?

— А как будто губернатор сможет всё объять и сделать. — Мне понравился аргумент. Чувствовалось, что от души идёт.

— Пойми. У каждой проблемы есть фамилия, имя и должность. А сейчас — нет. Ничего нет. Коллективное безответственное. — Злой тон Сергея заставлял верить в то, что ему не всё равно. — Говорили, рассматривали, первое чтение, второе, третье. При том, что никто персонально ничего в обсуждаемой теме не понимает.

— А как же они голосуют? — Лена. Сразу видно — штатская, никакого понимания субординации.

— Кому-то помощники, которые немного в тему погружены говорят, кто-то по партийной схеме. Сказали «за» — нажмёт «за», сказали — «против», сольёт, даже если будет понимать, что это во вред.

— Так их же отозвать тогда можно? Если во вред? — Лена не садилась.

Сергей поджал губы и покачал головой несколько раз из стороны в сторону.

— Но это же нечестно...

— Прости, Леночка, но это реальность. — Она села на своё место, отмахнувшись от Кирилла, протянувшего руку.

— Товарищ полковник. — Татьяна взлетела из кресла. — А мы можем гарантировать, что губернатор, мэр, и по нисходящей, окажутся компетентными и честными?

— Нет! — Слово отражалось от стен и потолка. Сергей молчал, давая каждому начать думать дальше. — Но им передадут компетентных людей из числа сокращаемых, а также нарежут персональной ответственности.

— Как будто это помогало, — Таня не сдавалась. — Как там в анекдоте: «Нацарював бы рублів сто, та й втік».

— Некуда будет бежать.

— Это вы про экстерриториальность наказания? — Медленный кивок. — То есть, это не страшилка? — второй кивок. — И много у нас... Судоплатовых?

— Спроси Алексея...

— Это... правда? — её указательный палец, направленный на меня, дрожал, пока в уголках глаз формировались слёзы, блестящие в неровном свете.

— Да.

— И когда ты собирался мне сказать?

— Когда получил бы разрешение старших по званию. — Мне было нестерпимо больно говорить эти слова, но это был единственный способ не допустить бури.

— И... и кто будут первые... жертвы?

— Приговорённые. Преступники. Враги. — Я говорил и пытался поверить самому себе.

— Майор, остановись. И ты, капитан. — Нас прервал Сергей. — Таня, — перешёл он на личное обращение, — ты мыслишь категориями обывателя...

— ...да! — Прервала она его. — И не стесняюсь этого. Потому что необходимостью можно оправдать всё, что угодно. И отряд семьсот тридцать один, и помощь Бокассе. — Я боялся, что сейчас она полыхнёт, но, к счастью, эмоции были контролируемы. — А вы ещё даже не провели суд. Два нуля в военный билет уже вписали перед номером? Лицензию на убийство королева подписала?

Я вздрогнул на слове «королева». Это не осталось незамеченным.

— Вы... Вы!.. — Татьяна задыхалась от ярости. — Вы соображаете, что собираетесь сделать? Это же глава государства...

— Татьяна Сергеевна, возьмите себя в руки. Прежде всего, это лицо без гражданства или подданства и даже без определённого места жительства. — В каждой шутке есть доля шутки, и те, кто в курсе правового статуса Елизаветы, непроизвольно всхотгнули. — А что касается главы государства, так это не препятствие. Англичане это сами всем показали.

Таня дрожала от смеси гнева и обиды.

— А что касается приведения приговора... — упор на эти слова должен был дать понять, что действия будут происходить в правовом поле, но общий накал обнулял смыслы, стоящие за ними. — Сначала будет суд...

— ...судилище! Кто на него явится?..

— ...суд, — спокойно и даже немного упрямо повторил Сергей. — И уже он определит и вину, и наказание.

— Вы под это всё мораторий отменили? — Татьяна сейчас была воплощением справедливости. Вот только в наше время место справедливости было в словаре. На букву «С». В одном томе с «Совестью».

— Это вынужденная мера. — Полковник не был убедителен, казалось, даже, что он теряет свою уверенность.

— Зато какая удобная. Особенно для устранения неугодных...

Сергей стоял как ударенный. Было видно, что он для себя проговаривал эту мысль, но отложил подальше, чтобы она ему не мешала. А теперь её выволокли на свет, да ещё и в присутствии других людей.

— Таня, вы позволите мне немного приоткрыть детали будущей операции? — вкрадчивый голос Тюрина, казалось, змеёй вился вокруг каждого из нас. Это было настолько ему несвойственно, что девушка моментально утратила ярость.

— Да, простите, Антон Афанасьевич.

— Ты совершенно права, что озвучиваешь возможность перегибов. Но ты не права, поскольку мы с вами уже давно живём вне правового поля, ликвидируя людей и... не совсем людей, и не несём за это ответственности.

Таня осунулась. Тюрин намеренно или случайно — неважно — ударил. Так, как умеет только он, в оголённый нерв, туда, где больше всего.

— Так сложилось, что нынешняя система сложилась как результат компромиссов нескольких властных, околоставных и не совсем властных групп и долгие годы являлась правилами игры, в которой главным было то, что система не карает насовсем.

— Почему?

— Потому что это в том числе страховка тех, кто сейчас повыше, на случай прихода к власти тех, кто пониже. Во избежание «окончательного решения» вопроса.

— То есть, это не из человечности и гуманности?

— Мне жаль.

Таня мешком рухнула в кресло. Я попытался взять её руку в свою, но она оттолкнула меня.

— К сожалению, эта же система привела к тому, что и внешние силы стали застрахованы от такого рода решений. Потому что нельзя одновременно быть сильным и слабым.

— И вы решили перевернуть доску? — мрачности Марата мог бы позавидовать Нола-новский Бэтмен.

— Нет. Мы решили снять гири с ног. — Генерал обвёл зал взглядом, всматриваясь в лица. — Это не оправдание. Власть в них не нуждается. Это — констатация факта. Мы играли с шулерами их колодой по их правилам. Нужно выходить из игры.

— Ну и способ же выбран. — Мне показалось, что Марат не то, чтобы принял объяснение, но по крайней мере задумался над ним.

— Марат, ты же взрослый мужчина. Ты же прекрасно знаешь, что бывает, когда лох хочет досрочно выйти из игры. Неважно, в поезде или на пляже.

— Знаю. Одноклассник в девяносто седьмом так «вышел».

— Вот и ответ.

— И чем мы будем тогда от них отличаться?

— Не знаю. — Тюрин развёл руками. — Но надеюсь, что вы и такие как вы можете это понять.

Марат тихо выругался на татарском. Все услышали. Но сделали вид, что не поняли.

— Спасибо, Марат. Ты выразил общее отношение к ситуации. — Не все... —И я повторю слова Президента. Если кто-то считает для себя невозможным активное участие в переходном процессе, он может заявить об этом.

В зале стояла тишина. Люди... офицеры переглядывались, в то же время старательно пряча глаза друг от друга.

— Не нужно сейчас. Вы можете зайти ко мне или Сергею Степановичу. Я даю вам слово офицера, что никаких санкций применено не будет.

— А как же «революцию не делают в белых перчатках»? — саркастически, но устало проговорила Таня.

— Кто-то делает, а кто-то принимает результат. — И вроде бы прозвучало как «госприёмка», но внутреннее презрение к «самоустранившимся», сквозило ледяным потоком, вжимая каждого, кто хотел бы остаться «чистеньким», в кресла.

— Я вас всех об одном прошу. Не идите против своего естества. Не нужно бросаться в это пламя «за компанию» или из страха. — Тюрин на каждом ходу переворачивал воображаемую шахматную доску, заставляя каждого посмотреть на ситуацию со всех сторон.

— И смотреть со стороны, как те, кто остался, тащат за себя и за того парня? — Таня, что же ты творишь?

— Татьяна Сергеевна, я попрошу Вас выйти сейчас сюда. Не как офицера, не как мага, как человека.

Она встала, с непониманием посмотрела на меня, ища поддержки. На миг пальцы коснулись моей руки. Марат поднялся, пропуская. Их взгляды пересеклись. Лёгкий кивок как благословление.

Три ряда кресел длиннее пути на Голгофу. Каждый шаг как удар сердца.

Испуганная своей смелостью девушка и старый седой генерал. Чуть дальше в тени — полковник, заметны лишь глаза.

— Вот, товарищи офицеры. Перед вами яркий пример искренности, честности и бескомпромиссности в суждениях. И я прошу вас всех встать в знак уважения к той, кто не испугалась за всех вас сказать нам в лицо то, что каждый из вас... да-да, не морщитесь, каждый, думал. И промолчал.

Скрип кресел, стук обуви, шум одежды. Пунцовая от стыда и смущения Таня.

— Спасибо, дочка. Пожалуйста, оставайся такой, какая ты есть. Не давай нам жить посередине и прятаться за серой моралью.

Татьяна, как будто повинуюсь чужой воле, раскрыла объятия навстречу Антону Афанасьевичу. По щекам у обоих катились крупные слёзы.

Кто-то, Лёня или Слава, — со спины не разобрав, начал аплодировать. Подхватил весь зал. Не мгновенно, но волна распространялась как от эпицентра.

Они стояли, обнявшись. Закон и Справедливость.

Огонь уронил голову на плечо скале.

Воздержавшихся не было.

Глава 2. Декабрь 2017. Нижегородская область.

— Ты уверен, что сдюжишь с ролью палача? — У нас было полчаса после второго фильма. И мы шли немного передохнуть перед началом большого совещания, где, как я понимал, будет планироваться операция возмездия.

— Нет, Тань.

— Тогда почему? Лёш, ты помнишь пьесу «Убить дракона»? Помнишь про «лучшего ученика»?

— Да. И всё равно не могу согласиться с тобой. Ты очень превратно понимаешь слово «справедливость». Но не хочешь понять, что её не бывает в чистом виде. — Я пытался достучаться до разума, который спрятался за стеной эмоций. — Ты во многом права, ты видишь мир иначе. И Тюрин это понимает, и ты ему нужна именно такая как есть. — Она смотрела на меня, но видела что-то своё.

— А ты?

— И я нужен такой какой есть. Но ты упорно хочешь, чтобы я был таким, какого ты представила себе.

Она остановилась, заставив меня не закончить шаг.

— Я плохо представляю тебя?

— Нет, ты представляешь не меня. И тебе очень плохо от этого несоответствия.

— И что дальше? — её ладони сжимались и разжимались, живя своей жизнью. — Мне нужно измениться?

— Нет. Дальше всё так, как и было. Жить. А заставлять тебя меняться в угоду мне — это будешь уже не ты.

— Тебе нимб не жмёт? Такой правильный, такой... — договорить она не успела. Зверь мягко, но чувствительно взял её ладонь, зажав зубами. Я почувствовал на губах дыхание горячего ветра.

Начинающееся резкое движение было остановлено. Вторая рука с тонкими красными вислоухами, блуждающими по кисти, спряталась за спиной.

Осознание приходило постепенно.

— Я... я опять чуть не сорвалась?..

Я молчал. Зверь тоже. Открыл пасть и выпустил ладонь, ещё хранящую следы давления на коже.

— Я дура?

— Ты — Огонь. Ты не можешь иначе.

— А если... если я поеду... карать. Тебе же нужна будет помощь?

— Нет. И не потому, что не сможешь, а потому что ты сделаешь это как пламя. Ярко, эмоционально, отдавая и вкладывая душу. — Она слушала меня, растворяясь в моих словах. — А потом ты вернёшься. Не вся. Без той части души, которую оставишь... там.

— А ты?

— А я буду возвращаться к тебе. Главное, памятник не воздвигай.

— Дурак...

Мою «командировку» обсудили на удивление быстро. Передали дела на всех и каждого, кто был замешан в процессах мятежа и перехвата влияния. С ними же — местонахождения и основные маршруты. Получилось одиннадцать человек. Много. Очень много.

Я ожидал, что всё же будет итогом четыре-шесть актеров второго плана. А лорд-канцлер и глава адмиралтейства уйдут за скобки. Наверное, нужно был что-то сказать, возразить. Но я смалодушничал. Или наоборот?

Татьяна только сверкала глазами, впрочем, задавая уместные вопросы, которые стоило бы задавать мне. О помощниках, поддержке, легенде, прикрытии, путях отступления и резервных планах.

Сергей и Маргарита объясняли. Понимали, что это не просто блажь с её стороны. Для легенды была «поднята» виртуальная личность немецкого владельца небольшого международного консалтинга. Родом «немец» был из Поволжья, что объясняло бы его акцент.

Прилёт через Мюнхен за пару дней, мини-рекогносцировка — померить Лондон и Сити шагами. Трость и ботинки вместо экзokoпыт — максимум нанять раз-другой «сиделку», чтобы покатали по историческим местам на инвалидном кресле.

Образ — костюм, шляпа, пальто в тон. Благообразный мужчина, не вызывающий подозрений, даже если ретивый бобби мазнёт взглядом.

Я понимал, что в вопросах работы нелегалом у меня нет никакого опыта, и здесь нужно просто быть собой, но всё равно уже сейчас ныло под ложечкой. Понимал, что наверняка уже специальные люди занимаются «провешиванием» маршрута, но душа была не на месте.

Чего боялся больше всего — так это своего спокойного, даже отстранённого отношения к процессу. Я уже был там, уже мерил шагами паутину, сплетённую за сотни лет поколениями пауков и старательно подавлял свою арахнофобию.

За время обсуждения я поймал десятки взглядов. Сожалеющих, извиняющихся, ободряющих. Но против не высказался никто. Решение принято, и нужно его исполнять.

Был только один вопрос. От Марины.

Она сидела чуть наособицу, рядом с Дашей и Родионом. Руки с тонкими чёрными прожилками на столе.

— А мы не можем просто уничтожить всех? Разом?

— Ракетами?.. — невесело спросил Сергей. — Одной не отделаться, а несколько — это повод ко встречному массивированному ядерному удару. Всех по всем...

— Нет. Магией. Как персы.

Полковник закашлялся.

— Во-первых, у нас нет таких возможностей, во-вторых, нет тех, кто мог бы на себя взвалить такую ответственность, а, в-третьих, там же полно невинных...

Марина терпеливо слушала, не перебивая, пока он не закончил.

— Во-первых, теперь — есть. Во-вторых, есть. В-третьих... а они невинных жалели, принимая законы, обрекающие страну на деградацию?

Показалось, что на стенах выросли слои инея. Комната стала залой Снежной Королевы. Вопросы, которые каждый себе задавал, получили ответы. Чёткие, логичные, идущие из того нутряного вместилища души, где око за око и зуб за зуб.

К чести Сергея, он оправился быстро.

— И чем тогда мы будем отличаться от них?

— А сейчас? — и мороз забрался уже под кожу.

— А ты уверена, что ты. Да-да, не отводи глаза, именно ты, хочешь этого? Хочешь рассказывать своим детям о том, как ты выморозила десяток миллионов человек? Правых, виноватых. — Полковник говорил спокойно. Но холод уходил. — Персам было проще. Они свои жизни и, может даже, души, разменяли на чужие. А ты? Ты сможешь так жить? Ты сможешь умереть, зная, что жить придётся твоим товарищам, друзьям, которые будут нести это всё?

Жаркий самум ворвался в зал, слизывая остатки инея со стен и выбирая холод из-под кожи. Сергей был жёсток. Даже жесток. Но юношеский идеализм в восемнадцать лет, даже если ты — Порядок, нужно ставить на место. Находить ему полезное занятие, и всячески следить за перегибами.

Марина смотрела с вызовом, который с каждым словом полковника уходил из взгляда. Когда Сергей закончил, она сказала:

— Да. Готова. — Тишина стала болезненной.

— А я — нет! — Даша осуждающе смотрела на не ожидавшую этого девушку. — Я не хочу. И не буду. А без меня ты не сможешь. Даже с братьями.

— Даша!

— Ты думала, что я захочу отомстить? Я хочу. Но не кому попало! Ты думала, раз я могу отдавать всегда, то я и хочу — всегда? Нет! Я — человек. Я — не батарейка! И следующий раз, прежде чем решать за меня, спроси.

И только тихий голос Родиона хлестнул тыльной стороной ладони по щеке.

— Видишь теперь? Не месть, а возмездие.

Марина оторвала ладони, примёрзшие к столешнице. Чёрные нити на миг полыхнули. Поднялась, повернулась к выходу, но была остановлена властным окриком полковника.

— Сядь!

Резкий поворот головы, напряжённая рука, злость во взгляде.

Родион взял её вторую ладонь.

Что-то произошло, то, чему нет слов в нашем понятийном аппарате. На миг дыбом встали волосы на руках. Но девушка завертела головой, посмотрела на стоящего Сергея, на нас, на пятна инея, расплывающиеся на столе в лужицы. Села в кресло.

— В следующий раз предупреждения не будет. — Жёстко заметил полковник и, как ни в чём ни бывало, перешёл ко второй части встречи.

На экране замелькали фотографии. Центр связи в Риихимяки. Предположительно, с высокой долей достоверности, он являлся координирующей системой для работы мозголомов.

— Подожди, — я поднял руку. — А разве Финляндия у нас уже в НАТО?

— Нет. Но база — есть. — Сергей развёл руками, демонстрируя коллизию.

— Отлично. Просто отлично.

— Да. Дослушайте. — Примерно шестьдесят человек постоянного состава, сотня переменного. Высокотехнологичное оборудование, множественные каналы спутниковой связи, защищенные линии.

На экране мелькали фотографии объекта. Вписанные в живописные леса аккуратные строения, оплетённые вышками с проводами антенн, разнесённые по сторонам антенны спутниковой связи. Даже космическая съёмка демонстрировала, что авторы постарались не выламываться из общего ландшафта, максимально сохраняя природу.

Выглядело это, конечно, великолепным творением человеческого гения. Злого гения, враждебного нам.

— Персонал военный? — я успел первым.

— Нет. Формально — гражданские, вольнонаёмные. Фактически — сотрудники разведок. — Сергей пожевал слово, прежде чем поделиться им. — «Отпускники».

Ужалило. Вспомнились события четырнадцатого года, до того момента, как Завеса сделала своё дело. И даже немного позже.

— И... — Яков попытался за всех сформулировать главный вопрос, — всех в расход?

Сергей выглядел немного самодовольным. Он обвёл взглядом всех по очереди, задержался на Марине, вернулся к Якову.

— Ты думаешь, у меня в голове есть калькулятор, на котором есть граница, — шестьдесят нормально, десять миллионов — уже нет?

Геммолог пожал плечами.

— Меньшее зло?

— Раз уж мы к пану Сапковскому пришли, то даже его Геральт транслировал в мир, что зло не бывает меньшим и большим. Оно просто зло. — Полковник, на мой взгляд, провоцировал конфликт, заставляя не быть безучастными.

— Я помню. Но и вижу, к чему мы идём. И как. Серёж, не крути kota за... — он кашлянул, формально извиняясь, но фактически подчёркивая несказанное слово. — Говори, как есть, мы уже наигрались в умолчания.

Отповедь явно нашла свою цель. Сергей хмыкнул, удовлетворённый реакцией, жесты стали немного резче, он загорелся той идеей, которую родил в своей голове.

«Как Зевс Афину», — шепнуло подсознание.

Операция имела кодовое название «Эгида». От совпадения вздрогнул, чем вызвал пристальное внимание сидящих, впрочем, быстро переключившееся на докладчика.

Замысел был сложен и требовал, чтобы все элементы головоломки провернулись чётко, на нужное количество щелчков и вовремя. Но, если оценивать изящество, то за артистичность можно смело ставить шесть-ноль.

Системы связи, датацентр и всё оборудование жрали энергию как не в себя. Но помимо этого, они же и выделяли тепло как побочный фактор работы. Финны, предоставившие территорию, попытались «и на ёлку влезть, и задницу не оцарапать», как под осуждающий взгляд сестры и всеобщий смех выразился мой племянник.

Для сохранения экологии на территории они потребовали построить системы охлаждения, которые должны были уводить тепло подальше от самой базы. Хотя мне идея показалась более прозаической — оставить тепловую нейтральность базы, чтобы она не так сильно выделялась на фоне леса, работая в том числе в полупассивном режиме сбора информации.

Но, как бы то ни было, охлаждение подключили внешнее. А что у нас хладагент? Правильно, если не сушить мозги обывателям с фреонами, то у аммиака конкурентов нет. И в трёх километрах от базы к северу, у небольшого рукотворного пруда был отгрохан компрессорный пункт, который и сбрасывал излишки в окружающий мир.

— То есть, я правильно понимаю, что ты предлагаешь создать панику на тему утечки аммиака, дожидаться эвакуации персонала и раздолбать безлюдную базу? — Яков не играл словами и смыслами.

Я наблюдал за Мариной и Татьяной, по очереди бросая осторожные взгляды. Может, конечно, мне показалось, но они воспряли, понимая, что человеческих жертв не предвидится.

— Да. Ты правильно понимаешь, — прямо подтвердил Сергей. — Но нам потребуется участие нескольких человек.

Он вывел на экран новый слайд, на котором помимо базы и компрессорной станции был обозначен ещё и метеорологический пункт. На слайде, повинаясь указке, загорались новые объекты, обозначая участие наших магов.

— Итак. Предварительная схема предполагает участие Татьяны, Марины, Дарьи, Кирилла. А также группы обеспечения, которые помогут «натурализоваться» и добраться до мест.

— А я там зачем? — маг-воздушник искренне не понимал своей роли.

— Погоди, — Сергей улыбался. Было заметно, что план захватил его полностью. — Таня, тебе предстоит задача «подогреть» компрессорную станцию. Она практически полностью автоматизирована, люди наезжают дважды в неделю, и то — визуально осмотреть состояние оборудования.

— Товарищ полковник, я, конечно, рада, что вы в меня верите, но... — Татьяна попросила жестом отмотать назад до фотографий станции. — Там же ёмкости кубов на шестьсот...

— Тысяча двести, — поправил её Сергей. — Жидкого аммиака.

Борис присвистнул. Чёркая по листку, он прикинул порядок энергетического баланса и показал нам две цифры. Дельта двадцать градусов и жирные сто гигаджоулей.

— Хомячка порвёт.

Если бы это сказал кто угодно, Татьяна бы уже окутала руки алым. Но это были её слова.

— Татьяна Сергеевна. — Голос полковника обволакивал. — Я же не зря выделил слово «подогреть», и не просто так упомянул автоматизацию станции. Нам не нужна экологическая катастрофа, нам нужен повод к эвакуации базы.

Таня постепенно светлела лицом. К завершению фразы она уже улыбалась.

— То есть, нужно заставить датчики считывать иную температуру? — Это можно.

— Ну и помимо них, в отдельных отводах, — на экране появился снимок какого-то сложного оборудования. — Там, где снимаются характеристики по давлению и скорости потока — это тебе потом отдельные специалисты объяснят — придётся подогреть по-настоящему. Потому что надо будет показать и нарастание давления, и прочие параметры.

— На это меня хватит. — Она оглянулась на нас. — Наверное.

— Хорошо. Следующий пункт — Кирилл. — Полковник ткнул в метеостанцию. — Здесь, в непосредственной близости, твоя задача будет сформировать картину ветра, который выстилающим накатом от компрессора к базе перенесёт аммиак в случае прорыва.

— Так если одна станция будет «не в ногу» шагать, её сведения отбросят как незначащие? — Я вмешался в разговор.

— Эта станция — обитаемая. Её сведения игнорировать не смогут. А три рядом мы уже взломали и подгрузим сведения, чтобы не выглядело девиацией.

— Хм, разумно. — Кирилл что-то пытался для себя определить, жестикулируя руками. — Но я долго не смогу. Одно дело — щит поставить или там пламя сбить ударом, другое — обеспечить стабильный поток.

— Мы понимаем. Но придётся постараться. — Жёсткий взгляд, приказной тон. Это не беседа, это планирование операции.

— А я могу помочь? — Даша выбрала момент, когда полковник набирал воздуха между фразами.

— Можешь. Но на другом участке. Здесь же Кириллу придётся самостоятельно работать. Если только кто-либо не сможет его подпитать вместо тебя.

— Может быть — я? — Артём несмело поднял руку. Последнее время его, кроме как в связке с Настей, не рассматривали, выведя за рамки боевых операций, но он всё же оставался сильным огненным магом.

Кирилл с любопытством смотрел на него, затем, что-то решив для себя, протянул руку.

— Буду рад.

Молчаливое согласие узаконило этот союз.

— Ну и напоследок. База. Как видно на снимках, дорога к ней идёт с юго-юго-западного направления, что обеспечивает наиболее адекватный способ эвакуации.

— А они внутри не могут решить пересидеть? Всё же аммиак — не хлор. Он по-над землёй не стелется. — Вдруг спросил Яков.

Это был хороший вопрос. В духе «а что, если объявили войну, а одна из сторон — не явилась?»

— Не могут. В регламенте совершенно чётко есть инструкции на счёт утечек. Понятно, что их ввели «на всякий случай», но вот мы его и организуем.

— Я должна буду всё уничтожить? — Марина. Страх и надежда. Обида и жажда мести, отодвинутые в глубину, но не вытесненные из сознания.

— Нет.

— Почему нет? — ребёнок, у которого вынули из ладошки конфету.

— Нет, не всё. — Сергей видел реакции и дирижировал её эмоциональным состоянием, заставляя реагировать так, как нужно, а не как хочется.

Я восхищался его способности и хотел врезать ему за то, как он её использует.

«Чистоплюй», — шептало подсознание.

Более крупная фотография заняла экранное пространство. Постепенно приближаясь, она фокусировалась на конкретном объекте.

— Вычислительный центр. Система обработки аналоговых сигналов, сбора их и перевода в цифру. Уникальный объект. Изначально его должны были поставить на юге, не помню, Катар или Бахрейн, но персы чуть поменяли общую диспозицию и вот она здесь.

— Погоди, если мы об одном и том же — на юге же загоризонтные системы? И всё такое. Я же помню, ну из позатой жизни. — Для меня что-то не складывалось.

— Ты правильно помнишь, но там же и база флота, а с ней и аналогичный центр. Вот для него и предназначалось. — Спасибо Сергею, что не стал тыкать в мою «моральную устарелость».

— То есть, это наша единственная цель? — как-то даже разочарованно спросила Марина.

— Это то, что сейчас есть в единственном экземпляре. Ну, и, если сил и времени хватит — мы не будем ограничивать тебя. — Полковник помолчал и добавил. — Но ты должна будешь сама себе поставить рамки. Нам камикадзе не нужны.

На миг девушка вспыхнула, но ей хватило самодисциплины, чтобы сдержать порыв.

— Я понимаю. Но если ставить приоритеты, то в каком порядке?

— Это уже на этапе планирования определим. Главное, чтобы каждый понимал цели и задачи.

— А эвакуация? — Почему-то меня удивило отсутствие даже намёка на неё.

— С этим вопрос прорабатывается, но общая схема есть. — Сергей заюлил. На него не было похоже.

— Ты же не предполагаешь силовой прорыв к границе? — первая мысль у меня была именно об этом.

— Лёш, не нагнетай! — Он примирительно выставил руки. — Вопрос тоньше. Для легализации и безопасного проникновения и отхода залегендирована семья.

— Какая семья? — не понял я под сочувственный и слегка лукавый взгляд Якова.

— Кирилл, Татьяна, Марина и Даша.

— Ещё раз.

— Ну Кирилл и Татьяна как муж и жена, Марина — его дочь от первого брака, Даша — общая.

— И что тут тонкого?

— Ну-у, — он перешёл на шёпот. — Им придётся в одном номере спать и всё такое. — Я не знал, как тебе сказать.

Я изобразил капитана Пикара. Следом за мной повторил Кирилл.

Нарастающий хохот ознаменовал завершение совещания.

Когда все разошлись, я продолжил сидеть. Детская игра — пока ты не вышел из комнаты, мама не прочтёт запись в дневнике, папа не учует запах горелой пластмассы на кухне, по телефону не позвонит классный руководитель с жалобой на поведение.

И, как и в детстве, я проиграл. Снова.

На этот раз входящему Тюрину.

— Несколько минут. — Антон Афанасьевич выглядел подавленным. — Это — личное.

— Что-то не так? — пролежавший всё совещание серой тенью Зверь вскочил и обнюхал красную, кричащую «Опасность» папку, которую генерал бережно положил на стол.

— Всё не так.

Из недр папки на стол легли полтора десятка фотографий. Чёрно-белые, чуть смазанные. Они явно были получены с камер наружного наблюдения. Мужчина лет тридцати, лицо породистого бульдога, ещё не обрюзгшее, как у позднего Черчилля, но типаж узнаваем. Женщина — двадцать пять-двадцать семь. Даже по такой фотографии выделяются ярко-рыжие волосы, а типаж позволяет сделать предположение, что она не ирландка, а валлийка.

На руках у пары поочередно ребёнок. Лет пяти? Если бы на нашей улице не жила семья с детьми-олигофренами, я бы не понял, что именно раздражает глаз.

Понял.

Вздрыгнул оттого, что родители выглядели счастливыми на фотографиях. Даже таких мимолётных. Что-то пугало в них.

«Милый, я хочу, чтобы ты всегда был рядом... Я сказала: Рядом!!!» — тут же подбросил реплику внутренний демон. Или ангел.

Счастье было приказным. Цельнотянутым. Чуждым.

— Насмотрелся?

— Кто это? — вернул я вопрос.

— Вероятно, очередные мозголомы. Кэрис, — всё же я не ошибся с уроженицей Уэльса, — и Руан Дизраэли. Не родственники, — выдал заготовленную фразу генерал.

— Кто из них?

— Неизвестно. Они работают парой. И, сам понимаешь, особо работа не афишируется.

— Понятно. Тогда другой вопрос. Что мне Гекуба?

— Классику, значит, цитируем? На Уильяма, нашего, Шекспира, замахиваемся? — Тюрин за словами прятал что-то личное, не решаясь перейти к сути вопроса.

Я молчал, открыться — значит принять априори то, что тревожит генерала. И это явно будет произвольной программой. А я не был уверен, что откатаю и обязательную. Молчать — он лучше меня на тридцать лет умеет играть в эти игры.

Заговорили мы одновременно, не дав уронить друг другу лицо.

— Позавчера эта пара нанесла визит нашему военному атташе в Лондоне. После чего он стёр доступные ему по рангу сведения с камер наблюдения и вышел с ними.

— Если стёр, то...

— Он не знал, что сторожей тоже стерегут, и данные дублируются в тихом режиме. — Тюрин говорил негромко, с тщательно подавляемой болью в голосе.

— Мне нужно его найти?

— Нет. Найди их. Артур... Артур уже мёртв. — Антон Афанасьевич вздохнул. — Он смог дать последний бой. Пусть и так. Тело опознали ещё вчера. Они не отошли и полусотни шагов.

— Он был вашим другом?

— Один из нашего выпуска. — Генерал молчал. Я не смел прервать его молчание. — Найди их, Алексей. — Он посмотрел на меня, и я увидел в глазах страх. Страх не суметь дать последний бой. — Пожалуйста.

Тюрин поднялся. Не прощаясь, вышел.

А я сидел перед полутора десятками фотографий неправильно счастливой пары с ребёнком-олигофреном на руках. И страхом старого генерала, который не спешил уходить из кабинета.

Глава 3. Декабрь 2017. Москва - Лондон

Глава 3. Декабрь 2017. Москва — Лондон.

С братом я так и не попрощался. Не знаю, почему.

Наверное, мне было страшно. Нет. Он бы понял. Он всегда всё понимал. Но само по себе было больно, а стало бы больнее. И *такое* благословение получать не хотелось. Поймал в коридоре уставшую Маргариту и попросил её не озвучивать детали командировки. Она почти машинально кивнула и убежала по своим майорским делам.

В Москве, куда я прибыл в сопровождении Сергея, в одном из кабинетов на Лубянке с меня сняли множество мерок и через пару часов выкатили потрясающую коричневую тройку и тонкой работы кожаный плащ.

— Зонт к этому великолепию не предполагается, поэтому рекомендую выбрать шляпу. — Невысокий седоватый живчик-костюмер вился вокруг меня. — Для повседневного же ношения рекомендую на месте подобрать какую-нибудь куртку милитари-стайл, штаны военного образца и кепку. Нет, бейсболку. Только берите тканевую, не кожаную. Так вы будете похожи на отставника-инвалида и на вас не обратят лишнего внимания.

— А для образа при использовании инвалидной коляски?

— Если не злоупотреблять ею, — он предостерегающе поднял палец, призывая меня помолчать, — то образ отставника будет как раз. Но, повторюсь, не злоупотреблять.

— Так инвалидов же жалеют, и волей-неволей взгляд отводят. Эдакая стигматизация и добровольное исключение из памяти. — Вспомнил я информацию из общего курса.

Костюмер посмотрел на меня поверх очков.

— Сейчас на западе это уже «не играет». Такой отвод глаз будет выглядеть как оскорбление, поэтому можно быть готовым, что вас рассмотрят и запомнят. — Я старательно запомнил наставления. — А вот когда вы будете выглядеть гармонично, уверенным в себе, пусть и с тростью, тут диссонанс минимален. И необходимости соблюдать правила игры у окружающих не будет. Мазнут взглядом и пойдут дальше. А уж костюм, — он причмокнул, давая понять, что сам доволен результатом, — здесь трость будет сочтена частью образа, поэтому вы будете очередным самодовольным менеджером средне-высокого класса.

Мда. Век живи — век учись.

— Кстати, я же правильно помню, что вам сегодня присутствовать на открытой линии Президента и журналистов? — То, что затевалось как аудиенция, из-за слишком «громкой» подачи с повестками в суд превратилось в необходимость участия в чужой игре.

— Да, но я...

— Вот и потренируете навыки сливаться с толпой, отыгрывая роль. Я вам сейчас принесу пару комплектов. И мы подберём то, что будет оптимально вам подходить в рамках заданной темы.

Он исчез, не давая мне договорить, и я очередной раз восхитился профессионализмом таких вот «маленьких» людей, которые были на своих местах и понимали в своей области больше, чем кто бы то ни был, делясь знанием и совершенно не заносясь, и не чванясь.

Долго ждать не пришлось, и моему вниманию были предоставлены два набора вещей, каждый из которых мог помочь Кларку Кенту раствориться в любой толпе. Я выбрал потёртые джинсы, которые на вид были готовы умереть, разойдясь по швам, но оказались крепкими и надёжными.

К ним дисгармонично шёл оранжевый пуловер, на который надевался серый пиджак с нашитыми коричневыми кожаными накладками на локтях. В нагрудном кармане торчал платок и две ручки. Красный и синий колпачки. Оба чуть подмятые, как будто их кто-то грыз.

Я с удивлением обратил внимание на них, на что костюмер ответил, что это пассатижи и наждачка, и можно кусать самому без боязни.

На шею был предложен тонкий шёлковый платок с репродукцией какой-то картины Климта.

— Переодевайтесь, молодой человек. Не тяните время. — Мои размышления о сочетаемости всей этой вакханалии были прерваны самым бесцеремонным образом.

Через десять минут я красовался перед ростовым зеркалом и понимал, что сам бы такой образ ни в жисть не соорудил. А боялся несоответствия — зря.

На меня из зазеркалья смотрел прожжённый журналюга. Такой, который без мыла влезет, а потом вылезет с репортажем и эксклюзивным интервью.

— Вот так и ступайте. А костюмчик на служебную квартиру вам доставим. — Костюмер был явно доволен собой и полученным результатом.

— А не слишком ли для такого мероприятия? — мне всё же казалось, что для официального приёма это несколько чересчур.

— Посмотрите по сторонам — поймёте. Только сильно не глазейте. — Усмехнулся мой наставник на час.

— Что ж, спасибо за науку.

— Ни пуха, ни пера, сынок. — Тихонько прошептал он.

— К воронам. — Вспомнил я римские ругательства.

Кивок, улыбка и большой палец были мне наградой.

На открытую линию я пришёл чуть заранее, но далеко не раньше всех. Это было правильно. Моё появление осталось почти незамеченным. Несколько кивков мужчинам и женщинам, которые приняли меня за кого-то знакомого из братьев по цеху, дежурная улыбка, лёгкий оскал и хлопок по плечу в ответ на «No, seriously, look at you. I thought they'd sooner take a bullet than send you an invitation.»

Короля играет свита, а меня играл костюм. Костюмер был прав. И это даже немного пугало.

Ну что ж, закусим пулю и разыграем сданные карты.

Я прошёл к стойке регистрации, где меня сфотографировали и выдали бейдж. Майор из службы обеспечения отозвал меня в тень и объяснил, где мне лучше сесть, чтобы не попасть под камеры, которые будут обходить весь зал, транслируя репортаж.

Потом он о чём-то вспомнил, и хлопнул себя по лбу.

— Вам же нельзя через металлодетекторы?

Я кивнул, визгу будет — не оберёмся внимания.

— Значит так, я сейчас вас под руку проведу мимо. Ваша задача — испугано озираться по сторонам и немного отставать. Не сопротивляться, но всячески показывать, что вам это не нравится.

— Да легко. — Отозвался я.

— Не переиграйте. Вы — журналист. И судя по тому, как на вас поглядывают коллеги по цеху, — майор усмехнулся, считав мою реакцию, — вас они принимают за кого-то им известного. А значит, надо «угадать».

— Нет, надо делать так, чтобы угадывали они. — Возразил я, на что получил чувствительный хлопок по плечу.

— Сечёшь фишку! — Одобрительно улыбнулся майор, переходя на ты. — Ладно, давай к левому входу. Я тебя встречу.

Он пошёл вперёд, не обращая внимания на окружающих. Подошёл к пункту досмотра, о чём-то стал говорить с охраной, отодвинув рукой пару журналистов, которые остановились перед детектором, возмущённые, что их игнорируют.

Я пошёл быстрым уверенным шагом, стараясь уклоняться от снующих по залу людей. Вроде бы получилось.

Меня приняли на последних трёх шагах. Майор скороговоркой громко говорил по-английски, нарочито добавляя акцента и комкая слова так, чтобы уже в паре метров от него, не видя артикуляцию, нельзя было разобрать его речь.

Я изобразил чуть испуганное лицо, но в то же время постарался добавить возмущения и обещания проблем, если меня не пропустят.

Майор надвигался на меня как танк, я сделал пару шагов назад. Неожиданно он взялся за мой бейдж, сделал вид, что внимательно его изучает, хлопнул себя по лбу ладонью и мгновенно оказался сбоку. Подхватил под локоть и поволок с той же энергией теперь уже в нужном направлении.

Я крутил головой, замечая как сочувственные взгляды, так и пару ехидных, один из которых исходил от того мужчины, что так нагло приветствовал меня, обвиняя в чужих грехах.

Мы зашли внутрь, и майор указал моё место рядом с колонной, которое действительно было закрыто от одной из камер, а вторая на этот угол поворачиваться была не должна.

Одна из женщин-репортёров, увидела, как я смотрю на камеры, проследила за моим взглядом и пришла к тому же выводу. Меня не покажут в телевизоре. Наткнулась на суровый взгляд майора и сочувственно покачала головой, вздёрнув руку, со сжатой в кулак ладонью в знак поддержки.

Я благодарно кивнул ей, поддерживая образ, затем повернулся к майору и злобно на него посмотрел. Он ответил мне, ехидно улыбаясь, и ещё раз ткнул пальцем на кресло.

— Sit here. — Громко. Достаточно громко, чтобы привлечь внимание и показать, что с ним лучше не спорить и не шутить.

Я понурил голову и прошёл. Майор демонстративно следил за мной, и когда я уселся, погрозил кулаком: «Только попробуй пересесть».

Что ж. Даже пытаться не буду. Но на всякий случай совершенно по-мальчишески показал «козу» в спину, чем заработал пяток одобрительных взглядов из зала.

Впрочем, я быстро перестал быть «звездой на час», так как зал заполнялся, люди переговаривались между собой, старые знакомые, новые знакомства, чьи-то счёты друг к другу. Вопросы о вопросах, уберегаемые от чужих взглядов листочки с текстом, профессиональная ревность, суеверия, страхи и тщеславие.

До начала оставалось четыре минуты.

Открытая линия стартовала точно по графику. Вопросы от журналистской братии были однотипные и предсказуемые. Западный мир очень интересовался объявленной диктатурой, отменой моратория, вводом экстерриториальности наказания за преступления против человечности и государственного строя, а также причиной вызова английских должностных лиц и, с придыханием, Королевы.

Президент с лёгкой иронией отвечал на вопросы, как мне показалось, несколько разочарованный их предсказуемостью и примитивностью. У меня даже сложилось впечатление, что большинство журналистов не смотрели выступление, а использовали краткую выжимку. Хотя, может быть, это формулировки были предназначены для наивного зрителя, не погружённого в контекст.

Я периодически поднимал руку, строго по графику. На третий, седьмой и двенадцатый вопрос. Каждый раз взгляд Президента впивался мне в глаза, и я сидел, хотя и порывался вскочить по стойке смирно. Каждый раз он едва заметно кивал и предоставлял возможность задать вопрос кому-то передо мной, позади меня и соседке, сидевшей с другой стороны колонны.

К счастью, альтруистов, готовых передать «первородство», не нашлось, и я продолжал сидеть, изображая из себя жену Штирлица.

Один вопрос был интересный. Его задал тот ехидный журналист.

— Господин Президент, — почти без акцента спросил он. — Скажите, пожалуйста, планируется ли задержание тех английских должностных лиц, которые всё же решают прибыть на дачу показаний?

— Мистер Йоргенс, вы же следите за темой, правильно?

— Да, господин Президент.

— И повестки были переданы в открытом виде.

— Да, господин Президент. — Йоргенс уже начал понимать, что из него сейчас показательно сделают подушечку для булавок.

— В повестке было хоть слово о предъявляемом обвинении?

— Нет, господин Президент.

— Были ли переданы ордера на арест? — Президент ни жестом, ни мимикой, ни голосом не показал, что он глумится над журналистом, но это было настолько очевидно, что зал поджался, готовясь к возможности размазать коллегу по цеху.

— Нет, господин Президент.

— Тогда я прошу прощения, а какого ответа вы ждали от меня своим вопросом?

Йоргенс оглянулся по сторонам, ища поддержки, лицо выглядело потерянным. Сейчас его не смог бы спасти даже вопрос «Так да или нет?» который нужно было задавать сразу. Или никогда.

Он попытался сесть, но откидное сиденье из-за того, что он ёрзал при ответах, успело подняться, и сейчас он едва успел удержаться за подлокотники, вызвав всё же тщательно сдерживаемый смех зала.

«Эпический провал, нарушение всех планов, шесть букв, вторая «и...» Филологи говорят — фиаско. Врут, наверно.» — подсознание вытолкнуло на поверхность старый анекдот.

А шоу продолжалось.

Один из запомнившихся вопросов прозвучал от хрупкой корейской журналистки.

— Скажите, господин Президент. А у вас нет опасения, что другие страны сочтут практику экстерриториальности применяемого наказания подходящей, и станут применять её... «направо и налево»? — последние слова дались ей с трудом, очевидно, она не сразу смогла подобрать нужное словосочетание.

— Замечательный вопрос. Однако, ответ на него донельзя прозаичен. Если вы немного отвяжете взгляд от событий в России, вы увидите примеры односторонних санкций, введённых мимо ООН, окунётесь в события новейшей истории на востоке Евразии, а также вспомните череду покушений ЦРУ хотя бы на жизнь Фиделя Кастро.

— Вы хотите сказать, что на Западе де-факто есть эта практика, а Россия вводит её де-юре?

— Знаете, в хорошем вопросе кроется половина ответа. В вашем вопросе — весь ответ. Я не просто хочу сказать, я это говорю.

— Большое спасибо за откровенность.

— И Вам спасибо за вопрос. — Корейка садилась под аплодисменты. Что ж — это было честно, и здесь она уделала большинство.

Я едва заметно улыбнулся и почувствовал взгляд со сцены. Мне улыбнулись в ответ. Тоже едва заметно. Я кивнул, показывая, что понял.

— Следующий вопрос, пожалуйста. Да-да, второй ряд, посередине... — Вечер продолжался.

Ещё несколько раз поднятая рука, ещё несколько обменов взглядами, ещё одна полуулыбка, мол, видишь, Алексей, с какими людьми работать приходится? Ещё один кивок, мол, вижу, не завидую. Мужчинам, воспитанным на одном и том же материале, очень просто говорить без слов. И очень сложно этот разговор удерживать в душе.

Перед завершением в зал вошёл давешний майор, встал в моём ряду, убедился, что я его увидел. Строго, демонстративно посмотрел на меня, дёрнул головой. Я вздохнул, нарочито медленно поднялся и пошёл, пробираясь мимо «коллег по цеху».

Сочувственные взгляды и одна протянутая рука для пожатия. Ответил совершенно искренне. Кто бы ты ни была — спасибо.

На сцене Президент сделал паузу между вопросами, провожая наши спины.

Вышли в коридор.

— Ну и пересудов будет, — мрачно улыбнулся я.

— Нормально, такие эксцессы через раз происходят. Постоянный пул привык уже. — Беспечно отозвался майор. — А нам с тобой — за сцену. Одежда твоя верхняя уже там, поэтому уйдёшь через служебный выход.

— Идём, конечно.

В ярко освещённом коридоре у ничем не выделяющейся двери стояли два молодых лейтенанта. Проверив паспорт и выслушав сопровождающего майора, они открыли дверь и, козырнув, впустили меня.

Внутри находился ещё один офицер охраны. Он поприветствовал меня, и предложил сесть на одно из двух кресел. Не самые удобные, но надёжные.

Президент пришёл через десять минут. Договаривая на ходу последнюю фразу, он стоял в дверях, обозначая необходимость завершить беседу, но его визави не унимался. Наконец раздался голос давешнего майора, увлекающего человека за собой и офицер вышел из комнаты, оставив нас одних.

— Здравствуйте, Алексей. — Протянутая рука сняла все вопросы относительно этикета.

— Добрый вечер, господин Президент.

— Если невмоготу официоз, тогда уж лучше «товарищ Главнокомандующий». Но лучше просто по имени-отчеству. — Он скривился как от неприятных новостей.

— Прошу прощения, к следующему разу обязательно исправлюсь. — Я волновался как мальчишка.

— Это хорошо. Это правильно, что будет следующий раз. — Президент задумчиво прошёл по комнате, сел в кресле и предложил мне жестом сделать то же самое. — Я не буду тебе ничего сейчас советовать. Вижу, что и без моих советов нашлись умные люди.

Он остановился, посмотрел на меня. Нашёл что-то в моих глазах, что ему не понравилось.

— Алексей. Я понимаю, что стоящее перед тобой задание резко отличается от всего, что ты делал до этого. Я читал твоё дело. Ты — настоящий офицер, и то, что стоит перед тобой, должно тебе претить по сути своей.

Я попытался было возразить, но он вовремя меня прервал.

— Ты можешь сейчас хорохориться, идти наперекор самому себе. Это ни хорошо, ни плохо. Но я попрошу тебя подумать сейчас последний раз. — Президент замолчал, давая мгновения тишины. — Нужно ли тебе это? Тебе придётся измениться. Сильно измениться. И если ты считаешь...

Я прервал его. Это было очень невежливо, но я не хотел, чтобы ему пришлось давать обещания, которые нельзя озвучивать.

— Простите... Я принял решение. И готов нести за него ответственность. Я — офицер. И если Родина ставит задачу, мой долг...

— Твой долг — остаться офицером. Быть человеком, воспитать достойную смену. — Слова были очень жёсткими. Каждое из них весило очень много. А вместе... Вместе они были посылны, потому что в них не было ничего из того, что я не решил для себя. — Почему именно ты?

— Потому что другим будет ещё тяжелее.

— А тебе?

— А я обещал помнить.

— Кого?

— Всех. И каждого. — В горле пересохло. Я почти хрипел.

— Я понимаю. Теперь — понимаю.

Он поднялся, подошёл к двери. Обернулся, пытаюсь запомнить меня.

— Возвращайся.

Щелчок замка был как выстрел.

«...не стану лгать — я пал когда-то.

Всегда. Сейчас...» — чужие стихи как всегда невовремя... вовремя пришли в голову.

Сергей проводил меня в аэропорт. Небольшой чемодан с одеждой журналиста, ноутбук с кучей документов на немецком и английском. Документы созданы в арабских и азиатских часовых поясах. Напоследок успели поругаться по-немецки, чтобы наблюдающие в случае чего, передали нужную информацию.

Пересадку в Мюнхене я почти не запомнил. Суета, движение, но немецкий ордуниг остаётся ордунигом в любом положении — инвалид? Вот тебе коляска и сопровождающий. Вот тебе приоритетное прохождение досмотра, приоритетная загрузка в самолёт.

Передо мной по приорити пассу заходила бабуля — божий одуванчик, которая со своим чемоданчиком до полок допрыгнуть никак не смогла бы. Предложил помощь, попросил придержать трость и со второй попытки забросил неожиданно тяжёлый чемодан.

Крупповскую сталь везла, что ли?

Двинулся к себе в экономе, но был остановлен симпатичной стюардессой, которая тараторя стала предлагать остаться в бизнесе, мол, самолёт недогружен, а вы такой мужчина, такой мужчина, наша компания ценит... бла-бла-бла...

В общем, под одобрительный взгляд бабули я оказался рядом с ней, предвкушая развлечение на весь полёт.

Фрау оказалась адекватной, я даже успел спросить себя: «где кидают?». Разговор вела без сюсюканья, фотографий правнуков и прочего. Мы мило побеседовали о моём акценте — поволжские немцы в анамнезе привели её в восторг. Сама она была вдовой бывшего пленного унтер-офицера, который отбыл свой срок и с теплотой отзывался о России.

Сейчас летела к внучке в Лондон, дочь была замужем за «этим английским снобом» из Эдинбурга. Когда я попытался сказать ей, что Эдинбург — это, скорее шотландец, а не англичанин, она заверила меня, что в сортах scheisse она не разбирается.

Принесли вино, и я по этикетке понял, что одна из бутылок — это рейнское, и успел выбрать именно его, заработав сразу несколько баллов в глазах старой фрау.

К счастью, вино было неплохое, и мне не пришлось притворяться.

Выпили за «неожиданно приятных попутчиков». Фрау Магда успела рассказать, что живёт на ренту, потому что муж успел перед смертью продать свою компанию и выкупить несколько десятков квартир в строящихся домах, а теперь она сдавала это всё через управляющую компанию и у неё оставались даже деньги, чтобы периодически на Рождество и день рождения радовать внучку.

Затем почти без перерыва она переключилась на меня. Чем занимаюсь, где дом, как обстоят отношения с родителями. Придумывать почти не пришлось. Дела, разъезды, помогаю одним людям найти общий язык с другими. Небольшая компания, разбросанная по всей Евразии. Дом есть, но я давно в нём не был, всё некогда. Одно, другое, и хотелось бы осесть, но всегда находится что-то, что обязательно мешает.

Моя соседка кивала, окунувшись в свои мысли. И неожиданно выдала:

— В точности как покойный Людвиг. Тоже собой и семьёй озаботился по-настоящему, когда уже поздно было. Не делайте его ошибок, молодой человек. Не тратьте жизнь на ерунду.

— А что же не ерунда? — Я изобразил недалёкого бизнесмена.

— Ой, не притворяйтесь, — смеясь, махнула она бокалом. — Знаете что, приезжайте... послезавтра в гости. Я вас с Мари-Хелен познакомлю.

Это был вызов. Отказывать было нельзя, но и соглашаться — странно.

Мои сомнения она поняла по-своему.

— Да вы не переживайте, Алекс. Она девушка видная, только своего счастья не понимает. Такая же, как и вы — все силы в работу. Только она больше пока по учёбе, но и подработками уже себя тоже изматывает.

— Это так неожиданно. Вы же меня совсем не знаете.

— Вот и будет повод узнать. А Хелен, — она намеренно опустила первую часть имени, — будет полная *dimmerchen*, если... — и Магда в один глоток приговорила остаток бокала.

Мне пришлось согласиться, и я получил нацарапанный лёгким почерком с милыми завитками листок с адресом.

Странно, она даже не потрудилась узнать, буду ли я в Лондоне, и смогу ли... Очевидно, Магда привыкла всю жизнь строить так, что её не интересовало, готовы ли события прогнуться. А просто шла как ей было нужно.

Что ж, будем считать полезной строчкой в досье. А ухо наострим.

Чемодан старой фрау я снял без напоминания и повторной просьбы, получив взгляд тёщи на зятя, который наконец-то начал что-то делать без напоминаний.

«Ох, кому-то кислицы снятся, и не знает — отчего», — вспомнил я старую материну поговорку на этот счёт, но вслух только тепло распрощался, заработав старушечий поцелуй в щёку и тихий шёпот: «Только попробуй не прийти!».

Глаза её смеялись. Мои — уже нет.

Аэропорт был чужим. Даже чуждым. К счастью, тут мне не нужно было ни с кем встречаться, поэтому, вызвав такси, я сквозь мелкий дождь, морозящий из низких сероватых туч, добрался до гостиницы. Ужин заказал в номер — спускаться совершенно не было настроения, и под не очень вкусную еду, которую нужно было умудриться так испортить, продолжил изучать дела на специальном сайте, который открывался после последовательного ввода четырёх разных ключей.

Уснул там же, в постели. С ноутбуком под боком, который успел нагреться и отключиться. Будильник в телефоне прозвенел, когда я уже вовсю совершал моцион, проснувшись до местного рассвета.

Сегодня мне предстояло заглянуть в Сити, чтобы понять, что и как, но перед всем этим требовалось найти повседневную одежду. Ударившись в поиски, я не заметил, как потерял кучу времени в попытках найти интересующие меня магазины.

Нужное мне нашлось само, в одном из всплывающих рекламных окон, и было практически под боком. Двадцать минут с тростью.

Вчерашний дождь закончился, костюм требовал выгулять его, потому что аэропорт и перелёты — хорошо, но мало, и я, убрав ноутбук, на котором вышел из всех неправильных ресурсов, отправился на улицу.

Подняв шляпу в ответ на «добрый день, сэръ» от дневного портъе, я положил на стойку фунт и зашагал к выходу. В полузеркальном витраже увидел, что купюра исчезла, пока я подходил к вращающейся двери. Отлично.

Зверь появился рядом со мной. Он принюхался к воздуху, тротуару, кустам. Фыркнул с толикой презрения и несогласия. Засеменил рядом, время от времени совершая быстрые прыжки вперёд и дожидаясь меня, как будто подгоняя. А я учился идти степенно, не спеша. С достоинством, не выдавая, что первый раз в этом городе.

Вроде бы получалось. За теми, кто обращал на меня внимание, следил Зверь, делая стойку на прохожих, задерживающих взгляд дольше, чем нужно. Пара женщин с мужьями, которые что-то шептали благоверным, один юноша на роликах, попытавшийся пролететь в

опасной близости, но вовремя понявший, что трость в руке — не игрушечная. Трое подозрительного вида мужчин, стоявших у входа в паб, на дверях которого висела кустарная табличка «Американцам и черепахам — запрещено».

Что ж — отличное местечко, чтобы проверить социальную маскировку. Потом будет некогда. Зал располагался ниже уровня тротуара и мне пришлось чуть похромать, чтобы спуститься на четыре деревянные ступеньки. Внутри было свободно, заняты были два столика из четырёх, у стойки сидел только один мужчина, который был весьма похож на уличных гопников.

Высокие столы без стульев стояли незанятыми, время ещё не пришло.

— Слушаю вас... сээр, — протянул бармен, мужчина лет сорока пяти, который мог быть и владельцем заведения.

— Бурбона. На четыре пальца. — Показал я ладонь.

— Бурбон? — Переспросил мужчина у стойки. — Это же американское пойло! — От него ощутимо несло дешевым джином.

— И я собираюсь заблевать им весь пол. От стенки до стенки...

— Мыть сам будешь. — Бармен оценивающе смотрел на меня, но напряжения в нём уже не было. На губах играло нечто похожее на улыбку, когда ещё не знаешь, стоит ли, но не отреагировать не можешь.

Зато возмущившийся мужик заливался во все... двадцать два? двадцать? зубов, периодически похлопывая меня по плечу.

— Ладно, — бармен прервал смех. — Чего тебе.

— Какой-нибудь островной виски. Такой, торфяной.

— Четыре пальца? — Усмехнулся он. Видно, что идиотская шутка его зацепила.

— Пары хватит. — Я не форсил. Но добавил. — Пока.

Взгляд бармена пробежался по бутылкам, он дёрнул плечами, затем нырнул за шелестящий деревянными чётками занавес и вышел с неоткупоренной бутылкой и двумя стаканами.

На мой немой взгляд он поднял бутылку повыше и заявил, что стоит она тут уже лет пять, и что-то никому не интересна. А раз уж я её распечатаваю, то и он причастится, пока жена не пришла.

— Его жена — это что-то! — Поёживаясь, просветил меня сосед.

Бутылка была открыта, терпкий запах поплыл по залу. Несколько булькающих звуков, стакан, бесшумно проскользивший по стойке.

— Лёд надо?

— Ты ещё колу предложи, — парировал я, заработав одобрительный кивок.

— Георг. — Бармен поднял стакан на уровень глаз.

— Алекс. — Я отсалютовал в ответ.

— Кэррах, — сосед слил в себя остатки джина.

Виски был неплох, очень неплох. И я растянул его на десяток мелких глотков.

— Сколько с меня?

— Восемь фунтов. Или пять, если вернёшься, и мы с тобой продолжим.

— Давай я оставлю десятку, а когда загляну, тогда и подобьёмся. — Я вынул небольшой бумажник. Один из. Достал купюру и положил на стойку.

— Кэррах, — обратился Георг к пьянчуге. — Выгляни на улицу, позови ребят. — Затем перевёл взгляд на меня. — А шутка из «Осы» была великолепна. Возвращайтесь, Алекс.

Мы с Кэррахом вышли на улицу, он, старательно изображая пьяного, что-то крутил жестами. Почти незаметно, но не в этот раз. Троица посмотрела на меня, один из них приподнял кепку, явно приветствуя.

Я приподнял шляпу, уважив местные обычаи.

Он кивнул и практически мгновенно потерял ко мне интерес.

Отлично. Именно то, что надо.

Магазин оказался совершенно таким как на фотографиях. И совсем пустой, если не считать пары скучающих молодых продавщиц.

— Простите, сэр. Вы, наверное, ошиблись. Здесь совсем утилитарная одежда. — Наперебой затараторили они, оценив костюм и плащ.

— И это замечательно, — улыбнулся я им, заработав презрительное фырканье Зверя.

Одна из девушек тряхнула головой.

— Сэ-эр?

— Мне нужна как раз такая одежда. Не могу же я прийти на встречу с бывшими сослуживцами в этом. — Я полупрезрительно провёл рукой сверху вниз по костюму.

— Ой, а по мне — замечательный костюм. — Не поняла посылка продавец.

Вторая тут же с шёпотом, похожим на змеиное шипение, отодвинула её в сторону.

— Буду рада помочь вам подобрать искомое. — Приглашающим жестом она предложила принять у меня шляпу, трость и плащ. Затем передала вещи коллеге и снова шикнула, придав той ускорения.

Зверь принял правила игры и улёгся возле пуфиков, наблюдая за мной и за суетящейся девушкой.

Заминка вышла один раз, когда мне пришлось попросить поставить в примерочную пупф, так как стоя я не смог бы переодеться. Продавщица сразу не поняла причину, но показав ей то, что скрывается под штаниной, я добился ускорения ещё вдвое и предугадывания своих желаний.

Потратив чуть больше часа, я обзавёлся отличным набором вещей, который превращал меня из бизнесмена среднего пошиба в отставника-военного. Ну а журналистский прикид я уже решил, что использую как образ искусствоведа, если это даст возможность подобраться поближе к какой-либо из целей.

Тут же был торговый пассаж с различными магазинчиками и, оставив к счёту ещё пятёрку чаевых, я вышел к нему, под «Спасибо, сэр. Заходите ещё».

Там в одной из лавок изобразил из себя внезапного командированного, зевая и тормозя, и прикупил на десять дней нижнего белья, о котором почему-то не подумали ни на базе, ни в Москве. Туда же пришлись пяток сорочек и несколько плотных, но простых длиннорукавок, которые отлично пойдут под бомбер.

Из зевающего состояния меня выбил голос хозяйки лавки, которая спрашивала, не собираюсь ли я одеваться попроще для повседневных событий. Я машинально кивнул, и она, держа меня за локоть, вывела ко входу и показала направление на ещё одну точку, где я мог бы разжиться кое-чем недорогим и нужным.

— Там муж торгует, вы если что-то купите, оставьте ему адрес, вечером завезём все покупки.

И в самом деле, уже сейчас я с пакетами выглядел несуразно.

В указанной лавке я наткнулся на клондаик одежды в городском слиле. Худи и пуховики, спортивные штаны на подкладе. Шерстяные кепи и ветровки. Не сильно богатый выбор компенсировался тем, что то, что мне приглянулось, было моего размера.

— Сильно устали от этой брони? Да, сэр? — Глаз продавца был намётан.

— Не то слово. Вылетел, даже домой не успел из офиса заскочить. Тошнит.

— Но «причаститься» вы успели. — Смеясь, заметил он.

— Ох, как же я там, в Германии, по хорошему виски скучал.

— Сочувствую. Кстати, не хотите ли?

— Только, если сделку сполоснуть.

— Ну, конечно же, сэр!

Зверь смотрел на меня с укоризной. Но я, когда хозяин отвернулся, чтобы убрать обратно в шкаф бутылку и стаканы, потрепал альтер-эго по холке, передавая извинения и чувство вины за то, что приходится натурализовываться таким вот образом.

Разошлись почти друзьями. Цены на одежду были не самыми низкими, но доставка и то, что всё нашлось в одном месте, компенсировало разницу.

«Конечно, легко казёнными деньгами разбрасываться», — съехидничало подсознание.

«Вернусь — отчитаюсь подотчётом», — вернул ему я.

Времени до наступления темноты оставалось немного, поэтому я взял такси и проскочил до Сити. Здесь нужно разметить паутину и нащупать троих пауков. Фонды, формально занимающиеся благотворительностью, но за красивыми витринами скрывающие финансирование лоббистских центров, скупку предметов искусства, легализацию вещей сомнительного происхождения и «челночную дипломатию».

Квадратная миля в центре Лондона ничем разительно не выделялась, но Зверь моментально почувствовал разницу, напрягшись, как будто за мной и за ним сразу стали следить. Может, это параноя, может просто общее напряжение, а может — целая орда систем безопасности, натканных на каждом здании, в каждом офисе и даже в магазинах, ресторанах и кафе.

Люди здесь выглядели как я. Другие оттенки одежды, разные стили, двойки, а не тройки, строгие платья. Но общий стиль был в духе «работа делает свободным».

Кого, впрочем, не декларировалось, но каждый считал, что его. И ошибался.

Глава 4. Декабрь 2017. Лондон

Из Сити мы со Зверем вышли выжатыми до последней капли. Страшный город. Страшные люди. Не зря его обходят местные, кому он не нужен по делу.

Кто-то может возразить, что так со всеми большими городами, но в другой части Лондона я не чувствовал себя настолько мелким и беспомощным. Может ещё и потому, что там не нужно было искать цель и под взглядами камер наблюдения.

Я понимал, что онлайн никто не смотрит, что они предназначены для поиска при каких-то спорных или критических ситуациях, что никому нет дела до мужчины, который периодически заходит в сувенирные и антикварные магазинчики в поисках вчерашнего дня.

Но чувство опасности билось птицей о прутья клетки.

Я нащупал всех троих. Беспечно треплясь в магазинчиках с продавцами, прицениваясь к великолепным вещицам, я отпускал своё подсознание, позволяя Зверю подняться туда, где размещался нужный кабинет. Давал ему посмотреть, услышать, запомнить запахи.

Он возвращался в ужасе. Нет, не так. В состоянии выбитости из реальности.

Происходящее наверху не имело ничего общего с человечностью, и если бы я не формулировал жёсткий приказ, формируя незримый поводок, если бы не обещал дать немногим позже сделать то, за чем пришли... Мы бы не дотянули до вынесения приговора.

Я думал, что нынешние апологеты финансового капитализма ошиблись, вышибив из знаменитой формулы Маркса товар. Они думали, что продают деньги за деньги, но не учли, что ничто не рождается из ничего.

Или же спрятали от непосвящённых то, что встало на его место. Души...

И миллионы людей рванули меняться. А квинтэссенция обмена располагалась здесь на верхних этажах Сити. Города, который никто не наестся. Слова Марины не выглядели теперь жестокостью или избыточностью решения. По крайней мере здесь и сейчас.

Я шёл к гостинице, а меня по-прежнему трясло. Зверь понуро семенил рядом. Кто-то с противоположной стороны улицы поднял кепку в приветствии, наверное, спутав меня с кем-то из знакомых. Я повернулся, чуть кивнул, приподнял шляпу, и ко мне потеряли интерес.

Душу грела только ёлочная игрушка, купленная в одной из антикварных лавок. Я не сомневался, что это новодел, а не «тридцатые годы, сталинский ампир, время надежд советских людей». Рисовка же, однако, очень напоминала советские послевоенные мультфильмы.

На шарике были мальчик, девочка и собака, наряжающие ёлку. Ушлый лавочник, заметив мой интерес, заломил несусветную цену под стать моему образу. На ходу придумал историю. Но мне было уже настолько плохо здесь, что, он успел прочитать что-то в моих глазах, спешно сбросив до двадцати фунтов и кинув в спину «Счастливого Рождества, сэр!».

Прошёл мимо паба. Жаль, не ирландец, такой анекдот мог бы получиться. В гостинице отдал портье ещё пару фунтов, забрав пакеты и заказав ужин в номер. Деньги исчезли моментально, но подобострастия в лице не появилось. Как, впрочем, не было и презрения.

«Работа такая...» — снова вспыхнуло в подсознании.

Номер после сегодняшнего выхода «в свет» показался танковой бронёй. Ещё одна стена, выросшая между мной и этим. Доставили ужин. Ещё один фунт исчез в чужих руках.

— Закончите трапезу, сэр, выставьте, пожалуйста, в коридор.

— Доброй ночи.

— Доброй ночи, сэр. — Два пальца у маленькой красной шапочки. Закрытая дверь.

Упал на кровать, набросав под спину подушек. Зверь лёг рядом.

— Скучаешь?

Тонкий, едва слышный скулёж был мне ответом.

Утро подарило неяркий рассвет и отсутствие дождя. Для разнообразия облачился в журналистские одежды, взяв как верхнюю одежду куртку из повседневной утилитарщины. Достал купленный вчера берет небесного цвета. Спустился на завтрак. Портье изобразил заинтересованность в моём образе, но после вопроса, где поближе можно приобрести блокнот для зарисовок мелко закивал и предложил свой, извлечённый из недр стойки.

Блокнот был покрыт пылью и содержал пару-тройку десятков карандашных набросков на первых страницах. Чем дальше, тем больше на мой взгляд росло мастерство рисовальщика. Но также падала его терпеливость. Первые линии были тверды, чувствовалась решимость, но они не могли удержать оборону перед быстрым разумом и желанием завершить поскорей.

Парень застеснялся, а на мои слова о том, что талант надо развивать, откровенно загрузил. Хотел было о чём-то мне сказать, но решил не раскрывать душу.

От денег за блокнот он отказался, и, уважая его достоинство, я бережно положил его в широкий карман пиджака.

После завтрака я вышел на улицу. Погода была не по-зимнему благосклонной, и, вспомнив о Гольфстриме, я пошагал к остановке такси. Уставший водитель не обращал никакого внимания на моё облачение, но мне предстояла ещё одна проверка.

Сегодня путь лежал к значным местам Уайтхолла. Резиденция премьер-министра, Адмиралтейство, казначейство, Форин-офис. Не самый короткий маршрут для моих ног, но иначе было нельзя.

Рамка безопасности провизжала, реагируя на металл. Два констебля, помахивая переносными сканерами, тут же нарисовались рядом.

— Выложите, пожалуйста, все металлические предметы и электронику.

Демонстрируя законопослушность, я отставил трость, задрал штанину, обнажая крепления костей, просвечивающие под кожей. Один из них потерял самообладание, отодвинувшись с явными позывами, второй, помладше, был не таким чувствительным и только спросил:

— Война, сэр?

— Пьяный таксист. — С постным выражением лица человека, по пять раз на дню рассказывающего эту историю, начал я. — Шесть лет назад...

— Не нужно, сэр. Добро пожаловать. — Он протянул мне трость и с жалостливой усмешкой посмотрел на напарника.

Дальше — по накатанной. Пока я изображал из себя художника, Зверь входил в здания, искал цели, возвращался. Шёл со мной дальше. Я не пытался обратить на него внимание, не поддерживал его ничем, кроме взгляда, когда он выбирался и отряхивался. А руки в это время чёркали карандашом по бумаге.

Казначейство и Форин-офис мы обработали относительно быстро. Я едва успевал нанести несколько линий, обозначающих границы рисунка и рамки зданий. Нарисованное можно было бы узнать, но нужно было понимать, что именно ложилось на бумагу.

— Скажите, а почему вы так быстро уходите? — Я засмотрелся на Зверя, который смешно протискивался между ног чиновников, выходящих из парадных дверей министерства иностранных дел, и пропустил вопрос со стороны.

Ко мне подходила женщина моих лет, одетая в пару.

«Художница!» — Рявкнул внутренний голос. — «Нашёл, на свою голову, маскировку».

У неё в руках был аналогичный блокнот. Один карандаш за ухом, чуть прикрытый волнистыми тёмными волосами, второй — механический — она зажимом на ходу крепила в кармане куртки-разлетайки.

— Дана! — Женщина протянула руку.

Переложив трость в левую руку, я пожал её маленькую кисть с очень длинными тонкими пальцами.

— Мне нужно сделать несколько десятков шагов. — Она вскинула голову в непонимающем жесте. — Стоять гораздо тяжелее, чем двигаться.

— О, понятно. А можно посмотреть? — Дана бесцеремонно потянулась за блокнотом, Зверь непонимающе проводил её движение взглядом. Я было испугался, но другой реакции он не проявил.

— Неплохо, неплохо... — бубнила художница под нос, — хорошо, напоминает... а, плевать... — ох... — она на какое-то время затихла, перелистывая страницы, затем подняла взгляд, упёрлась в трость и через несколько шагов прервала молчание. — Это... тогда произошло?

Я помолчал, чтобы не быть поспешным.

— Да. Попытался восстановиться, думал заняться любимым делом.

— Сильно болело?

— Ну... как вам сказать...

— Я помимо вот этого вот — практикующий психолог. И в том, как вы работали и... работаете, я явно вижу океан боли.

Меня пробрала дрожь.

Найдя в моём жесте подтверждение своим словам, Дана продолжила непрошенный психоанализ.

— То, как вы перечёркивали линии, вот, смотрите, — она перелистнула на страницу с деревом, — явственно говорит о желании уничтожения, отнятия жизни. Вы явно пытались тогда свести счёты с...

Я тяжело вздохнул. Прислали же вороны.

Увлечённая женщина восприняла это как подтверждение своих теорий и стала развивать их дальше.

— А здесь мы явно видим, что несмотря на множественные линии, которые перекрывают основное рабочее поле, главная последовательность ведёт слева-снизу вправо-вверх, что свидетельствует об отсутствии деструктивных эмоций...

Я почти не слушал, позволяя ей построить теорию, чтобы не ломать шаблоны. Неожиданно она остановилась.

— Какой интересный подход...

— Что вы имеете в виду?

— Я про наброски. Здания. Вы же не сможете ни за один и ни за два раза сделать скетч.

— Верно. — Я пристукнул тростью.

— А значит, вы будете возвращаться несколько раз. Но в то же место вы не встанете, у вас будет чуть другой угол зрения.

— К чему вы клоните, Дана?

У неё горели глаза.

— То есть обратив внимание на место, которое вы выберете для создания наброска, и на то, что вы успеете нарисовать по памяти, мы сможем посмотреть на вас в динамике, отследить прогресс и восстановление...

Зверь посмотрел жалостливым взглядом снизу-вверх. Он звал меня уйти, пока нам с ним не выели мозг ложечкой.

— Дана, вы чрезмерно много сил вкладываете в анализ души по ничего не знача...

— Это вы просто не понимаете и прячетесь за слова, когда ваша душа ищет выхода через рисунок.

Она как будто выросла в размере. Мне казалось, что несмотря на то, что психо-художница ниже на голову, сейчас она смотрит сверху вниз. Это продолжалось несколько мгновений, затем она шмыгнула носом, протянула закрытый блокнот и прошептала.

— Простите. За это меня, наверное, и лишили лицензии.

Дана развернулась и с нарастающим шагом двинулась прочь.

Догонять её я не стал, но понял, что повторный визит на эту территорию придётся выполнять в этой же маскировке.

Довёл работу до конца, Адмиралтейство и десятый дом на Даунинг-стрит осматривал чуть искоса. Жалостливый бобби постоял рядом со мной, подпустив поближе и косясь в блокнот. Когда подъехал лимузин с высокопоставленным пассажиром, он мягко, но безапелляционно отодвинул меня обратно, извиняясь за правила безопасности.

Я мелко покивал, поднёс ладонь к берету, признавая его правоту. Он отсалютовал тем же и переключился на основную работу.

Общая картина выходила весьма своеобразная. В отличие от Сити, где три человека находились в разных зданиях, здесь трое работали вообще в одном большом кабинете, а ещё пятеро были разбросаны по всей территории.

И выходило, что последних придётся отработать так быстро, чтобы успеть покинуть прилегающую местность, пока не хватятся первых. Идущий впереди Зверь помотылял головой.

Да, не успеем. Нужно разносить события по времени.

Я вышел из закрытой зоны. Шёл, куда глаза глядят, мысли, по меткому выражению, одного из героев старой книги, пачкали мозги.

Но задача выглядела нерешаемой.

Купив букетик нарциссов, я зашёл в небольшой ресторан. Хотелось есть, согреться и подумать. Пожилая хостесс провела поглубже. Кося взглядом на букетик, она спросила, когда я ожидаю свою гостью.

— Не знаю, она обещала освободиться вот-вот. Можно заказать пока какого-нибудь чаю и десерт на ваш вкус?

Старая леди потрепала меня по плечу.

— Конечно, сейчас сделаем.

Чай был неплох, а вот десерт по-английски безвкусен. Никогда не любил пудинги. Но пришлось изобразить мгновенный восторг, а потом снова удариться в тоску и меланхолию «ожидания».

Периодически поглядывая на мерцающий экран смартфона, лежащего на столе и потягивая чай, я ковырялся в пудинге. Пару раз под сочувственный взгляд проходящих официантов щёлкнул по лепесткам нарцисса.

Голова при этом лихорадочно вытаскивала и сопоставляла всю фактуру о тех, кого через пару дней должны были признать виновными.

Восемь человек. Четыре здания. Даже не друг напротив друга. Разные кабинеты. Камеры на столбах и стенах. Зверь не сможет бегать туда-сюда. Я чувствовал, что сил даже просто посмотреть расположение целей, ушло больше, чем хотелось.

То, что в одной тесной БМП произошло само собой в горячке боя, сейчас становилось невозможным. Далёкая точка приложения сил. Смещение фокуса.

Попробовать с равноудалённой точки? Зверю пройти через стену.

Нет. Раз-другой, и либо он выдохнется, либо меня засекут на однотипных движениях. Продолжение моей воли нуждается в фокусе. Образы, причины, наказания. Сегодня Зверь был воплощением любопытства и ему было интересно ходить по кабинетам, приносиваясь к тому, что там происходит, снимая карту местности.

Потом мне придётся работать. *Жёстко*, грязно, безжалостно. Ломая себя и Его. И мы не успеем. Никак не успеем.

Я погрузился в мысли, когда рычание, но какое-то жалкое, что ли, заставило зашарить глазами по сторонам.

— Она не придёт? Я дала вам половину часа.

Боги, за что караете...

— А если я скажу, что ждал вас?

— Мне будет лестно, но мне не шестнадцать. — Дана — воплощение бесцеремонности — уселась напротив. — Нарциссы. Подсознательное желание разлуки, боязнь отношений.

— Мне их вручил флорист.

— Ещё более жутко. Вы — не управляете своей жизнью. — Я вздрогнул. — Бойтесь собственных эмоций. — Со мной вздрогнул Зверь. — Бойтесь проявить себя как человека. — Захотелось завывать дуэтом. — Давите в себе личность, прорываясь только в несмелых набросках. — Вдох. Выдох.

— Это всё по нескольким картинкам в блокноте человека, которого вы видите первый раз?

— По вашему лицу, по поведению, по речи и реакциям. — Она заказала себе чаю, на миг прекратив трепать моё подсознание. — И даже по тому, что вы так и не сказали, как вас зовут. — Она пожала плечами. — Избегающий тип личности, явный уход в суб-я, доминирующая жажда разрушения.

— Алекс.

— Шаг на путь искупления никогда не бывает демонстративным. Вот и сейчас вы это сказали не искренне.

— Дана, вы меня простите, но сейчас совершенно потерял.

— Алекс, вы были потеряны ещё тогда, когда я вас увидела. — Она отпила свой чай. Тихо, почти бесшумно поставила чашку. — Дайте блокнот.

Не знаю, почему, я подчинился. Было понятно, что отвязаться без потерь от неё не выйдет.

Художница пролистала до последних набросков.

— Смотрите, Алекс. Вы пытаетесь втиснуть все здания в одно. Превратить четыре разных объекта во что-то одно.

— Угу, — буркнул я, наплевав на этикет. Но ей было всё равно.

— А если вы подойдёте с другой стороны. — Её голос креп. — И перестанете думать о них, как об одном, но перевернёте и превратите в ансамбль...

Карандаш почти сам собой вынырнул из-за уха, запорхал над бумагой. Повторяя мои рамки, она умудрялась создавать общую композицию. Здесь не было отдельных зданий. Здесь был ансамбль. Не такой, каким его задумывали архитекторы. Таким, каким можно было увидеть.

— Не нужно упаковывать всё в одно. Всему своё время. И место.

«Время... и место...» — кирпичики тетриса ложились, заполняя ряд.

— ...беда начинающих художников, что они хотят уместить в композицию всё, что видят... часть обязательно должна остаться за рамками... нужно предисловие и эпилог... авторская недомолвка...

— Дана, — мой голос дрожал, — вы даже не представляете, насколько вы правы. — Пальцы с лёгким тремором тянулись к блокноту.

Она чуть самодовольно убрала карандаш и снова сделала глоток чая, глядя, как я смотрю на дом на Даунинг-стрит, вокруг которого размещены обрубки, буквально кусочки крыльев домов всего ансамбля.

— Вы — самоучка. Вас не учили такому видению. — Она говорила об одном, а я слышал другое. Совсем другое.

Машинально кивал, немного поддакивал. А в голове уже складывались детали реализации плана и последовательность исполнения.

— Алекс, вы меня слышите? — видимо, я сильно ушёл в себя.

Чтобы сорвать неловкость, я нелепо дёрнул скатерть, как будто зацепив её одеждой, и едва поймал падающую вазочку с нарциссами.

— Вы такой занятный. Как будто не от мира сего. Даже более странный чем я. — Она улыбалась, тоже думая о чём-то своём.

— Скажите, Дана, я могу вам чем-то отплатить за сегодняшнюю помощь?

— Ужином в хорошей компании. Только нарциссы не забирайте, не люблю цветы, — она допила чай в полтора глотка, чашка звякнула о блюде, чуть сильнее чем нужно по сценарию, — с художественной школы.

Я оставил деньги на столике, мы вышли на улицу, и под недоумённый взгляд Зверя я позволил взять себя под руку.

Это было ошибкой.

К завершению прогулки к ресторану я проклинал всё на свете. Она не замолкала ни на минуту, придумывая какие-то сумасшедшие конструкции и радуясь свободным ушам. При этом она не понимала намёков.

Попытка робко заявить, что мир немного приземлённей, чем ей кажется, вернулась пятнадцатиминутной лекцией с пятого на десятое, где суеверия, псевдофрейдизм... точнее взгляды обывателей на психоанализ, астрология и прочее были замешаны в крутой даже не коктейль, а пенобетон. С примесью гудрона.

Эта липкая дрянь опутывала сознание, не давая связно мыслить. Я честно проверялся по дороге, дважды, пытаясь дать ей возможность к атаке. Весь мой опыт взаимодействия с пси-оператором базировался на одном столкновении, но, думаю, будь она мозголомом, она бы не преминула слить наши создания.

«Кролик был очень вежливым, поэтому, что подумал он, никто так и не узнал», — ехидно прокомментировало моё джентльменство подсознание.

Хотелось проорать: «Заткнись!», но оно было право. И этого хотелось в разы сильнее.

Ресторан был не из простых, но, Дану здесь знали — мне достался сочувствующий взгляд от швейцара.

Мы ещё не успели раздеться, как она переключилась на историю своей семьи, на наследство, запертое в каком-то фонде до взросления её брата, на скромное содержание, не позволяющее открыть свою психологическую школу, на её картины, ждущие выставки в Вене, в Альбертине.

Не открывая меню, она попросила мартини и заказала стейк.

Обводя рукой зал, она, даже не приглушив голоса, стала вещать о том, какая прекрасная здесь обстановка, как чудесно в этих древних стенах отпускать сознание, позволяя ему раскрываться.

Мартини прибыл первым.

— Алекс, вы — куколка. — Она не была пьяна, но и назвать её городской сумасшедшей было невозможно. — Вы боитесь... да, боитесь, стать бабочкой.

Я дрогнул, невольно проводя параллель с памятником.

Считав дрожь, Дана чуть не поперхнулась, и быстрее, пока вдохновение не покинуло её, погнала лошадей дальше.

— Вы не знаете, чего вы хотите, — я покачал головой, но получил только насмешку, — не знаете. Если бы знали, не рисовали бы так. Те наброски. В них крик нерождённого «Я». Творец, вы застили глаза расчётом.

— Дана, вы перегибаете. — Она мела абсолютную чушь.

На мгновение мне показалось, что изящная форма абсурдистского постмодерна, но, поразмыслив, я отказался от этой мысли. Даже в постмодерне нужно думать. А здесь критического мышления не наблюдалось абсолютно.

— Дана, вы меня простите, но я не готов к такого рода беседам. И, если вы не сможете остановиться, то я буду вынужден прервать наш ужин.

— Трус. Давай, беги к мамочке. — Она в экзальтации махнула бокалом, плеснув небольшую часть на пол.

На наш столик смотрел весь зал. К счастью, без съёмок.

— Вы все трусы, вам правда глаза колет. Эти рисунки, в которых я распознала ваши эскапистские наклонности...

— Эти рисунки сделал девятнадцатилетний парень, вынужденный идти на монотонную работу. Парень, который не ждёт, пока повзрослеет его брат, чтобы как стервятник накинуться на наследство.

— Этот стиль, он...

— Этот стиль — в твоей голове. Ты такая же художница, как и психолог. Самозванка. — Я достал блокнот. Это — чужая рука. Это — моя. Это...

— Да. Ты видишь ансамбль. Он как трагедия — ядро и обломки спутников...

— Этот ансамбль нарисовала ты полтора часа назад.

Люди в зале хихикали. Официанты старались просочиться между столиками так, чтобы не закрывать сцену.

Театр «Глобус»...

«...мать... мать... мать...» — привычно откликнулось эхо.

Я усугублял раскол. Зверь сидел под столом и ждал завершения, уложив морду на мои ботинки. И хотя ступни были много выше, я ощущал биение его сознания и брезгливость. «Вляпались».

— Но ты сам говорил, что я права.

— Да. Идущие назад часы могут показать точное время несколько раз в день. — Я помедлил. — Или никогда. Не нужно искать порядок в танцующих в торнадо листьях.

— Это нонсенс! Абсурд! — Она рванула к блокноту, но я остановил её. Жёстче, чем следовало. — В тех штрихах, которые я видела. Там биение разорванного сердца. Я бы не пошла за тобой...

— Ты придумала себе красивую историю. Или некрасивую. Ты придумала в неё себя — спасительницу и фею. А теперь ты не понимаешь, куда деть объективную реальность, для которой у тебя не предусмотрено понятий.

За соседним столиком захлопал мужчина, чем-то смахивающий на Марлона Брандо в знаменитой роли. Получив ногой под столом от своей спутницы, он резко одёрнулся, но не перестал, сделав ещё пару хлопков.

— Но ты не понимаешь, — голос Даны стал тонок. У меня заныли зубы как от зудящего комара. — Душа — это не почерк. Я почувствовала...

— Dixi. — Почему-то именно латынь показалась уместной.

— Если у вас и была лицензия, то лишили её не за правду, а за то, что вы — опасная дура. Вам не нужны люди, личности. — Зверь подвывал в пространство, подхватив моё состояние. — Вам нужны декорации для вашего спектакля. Спектакля одного актёра. Вы плюетесь болью, выдавая её за диагноз, навязывая её другим. Тем, кто не успел увернуться.

Она перевернула лампу на столе, к счастью, не разбив её. Свет упал на румянец её щёк, превратив на контрасте кожу в подгнивающий апельсин. Пахнуло чем-то жутким.

Я вспомнил, когда-то под небрежно поставленной пломбой развился некроз, и открытый канал так же сифонил трупным запахом.

Здесь был некроз души.

— Как ты смеешь... я хочу помочь! Я учу вас видеть...

— Да, ты научила... что даже хаос может принять форму. Но не потому, что стал порядком, а потому что он может всё.

— Ты... ты говоришь — актёр. Но актёру нужны зрители!

— Это проблема антрепренёра. В моём театре для тебя ролей нет.

— Но душа... ей же нужна теплота и ласка... — мне показалось, что Зверь закашлялся.

— Заведи для этих целей морскую свинку. Они недорогие, и менять легко. Потренируешься.

Я положил под меню две двадцатки. Накинул куртку.

— Ты покупаешь меня? Как дешёвую шлюху?

— Я покупаю свободу.

— Ты... ты — монстр! Ты всё равно вернёшься рисовать. Я встречу тебя там. И ты поймаешь!.. — Каждое слово вылетало сквозь зубы.

— Обязательно. До встречи в следующей жизни. — Её глаза загорелись. — В виде улиток.

На этот раз аплодировал весь зал.

Бокал в спину мне не попал.

На улице я постоял пару минут рядом со швейцаром, который предложил было мне закурить, но всё понял и убрал сигареты. Недешёвые, надо сказать.

— Тоже попались, сэр?

— Часто она так? — вопросом на вопрос ответил я.

— За декабрь вы — третий. — Он пожал плечами. — Так-то она неплохая девушка, но избалованная. А когда оказалось, что дед решил переписать завещание в последний момент — её и накрыло.

— Да уж. — Я не знал, что и сказать.

— Вы не переживайте, сэр. Приедут её родители, заберут, успокоят. Через пару дней ещё кого-нибудь приведёт. Она безвредна.

Я достал десятку. Отдал швейцару.

— Купите ей за столик нарциссов.

Глава 5. Декабрь 2017. Лондон

Глава 5. Декабрь 2017. Лондон.

«Домой» добирался как в тумане. Лицо горело. В детстве мама говорила, что это потому, что кто-то плохим словом поминает и надо бы скрутить туда дулю. Но я сомневался, что здесь, в Англии, моя дуля на кого-нибудь подействует.

Мне всё казалось, что если бы я не повёлся изначально, не пошёл в ресторан, не попытался выглядеть хорошим, то не было бы и этого перелома, этой липкой взвеси в мозгах, этого никому не нужного правдоизвержения. Попытка понять, как можно ещё использовать знакомство превратилась в коллапс души.

В гостинице после душа полегчало. Текущая вода недаром везде и всюду в мифах была преградой злу и тьме. Хотя, если быть честным, я просто наслаждался отсрочкой, смывая душевную грязь, несуществующий запах чужих духов, липнувшие прикосновения к душе. Я погрузился в новости, высматривая знаковые заголовки в той паре газет, что захватил в фойе.

На удивление, информации о требованиях России не было ни в одной из них. Мне показалось несколько странным, и я пошёл в онлайн-версии газет и издательств. Часть, конечно, была платной, но часть вполне доступна. И там тоже практически не упоминалось то, что через каких-то пару дней превратится в приговоры.

Посмотрел новости других стран. Тишина и в американских таблоидах, и в европейских.

Зато Китай — с переводчиком, конечно, для внутреннего использования — активно обсуждал ситуацию, но не саму по себе, а в свете индийской активности в отношении Пакистана. Ну понятно, своя рубашка ближе к телу, но кокон молчания удивлял.

Может, если бы я выполнил именно поисковые запросы, то и нашёл бы что-то, но я опасался, что это будет зафиксировано, и меня возьмут на карандаш те, кому положено присматривать за умниками с глупыми вопросами.

Бросив неблагоприятное дело, я погрузился в подробное изучение досье тех, кто скрывался в кабинетах Сити и Уайтхолла, попутно укладывая в голове идею, которую невольно озвучила художница.

Не нужно пытаться объять необъятное, нужно создать симфонию, которая будет звучать последовательно, воспроизводя тему за темой.

Сначала — руководство в Сити.

Изолированные угловые кабинеты, вид на город, стекло и бетон. На месте к девяти часам, чтобы получать новости с Востока, контролировать потоки в центре и формировать повестку на Запад.

Двое из трёх просматриваются из дома напротив. Небольшая обзорная площадка с дешёвым входным билетом. Но для меня она того стоила. Два кабинета, смотрящие друг на друга, только протяни руку.

Или отпусти Зверя.

Зеркальное стекло, непрозрачное для глаз, но не удерживающее восприятие.

Третий — в двухстах ярдах.

Ярдах?!

«Втягиваешься, не забудь у Георга в баре пинту пива заказать», — подсознание откровенно веселилось, заставляя и Зверя приплясывать вокруг кровати.

Третий — проще всех. Не знаю, кто это придумал, но в одном из престижных зданий каждый этаж делился пополам. В одной половине был фонд и моя цель, в другой — штаб-квартира торговой сети. И они мне были и нужны для реализации плана. Войти курьером, передать на ресепшене букета и открытки «С благодарностью» боссу, пока Зверь сделает дело в противоположном крыле.

Перед выходом придётся, конечно, поработать с лицом. Не изменить — не смотрите шпионские фильмы. Но «исправить» восприятие. Так — ошибка, статистика. Очки с высокой кривизной стёкол, наклон головы, небольшие валики между щекой и верхней десной.

Я. И не я.

Одежда «милитари-стайл» дополнит образ: отставник, ставший мальчиком на побегушках за неимением специальности.

Пришёл, почувствовал... ушёл.

Я боялся добавить недостающее слово. Мне было страшно. Естество сопротивлялось. Как будто сказанное даже про себя слово приклеит несдираемый ярлык.

А пока обходишь его стороной — можно проскочить. Необходимость. Командировка. Работа такая...

И я такой...

Зверь вспрыгнул на кровать. Улёгся рядом. Заурчал чуть слышно. На грани...

Я встряхнулся, поняв, что слишком глубоко погрузился в себя. Ноутбук успел уйти в спящий режим. Время текло как вода.

Пора переходить к следующей группе.

Я был благодарен тем безвестным специалистам, которые оценивали и принимали решение, кого должно судить и карать, а кому выписать условный срок или помилование.

Благодарность была не человеческая — функциональная, системная. Если бы по первоначальному сценарию в схеме оказались ещё функционалы МИб, то я бы порвался. И без того формирующийся архитектурный ансамбль выглядел сараюшкой, к которой приделали свинарник, забыв про кормушку.

Время. Пространство.

Отчаянно не хватало ни того, ни другого.

Неожиданно в голове вспыхнула какая-то ассоциация — что-то же я видел.

Схватив газеты, я начал просматривать заголовки. Нет. Не то. Неужели на ноуте?

Дурья башка... Нет, это всё же должна быть бумага.

Вот оно. Премьер-министр должен встретиться с министром финансов в Казначействе, заслушать доклад и детальные планы на первый квартал восемнадцатого года.

Формальность, дань традиции, никому ничего не нужно перед каникулами, но в то же время *noblesse oblige*.

Отлично. Два в одном, если всё срастается. У сарая оказалась кирпичной одна из стен. Вторая стена. А останется ли скрытой информация о первых трёх жертвах к моменту моего появления в правительственном квартале? А если нет?

Если нет, то сотрудники Форин-офис вместе с министрами — первые кандидаты, чтобы их не просто увезти и спрятать, но сначала хотя бы «упаковать» вместе, чтобы было проще охранять. Охраны там раз-два и обчёлся, да и в основном — больше от законопослушных горожан оборону держать, а не за такими как я гоняться.

Поэтому можно ожидать, что они будут вместе. Вернуться ещё раз туда? Дать Зверю освоиться в недрах министерств?

Он дёрнул ухом, прислушиваясь к моим мыслям. Я положил руку на голову, начал поглаживать. Перешёл к надбровьям. Зверь перевернулся на спину, но голову не убрал.

Поставил себе отметку в голове — подумать над идеей. Без перебора, так, чтобы не стало идеей фикс и не примелькаться в глазах охраны.

Вернёмся к нашим баранам... к министрам.

После... скажем, «устранения» разработчиков операций в министерстве иностранных дел, у охраны должно наступить понимание, что их атакует невидимка. К магии как таковой привыкли ещё не все, особенно, если ею не пользоваться.

Соответственно, для министров должно быть рабочая схема эвакуации. Их должны будут попытаться увезти.

Но, если принять во внимание наличие невидимого противника, то логически непротиворечиво было бы спрятать ценные охраняемые объекты туда, куда невидимке будет трудно добраться. Хотя бы в сейфовые комнаты. Как прячут оружие, драгоценности...

«Тела, не успевшие остыть», — шепнуло подсознание.

На снова потемневшем экране ноутбука отразилось моё лицо. Не лицо — маска.

Я вздрогнул. Вернул технику из спящего режима, испугавшись того, что увидел.

Вернулся к размышлениям.

На улицу я бы лимузин выпускать не стал. Мало ли с каким оружием ждут на выезде.

Слишком много «если». Значит, нужно быть готовым к обоим вариантам, и предусмотреть как свои пути отхода, так и министерские, успев оказаться после первой темы симфонии у места звучания второй.

Взял блокнот. Перелистал страницы, задержался на общей композиции, набросанной женской рукой. Вздохнул одновременно со Зверем.

Нет, всё же нужно ещё одно посещение. Ещё одна репетиция.

Два человека из Адмиралтейства. Наследие метрополии. Ещё с тех времён, когда разведка проходила по ведомству Флота.

Я улыбнулся сам себе. Контекст имеет значение. А те, кто собирал информацию — гении. Найти зависимости и выйти на архитекторов системы в такие короткие сроки...

Хотя, понятно, что есть и разведка, есть и заготовки. Меня накрыло холодом воспоминаний. Знаем, чем это всё оплачивается.

Ноги заныли. Зверь, умничка, как почувствовал — улёгся сверху. Нелепо, смешно...

Но эти, очевидно, будут эвакуироваться либо по схеме, противоположной министерской, либо одновременно с министрами. Или затаятся? Большое количество офицеров, хотя гражданских ещё больше, но скоординировать оборону — посильная задача.

Опять — двадцать пять.

Что ж, к последнему человеку, вдохновителю операций, можно было сейчас и не обращаться. У него в любом случае будет слишком много возможностей для того, чтобы утечь сквозь пальцы. Но Зверь уже поставил на него свою метку, так что даже если придётся побегать по городу — найду.

Если хватит времени.

То, что два и два сложат быстро — я не сомневался. То, что будет тотальный драйв — тем более. Вопрос только в том, кого будут искать. И кто.

Сбрасывать семейку Дизраэли со счетов не давали фальшивые счастливые улыбки, которые стояли перед глазами каждый раз, когда где-то в сознании мелькало слово «семья».

Спал беспокойно. Не так, как тогда, по возвращении из Краснодара, а иначе. Запомнились повторяющиеся бессмысленные действия, бег по крышам и танго. Почему-то с Сергеем в паре. Он вёл, заставляя предугадывать, куда станет нога, когда нужно прогнуть спину, где сыграет изменившийся темп, требующий развернуться.

То, что начиналось как топтание девятиклассника на новогодней дискотеке, превращалось в следование единому замыслу, построение музыкальной композиции, вбирающей в себя разные темы, объединяющей несколько невообразимых сочетаний и обрываясь там, где все ждут продолжения.

Жаль, что я — не композитор. Обязательно написал бы что-то в этом духе.

Или наоборот, ужаснулся бы и отполировал память «универсальной забывайкой».

Однако, сон придал уверенности в своих силах, заставив понять, что если я буду рассчитывать только на то, что хочу сам, то результата мне не видать.

Значит, «командовать парадом буду я».

На этот раз зашёл в нужный квартал с другой стороны. Для маскировки, и оценивая возможный риск встречи, выбрал вчерашнюю одежду и букетик нарциссов. Изображая из себя нетерпеливого воздыхателя, пару раз делал вид, что звоню, ругаясь в телефон чуть громче, чем нужно, с нарастающим нетерпением возмущался, что «тебе хорошо сидеть, а каково мне стоять? Ты подумала?»

Полицейские и зеваки стыдливо отводили глаза.

Это дарило ещё полчаса.

Пошёл дождь. Благоразумно захватив из отеля зонт, я раскрыл его, теперь старательно неуклюже перекладывая цветы из руки в руку.

Ко мне подбежал паренёк лет тринадцати с хитрющим конопатым лицом.

— Мистер, давайте я цветы подержу.

Я осмотрелся. Чуть поодаль делала вид, что она не при чём, его спутница, девчонка того же возраста.

Мысленно оценив находчивость и наглость мальчишки, я протянул ему букетик.

— Держи. Всё равно меня, похоже, развели как простака на ярмарке.

Его глаза на мгновение вспыхнули, он практически выхватил букетик и побежал к подружке. По дороге обернулся и прокричал:

— Удачи вам, мистер!

Под взгляды прогуливающихся людей, я пошёл дальше, изображая, что больше никого не жду. Медленно перебирая тростью, уводя зонт от тех людей, которым мало было места, чтобы разминуться.

Зверь уже переоценивал Адмиралтейство. За то время, что он провёл в Казначействе и Форин-офисе, я успел погрузиться в их коридоры, пахнущие сотнями людей, а вернее даже сотнями идей.

Он воспринимал окружение не просто запахом или звуком. Зверь вбирал в себя присутствующих, шум, царящие в одних кабинетах веселье и ожидание праздника, в других — напряжение и тяготы предрождественской суеты.

Мне было сложно вычленять это всё из потока восприятия, это был не мой способ познавать мир, но отбросить его я не мог. Несмотря ни на что, это могло дать какие-то преимущества, если придётся реагировать вместе со Зверем и оценивать его входящий поток данных с точки зрения человека, хозяина, оператора.

Неожиданно, погружённый в мысли, я столкнулся с парой японцев, которые около Адмиралтейства познавали мир в своей манере. Сливающиеся в единый шум щелчки объектива фотоаппарата не давали им возможности сделать какие-то выводы об архитектуре, задумках строителей, общей перспективе.

Роботы, мелькнула мысль и тут же вызвала оскомину. Как будто я стал клеить функциональные ярлыки.

Мужчина лет сорока пяти шёл с камерой спиной вперёд, вращаясь против часовой стрелки. Его спутница, что-то прокричала, но он то ли не услышал, то ли отмахнулся и врезался в меня.

Пару минут мы раскланивались и заверяли друг друга в вечной дружбе. Или хотя бы в момент столкновения. Потом у него в голове что-то щёлкнуло, и он попросил сфотографировать их вместе.

Делая несколько снимков, я вдруг осознал, что у меня есть отличная возможность организовать и себе подобное прикрытие. Нужно только определиться со спутницей.

«Дану найди». — Подсознание было в ударе. — «Будет тебе и прикрытие, и открытие. И лицо, раскрашенное ногтями под индейца».

Конечно, это был не вариант, но мысль о спутнице засела в голове.

«Фрау Магда?» — несмело предложил внутренний голос.

«Это вряд ли», — я спорил сам с собой. — «Она будет занята внучкой».

«Хелен-Мари?.. Мари-Хелен.» — А вот этот вариант выглядел более жизнеспособным. Но очень неприятным. Как клоп, которого ты съел с ягодой малины.

Нужно только успеть произвести нужное впечатление и дать понять, что ты всю жизнь с детства мечтал за два дня до Рождества прогуляться по правительственному кварталу.

Я чуть не споткнулся о Зверя, который сел на тротуаре, всыскующе глядя в глаза. Мельком потрепав его по холке, я только затем понял, насколько нелепо выгляжу, но вроде бы никто на меня в этот миг не пялился.

Провалившись в размышления о том, как можно дополнить план, я едва не проехал свою станцию. Дождь уже закончился, и зонт можно было не открывать.

Я шёл в паб, чтобы пообедать. Не самое подходящее для этого место, но кафе и рестораны откликались в душе мутным осадком.

Троицы на улице не было, и я, мысленно отругав себя за то, что по одному разу строю динамику, спустился внутрь.

Вместо Кэрраха за стойкой сидела пара, которая так лихо изображала невинность, что хотелось дать им по стволу только чтобы посмотреть, кого они начнут стрелять.

— Привет, Алекс. — Георг ходил с места на место, протирая стаканы и выставляя их в небольшую пирамидку.

— Добрый день. Куда можно зонт приткнуть?

Пара мельком посмотрела на меня и уткнулась в свои стаканы.

— Я бы сказал, но не при дамах, — оскалился хозяин, но пальцем в таящуюся в тени подставку всё же ткнул. — Пить будешь?

— Не, сейчас вот вообще не хочется. Может, завтра, если всё нормально пройдёт.

— Ясно, — задумчиво кивнул он. — Так тебе поесть сообразить?

— Угу, чего-нить погорячее, а то продрог. День какой-то, — я покрутил пальцами на уровне головы.

— То ли ещё будет, — обнадёжил Георг.

— Неужели three-dog night?

— Она самая, друг. Так что не забудь обогреватель на всю выкрутить. — Он скрылся на кухне, что-то скомандовал, и через некоторое время там что-то зашкворчало.

— Кофе пока выпьёшь?

— Спакумское пойло? Не боишься последствий?

Он думал буквально несколько секунд. Затем широко улыбнулся

— Ах ты, подловил. За счёт заведения. Тебе с чем?

— С мёдом, если есть, и перед снятием с огня добавь раздавленную дольку чеснока.

Георг присвистнул.

— Это по-каковски же будет?

— У арабов привык. Специфический получается, но, если втянешься — для такой погоды как раз.

— Я запомню. Ещё пожелания?

— Мне тоже сделай как ему, — мужчина за стойкой вмешался в разговор.

Его хриплый голос с очень ярким валлийским акцентом сам собой наполнил пространство.

— Я всегда открыт для нового. — Он повернулся ко мне, протянув здоровенную, как лопата, ладонь. — Эван.

Стряхнув с себя ассоциацию с Дизраэли, я пожал заскорузлую, но неожиданно мягкую руку. Ничего не произошло. Зверь тоже не подавал голоса.

— Алекс.

Пара ничего не значащих фраз, вроде как завязать разговор. И я почувствовал, что сейчас будет вопрос, на который я не захочу отвечать, чтобы не врать.

От этого меня спас Георг. Он выглянул из кухни, и строго сказал.

— Свои, Эван.

А затем снова исчез.

Мужчина с явным сожалением отвернулся к стакану, а у меня в голове поселилась мысль: когда же я стал Георгу настолько своим.

Осторожно попытался вызнать у хозяина, но он только отмахнулся, ехидно ухмыляясь и ставя мне на вид, что виски с ним я ещё не допил, и что он категорически не любит быть должным. Пришлось клятвенно пообещать, что как только закончу с одним из важных дел, обязательно приду обмыть сделку.

— Замётано, — он протянул руку. Рукопожатие вышло как по мне чрезмерно крепким, как будто Георг проверял меня на прочность и честность.

Эван, сидящий на барном стуле, повёл плечами, мол, хозяин-барин, и мне его поведение категорически не нравилось.

Горячая еда, впрочем, оторвала меня от дурных размышлений. Чили кон карне — неожиданность для лондонского паба — согревал и бодрил. Пучок зелёного лука, плоская соли и даже булочка, которая смогла заменить нехарактерный для англичан хлеб.

Пережёвывая, я всё обдумывал поведение Георга. По всему было крайне похоже на то, что он либо хотел от меня услугу, пользуясь тем, что мы «свои», либо намеревался устроить какой-нибудь развод на доверии. На миг вспомнился анекдот про «не играйте в Сочи в преферанс с местными, они знают прикуп».

А Лондон, думаю, имеет на борту тысячу и один способ лишиться лопуха средств. Плохо. Придётся быть крайне осторожным, но совсем срываться с крючка нельзя, наверняка за мной уже проследили и при случае найдут и дома. Либо вообще передадут тем, кто играет пожестче.

На крайний случай со мной Зверь, Коса и Тёмное пламя. Я удивился тому, что даже в мыслях назвал всё с заглавных букв, и вернулся к еде.

Допив ароматный чай — Зверь успел его обнюхать — я спросил Георга, всё так же меланхолично протирающего стаканы, сколько с меня.

— Тринадцать фунтов.

Дороговато, конечно, но всякая еда стоит столько, сколько ты готов за неё заплатить. Я демонстративно открыл портмоне, в котором было не так много денег, чтобы на них позариться, порылся, чтобы засветить свои скромные пару сотен с мелочью и положил пятнадцать фунтов на стойку.

— Слышь, как тебя, Алекс, — Эван слишком старательно исполнял свою роль, — тут у нас лакеев, — его выделение этого слова прямо-таки сочилось ядом, — нет. Можешь себе свои чаевые в...

— Утомонись, тебе же ясно сказали. — Женщина впервые за всё моё время пребывания в пабе подала голос. Красивый голос. Если я не ошибаюсь, с гэльскими оттенками.

— Алекс, — Георг сгрёб купюры, как осенние листья, — я положу эту сладкую парочку туда, где лежит твой будущий стакан.

— В чужом доме — хозяина слушай, — адаптировал я русскую поговорку, и, отсалютовав всем троим, вывалился в сырой и холодный лондонский воздух.

Предстояло самое грязное и подлое. Гаже, наверное, чем даже размазывание Даны в ресторане.

В гостинице вышел в сеть. Попробовал найти номер телефона по адресу, но это оказалось нереальным. Поисковик был забит кучей мусора и псевдорекламы, заплати, а мы тебе скажем.

«Что было, что будет, чем сердце успокоится», — заметил внутренний голос.

Отсутствие результата — тоже результат, зато я посмотрел на панорамах, как выглядит дом и провесил маршрут от метро. К счастью, было недалеко. Но, к сожалению, по дороге не было магазинов цветов. Выход, конечно, нашёлся.

Доставка.

Сделав заказ на свой номер телефона и на адрес, который указала фрау Магда, я дал запас в тридцать минут по времени. Надеюсь, меня за это время не выгонят из дома.

Уже почти вышел, когда глаза наткнулись на купленную в Сити ёлочную игрушку. Почему-то возникло острое ощущение, что домой я её не привезу. В груди заныло.

Сделав пару шагов, взял пакет в руку и услышал тёплое урчание Зверя.

— Думаешь? — вслух спросил я его.

И сам ответил: «Уверен».

Закрыл за собой дверь. Замок задвинул язычок с тихим шелестом, как будто зашипел воздух в шлюзе космического корабля.

Глава 6. Декабрь 2017. Лондон

Поездка в метро и небольшая прогулка, которая окончательно ушатала нагруженные ноги, прошли точно по рассчитанному времени. Дом был одним из тех, которые просятся на иллюстрацию, когда в книге пишут фразу «меблированные квартиры». Старая немка вроде бы говорила о внучке как о враче, но, если я правильно помню, доход английских врачей далеко не тот, что у героев голливудских фильмов.

Стены дома не исписаны и не разрисованы граффити. Подъезд — или здесь правильно холл — чистый и не пахнет дешёвыми дезинфицирующими средствами. Пробежал по списку квартир — третий этаж. Лифт — моё спасение.

Звонка нет. Видимо, никого никогда и не ждала. Дверь простая, видимо, от домовладельцев. Слегка крашеный металл, который на удивление в этом влажном воздухе ещё не проржавел.

Три стука, с небольшой неравномерностью, чтобы не выглядело уставным.

Прислушался. Послышалась немецкая речь, слишком приглушённая, чтобы разобрать отсюда. Металлический звук двигающейся заслонки глазка. Вопрос по-английски.

— Кто там?

— Здравствуйте. Я летел с фрау Магдой в самолёте, и она пригласила меня в этот дом. — За дверью слышался шепоток. Я помолчал секунд пятнадцать, давая им выяснить отношения. — Если мой визит неуместен...

— Нет-нет, подождите, пожалуйста. Андерс, так?

Интересно, это проверка или фрау не помнит имени?

— Нет, вы немного ошиблись, Алекс. Русский немец из Поволжья. — Я старался говорить чётче, чтобы за дверью было слышно хорошо, и Магда смогла подтвердить мои слова.

— Да, точно. — Всё-таки проверка.

Послышались щелчки замков и звон цепочки на задвижке. Хозяйка квартиры несмело приоткрыла дверь, удерживаясь на цепочке. Кудрявые волосы мелькнули в щели.

— Мари-Хелен, если вы чувствуете какие-то сомнения, то я лучше не буду набиваться.

— Всё, теперь я точно уверена. Кроме бабушки меня двойным именем никто не называет. Сейчас. — Голос звучал взволновано. — Это действительно вы, Алекс.

Я решил не шутить, что самому бы знать ещё, кто я на самом деле.

Дверь закрылась, повторно зазвенела цепочка, и приглашающе открылась внутрь. Передо мной в домашнем платье, простом, но весьма ей идущем, стояла молодая женщина лет 26-28. Чуть выше среднего женского роста, худощавое, но не спортивное сложение. Лицо миловидное, но на него наложился страх и внутри пряталась усталость.

Глаз пытался зацепиться за возможные следы смешения континентального и островного типажей, но ничего такого не мог заметить. Наверное, я тот ещё физиогномист. Или просто внимание акцентировалось на металлический половник, который хозяйка сжимала в правой руке.

В метре позади стояла её бабушка. В одной руке она держала диванную подушку, в другой — телефон, и судорожно переводила взгляд с одного предмета на другой.

Наконец, она подняла глаза.

— А-а-лекс! Это вы! — Она пошла вперед, оттирая внучку и переходя на немецкий. — А я ей говорю, что кто ещё придёт к тебе, всех кавалеров распугала своей работой.

Магда попыталась взять меня за руку, но её ладони были заняты.

— Что ты стоишь, заводи гостя, — нашлась она, переложив ответственность на Мари-Хелен.

Та изгнала неловкость из своего сознания и протянула мне руку. К несчастью, с половником. Не успела она ещё понять абсурдность ситуации, как я принял свободной рукой половник, который девушка выпустила из рук совершенно механически.

Затем ойкнула и закрыла лицо руками.

— Mein Gott...

— Не волнуйтесь, пожалуйста. Хотите, я закрою дверь и постучусь снова?

Она кивала с ошалевшими глазами.

Я позволил себе потянуть ручку двери. Выждал пару минут, за время которых на той стороне раздавался лёгкий топоток, затем постучался.

— Wer ist da?

— Алекс. По приглашению фрау Магды. Вашей бабушки.

— Да-да, Kommen Sie rein. — Дверь открылась. На этот раз полностью.

Мари-Хелен стояла с ещё влажными после умывания глазами, но уже с твёрдостью во взгляде.

Я вошёл. В одной руке — трость и пакетик с подарком, в другой — половник. Положил кухонный прибор на придверную тумбочку. Остановился на коврике.

— Кладите пакет, разуйтесь.

Я замешкался. Девушка поняла по-своему.

— Я — врач. И это профессиональная деформация. Многие ходят в уличной обуви, но я — не могу.

— Нет-нет, не извиняйтесь. — Я выставил руки ладонями к ней. — Если честно, мои детство и юность прошли там, где зайти в дом в обуви было признаком недвусмысленного свинства.

— Дедушка рассказывал немного про русские обычаи. Что-то такое я слышала.

Я отдал плащ и пакет с игрушкой, Мари-Хелен взяла половник и исчезла в боковой комнате. Магда ринулась за ней.

Я отставил трость, кое-как наклонился и расшнуровал левый ботинок, так будет проще переключиться потом и не пытаться стоять на «короткой спичке».

Зверь появился вовремя, он улёгся сзади, приглашая усесться на него как на пуф, чтобы не искать возможность удержаться. Я с подспудным опасением сел, это было очень необычно, но позволило, пока женщины не вернулись в прихожую, отставить копыта в уголок.

Вытер наконечник трости и разок кашлянул, напоминая о себе.

Первой показалась хозяйка дома. Она приглашающе махнула рукой, но увидела пустую правую штанину, в которой пряталась короткая нога.

— Mein Gott... — кажется, в этом доме фраза становится популярной.

— Пожалуйста, не нужно. Вы ни в чём не виноваты. Это — данность, и я уже практически привык. Вот, смотрите, как перемещаюсь.

— Но, Алекс, ваша нога...

— Нога живая, функциональная, просто из неё пришлось вынуть девять сантиметров.

Она зажала рот двумя ладонями. В глазах стояла смесь врачебного любопытства и обывательской паники.

— Чем-то можно помочь? — Мари-Хелен почти справилась с собой. И вела меня в общую комнату, которую можно было бы назвать гостиной.

— Вряд ли. Я и так получил гораздо больше, чем... мог рассчитывать.

Девушка тут же переключилась на понятную ей тему.

— Ваши военные врачи и травматологи очень много принесли в медицину, — она кивала сама себе. — Хотя это почти никто не любит признавать. Мы учились по учебникам Pirogoff и Sklif-o-sowsky. — Ей было сложно выговорить русские фамилии.

— Ну вот. А есть ещё Елизаров. Или Илизаров, — я покаянно опустил голову. — К стыду своему забыл фамилию того, чей аппарат спас мне ноги.

— Да вы что, Алекс? — Она подпрыгнула пружиной с дивана. — Это мой кумир. Потрясающая фантазия — придумать такое устройство и механику.

Я согласно кивал, старательно растапливая лёд.

— И вы представляете? Он совершенно ничего не получил за своё изобретение! Только возможность дальше работать.

У неё горели глаза, когда она смотрела на меня сверху, перенося свой профессиональный восторг на того, кто был точкой приложения.

— Вы, русские...

— Мари-Хелен! Я тебе говорила, что Алекс — немец, пусть и русскоязычный. — Сварливый голос старой фрау появился в комнате раньше неё.

Она внесла на подносе чайник и чашки, поставила на столик.

— Хорошо, бабушка. Они, русские, просто chock-nutty. — Сложное русское слово превратилось в два английских.

— Это точно, ты бы деда слышала, как его в плену кормили русские женщины, которые мужей на войне потеряли. — Магда, как истинная немка, была чуточку бесцеремонной. — Он только к концу срока начал их понимать, и потом до конца жизни просыпался в поту. И на D'en' Rob'edy, — слово она выговорила почти чисто, — обязательно пил одну рюмку Vodka, а вторую ставил на столе и накрывал кусочком хлеба.

Я отвернулся, чтобы подавить невольные слёзы.

Мари-Хелен, видимо, унаследовала что-то от бабушки, потому что всё ещё стоя надо мной, сидящим на диване, ткнула пальцем на правую ногу и спросила.

— Алекс, я понимаю, что это может быть неприятно. Но я — травматолог...

— Ты пока только интерн, — буркнула бабуля, вытирая руки полотенцем.

— Уже защитилась, — парировала внучка и повернулась ко мне. — Я могу посмотреть?

Понимая, что иначе мне в этой квартире не «прописаться», я задрал штанину под неодобрительный взгляд горящих глаз Зверя.

Несколько минут стыда. Прикосновения горячих пальцев чужой женщины. Фразы с обилием латыни, сказанные не мне, а самой себе. Любопытство, смешанное с отвращением от старой фрау, накрытое бросаемыми исподтишка взглядами. Шёпот «So, wo ist es denn... gleich... gleich...» Протянутые бабушкой карандаш и блокнот.

«Какое сумасшедшее решение... иначе бы... безумный скульптор... das ist Kunst...»

Карандаш, периодически зажимаемый в зубах, когда она ощупывала ногу двумя руками, возвращался в ладонь и зарисовывал с неестественной быстротой какие-то элементы.

— Алекс, простите, но я вижу по характеру травм, что у вас явно пострадала не только эта нога. Вы подарите ещё несколько минут бедному врачу?

От ответа меня спас телефонный звонок. Я выслушал сбивчивую речь курьера о том, что он уже поднимается, и попросил Мари-Хелен разрешить мне на секунду пройти к двери.

Она, всё ещё шокированная увиденным, механически кивнула, а я энергично пропрыгал к двери, в которую уже стучали.

— Алекс? — Девушка смотрела на меня взглядом, который можно было охарактеризовать как «Пожалуйста, не дай мне разочароваться».

Я кивнул. Отпер дверь, отдал деньги и два букета вплыли в квартиру.

Один — каллы. Необычный выбор, но от нарциссов уже тошнило, розы — это пошлость в Набоковском понимании, тюльпаны — дежурный букет на восьмое марта. Он — для Мари-Хелен.

Второй — хризантемы. Я заказывал красные, но приехали жёлтые, и Магда практически выхватила из моей руки, заставив меня наклониться, чтобы клонуть в щёку.

Я подивился тому, как ловко старая фрау спасла меня от необходимости жонглировать, но спрятал мысль подальше, в копилку. Девушка чуть опасливо подошла ко мне, пока я закрывал дверь. Я захватил уже всё пространство в этой квартире, и нужно было сбавлять обороты.

Я осторожно протянул букет.

— Простите, что так сумбурно получилось.

— Ничего. Наверное, я вас тоже замучила. Во мне, когда медик просыпается — я ничего не могу с собой поделаться.

— Всё хорошо. И если позволите, там пакет, вы на кухню унесли, с плащом. Это тоже вам.

— Да? Вы проходите на диван, я... я цветы поставлю и вернусь. Хорошо?..

Сценарий знакомства летел ко всем чертям, не вписываясь ни в одну из рабочих схем. Ни у меня в голове, ни у неё. Ни даже у фрау Магды.

Только Зверь поглядывал на меня и как будто говорил всем своим выражением морды лица: «А кто обманет малых сих...»

Будет, мой хороший, обязательно будет.

Работаем.

— Алекс, вы голодный? — Мари-Хелен в руках держала узкую вазу, в которой были цветы, на пальцах были надеты тонкие ручки пакета.

Вазу она держала слишком близко к груди, погрузившись в каллы лицом. Голос чуть дрожал. Она не знала, как себя вести. Нужно было чуть «удлинить поводок».

— Нет, спасибо. Я успел поесть между делом в пабе.

— В пабе? Что вы могли поесть в пабе? Fish'n'chips? Пародию на континентальный завтрак? — старая немка возмущённо ругалась на английскую еду.

— Вы ни за что не угадаете. Чили кон карне.

— Тогда это был не паб, — сходу открестилась от этой мысли Мари-Хелен. — И, кстати, почему вы трезвый?

Я рассмеялся.

— Слухи о пьянстве русских сильно преувеличены. По статистике мы очень многих никогда догнать не сможем в этом вопросе.

— Да? Ну ладно. Я вам поверю.

Девушка протянула мне пакет с игрушкой.

— Откроете? А то мне самой как-то неудобно из пакета доставать. Как будто между делом получается. Не подарок, а так — откупное.

— Да, простите. Всё так сумбурно получилось. — В отличие от бабушки, она не утратила способность краснеть в таких случаях.

Я протянул руку и аккуратно забрал пакет, стараясь не касаться её рук. Вынул коробочку, и, пока девушка ставила на подоконник цветы, достал игрушку.

— Какая красота. Это рождественская игрушка?

— Не совсем. В России больше празднуется Новый год, как светский праздник, а Рождество потом уже отдельно. Ну и наряжают новогоднюю ель, а не Рождественское дерево.

— Ой, она... стеклянная? — Шарик в руках мелькал. Она не могла остановиться, чтобы рассмотреть его вдумчиво, как будто боялась, что чего-то не увидит, что-то пропустит.

— Ага.

— Только не говори, — девушка не заметила, как перешла на ты, используя немецкие фразы. — Не говори, что она ещё вручную раскрашена.

— Буду нем как рыба.

Она восторженно вдохнула.

Как мало человеку нужно для счастья. Хотя бы сиюминутного. Глаза Зверя, мерцающие из угла комнаты, откуда он контролировал обстановку — и меня — устало моргали. Я же мыс-

ленно пытался до него дотянуться, чтобы дать понять, что не собираюсь рисковать этими женщинами. Что они нужны для маскировки, а не для жертвы.

— Скажите, Алекс, — вмешалась Магда. — А вы уже все дела закончили?

— Увы нет, еще остались пару «делок». — А английский язык в этом плане хорош. Можно сказать «deal», и не соврать.

— Понятно. А что на завтра планировали? — Боже, эта старая фрау меня доведёт. И, судя по сердитому взгляду внучки — её тоже.

— Завтра. — Я старательно замешкался. — Завтра хотел съездить прогуляться по Уайтхоллу. — А то, знаете ли, и был в Лондоне, и самое сердце не видел.

— Ну, положим, как врач, я скажу, что совсем не сердце, — рассмеялась Мари-Хелен. — Но что вы скажете, если я предложу вам компанию? — она вновь вернулась к «вы».

Удар сердца. Второй. Третий... Не переборщить с ожиданием...

— Я с радостью приму компанию. А он вам не надоел ещё? Вы же, наверное, часто...

Она перебила меня.

— Только мимо, проездом. Времени всё никак не было. Да и в одиночку там делать нечего, как мне говорили.

— Это она про своего бывшего намекает.

Мари-Хелен покраснела и потупила взгляд.

— Магда, ну зачем вы так?

— А я изначально ей говорила, что с этим столичным хлыщом ничего не получится. Arscloch. — Припечатала она.

— Бабушка, я же просила.

— А уж как я тебя просила. И что? Была права. И сейчас права.

Мари-Хелен запунцовела.

— Вы уж простите её, Алекс. Она человек старых принципов.

— Именно так, и буду говорить то, что думаю. Без всякой этой вашей «толерантности».

Тьфу. Scheisse.

— Простите, что вмешиваюсь, дамы. Но мне кажется, нужно перестать оглядываться в прошлое и жить настоящим, имея в виду будущее. — Я постарался выбрать тон, который нам когда-то советовали в институте на занятиях по психологии.

— Да, Алекс. Извините за сцену, но я...

— Фрау Магда, я очень вас прошу, как старшего в этом доме, быть самой малость терпимее к тому, что делает ваша внучка, которую вы, безусловно, любите больше всего на свете и желаете ей только самого лучшего.

Таким тоном успокаивают детей и собак в ветеринарных клиниках перед уколом. На стариках сработало тоже.

Немного поворчав для проформы, чтобы не сдаваться сразу, Магда уступила, расслабившись и передавая негласное лидерство в мои руки.

И это было хуже всего.

Но нужно было чем-то занять время и компенсировать то, что я готовился сделать.

— Дамы, вы меня извините, я, наверное, прервал процесс подготовки?

Мари-Хелен улыбнулась чуть смущённо.

— Бабушка суп готовила, а я при ней была «свободными ушами». Она себе вбила в голову, что я голодаю на дежурствах, и хочет меня откормить хотя бы за время праздников.

Фрау Магда сурово смотрела на внучку.

— То, что ты мне про свои ланчи рассказывала, за еду считаться не может. Ни жидкого, ни горячего. — Они обе смотрели на меня, привлекая на свою сторону. — Так если бы только на дежурствах, она и дома то же самое.

— Я, в отличие от тебя, не на пенсии, и у меня времени на готовку нет.

Старушка как будто ждала этих слов.

— Вот перееду к тебе, возьмусь за тебя всерьёз.

Заметно было, что это — не первая пикировка, и, вероятно, не последняя. Но нужно было её мягко завершать, пока она не переросла во что-то большее.

— Дамы, раз уж я волей-неволей прервал процесс, то я хотел бы принести извинения, и заказать что-нибудь на ужин. Понятно, что с домашней едой не сравнить, но... — Зверь закрыл лапой глаза, осознав, что я не уйду. — Мари-Хелен, вы знаете какой-то приличный ресторан с доставкой?

— Коллеги были в русском ресторане. Я не помню название, посмотрите по адресу? — она продиктовала, ошибившись в номере дома, но поисковик подставил нужное.

Меню впечатляло. Несколько первых блюд, разные вторые, а, главное, доставка в приемлемые сроки.

— Вы позволите сделать заказ на мой вкус?

— А на чей же ещё? — сварливо парировала старая фрау. — Очевидно, расстаться с мыслью сделать из внучки домохозяйку, так просто она не могла.

Я отметил несколько позиций, указал количество, потом чуть подумал и увеличил цифры. Сумма получилась немаленькая, но на странице расчёта применилась скидка за отсутствующее обслуживание, и «жаба» немного ослабила хватку.

— Час, может, час-пятнадцать, — сообщил я женщинам, которые так и стояли, ожидая решения.

Мои слова послужили выключателем, Мари-Хелен, так и не выпустив игрушки из рук, шлёпнулась как девчонка на диван, от чего он подпрыгнул со мной вместе. Магда принесла стул из кухни. На удивление не утилитарный икеевский или подобный, а солидный стул, на зависть Кисе Воробьянинову.

— Алекс, а можно нескромный вопрос?

— А бабушка не заругает? — старая фрау прыснула в кулак и этим же кулаком погрозила мне, и потом, на всякий случай, внучке.

— Я про вашу родину. Вы себя кем ощущаете?

— Сложный вопрос. — Я без притворства задумался. — Я люблю бывать в России, там мне всё напоминает о детстве. Там много родственников с обеих сторон.

— Они не захотели в Германию?

— Сложно сказать. Не всех Германия и позвала. Да и язык знают немногие, так, чтобы найти себя в другой стране.

— Язык же можно выучить. Вот вы, например.

— У меня была школа, где учительница немецкого преподавала не по учебнику, а от сердца. — Я пожал плечами. — Ну и многим в детстве языки кажутся ненужными, а потом очень тяжело себя заставлять.

— Вон, твой бывший, — Магда и здесь не могла не подпустить шпильку. — Даже ради тебя не захотел немецкий учить.

Мари-Хелен не стала противоречить бабушке и только кивнула.

— Вы не договорили. Возвращаться любите, а дальше?

— А дальше? У меня нет ответа. Когда я устаю от безалаберности людей там, где работаю, — я лечу к отцу в Германию и наслаждаюсь порядком. — Мне показалась стройной придуманная модель. — Когда ordnung начинает надоедать — сбегаю в Россию. А когда понимаю, что слишком долго отдыхаю — снова возвращаюсь к работе.

— И сколько же нужно зарабатывать, чтобы так по свету мотаться... — как бы про себя пробормотала старушка.

— Больше, чем нужно, чтобы пережить за следующие пару месяцев, но меньше, чем надо, чтобы не думать про следующий год. — Я попробовал улыбнуться, но вышло так себе.

— Просто сил на работу уходит на самом деле очень много, а такие вот отпуска бывают даже не каждый год.

— Скажите, Алекс. А вам там, в России, кто-нибудь ждёт? Ну, вы понимаете, о чём я.

— Нет. — Короткий ответ. Взгляд поверх головы. И только для Зверя: она же в Финляндии...

— Вы расстались?

— Мы даже не попрощались. — Чуть дёрнуть головой. Так, чтобы было заметно.

— Почему?

— В юности меня научили, что долгие проводы — лишние слёзы.

— А... почему вы расстались? Это из-за... травмы? — Господи, отвлеки её чем-нибудь...

Я помолчал, изображая, что собираюсь с силами для ответа. Затем отвернулся и одновременно махнул рукой — извечный жест, понятный на всех языках.

— Вы... злитесь на неё?

— Нет. — Честный ответ. Ни грана фальши.

— Я... я очень бестактна? — Мари-Хелен готовилась заплакать. Я протянул ей платок из нагрудного кармана, и она смогла прикрыть лицо.

— Перестаньте, пожалуйста. Это нормально. Это — жизнь. Люди встречаются, у людей бывают разногласия, сложности с пониманием, несовпадение темпераментов. — Я помолчал, деликатно отвернувшись, чтобы дать её управиться с платком. — Вы не хуже меня понимаете это всё. Вашего парня, очевидно, не устроил ваш график работы и то, что вы как врач вынуждены работать с большим числом мужчин.

— Как? Откуда?! — Девушка повернулась к бабушке и уже хотела было её обвинить в разглашении.

— Всё очень просто, у меня сестра — врач. Я чуть умолчал, что она только учится.

— Да, это наше проклятие. — Она успокоилась, чуть сжав плечи. — А ваше, наверное, постоянное одиночество и невозможность почувствовать себя где-то на своём месте?

Я только развёл руками.

Наверное, мы бы увязли в этом разговоре, если бы не Магда. Старая фрау напомнила, что скоро придёт еда, и нужно обеспечить гостеприимство. Ужинать решили на кухне. Пока Мари-Хелен расставляла тарелки — я успел выдать, что обязательно будет первое — Магда под села ко мне.

— Алекс, простите меня. Я не хотела, чтобы так всё получилось.

— Как? — я изобразил тот расстроенный вид, который она ожидала.

— Ну, вот это всё. Я хотела отвлечь её. А вы показали идеальной кандидатурой.

Прийти, пообщаться, рассказать что-то о России, о работе.

— Я вроде бы так и...

— Послушайте, — она не церемонилась. — Я очень люблю её. Её младшие братья — совсем не то. И я очень боюсь, что Мари-Хелен влюбится. И опять неудачно.

Мы молчали. Мне нечего было сказать. Она готовилась к атаке.

— Вы уедете. Завтра, послезавтра, после Рождества. Неважно. А она останется. — Магда смотрела мне в глаза, не отрывая взгляд. — Я знаю, чем заканчиваются отношения на расстоянии. Одному становится нормально, а второму — плохо.

— Вы хотите...

— Да. Я хочу, чтобы вы изо всей силы постарались сделать так, чтобы Мари-Хелен в вас не влюбилась.

— Если я сейчас буду делать так, то ей будет ещё больнее. Магда, вспомните себя в этом возрасте. Вы очень любите внучку. Но задайте себе один вопрос. Вы любите её для себя или для неё.

Мне показалось, что она меня ударит. Руку она подняла именно для этого. Но сердце ударило раз, Сдругой, третий, а рука так и висела в воздухе в незаконченном жесте.

— Спасибо, Алекс. — Она прижала голову к моему плечу и беззвучно заплакала, иногда подрагивая всем телом. Я приобнял её, положил руку на спину и бережно поглаживал.

Зверь демонстративно вышел на кухню, даже не обернувшись.

— Я... я...

— Магда, не нужно ничего. Я понимаю вас.

— Вы не навредите моей девочке?

— Я буду беречь её. — Старые слова в новой обёртке. Шанс на этот раз сделать правильно, или намёк на то, что всё пойдёт по той же схеме?

Стук в дверь просигнализировал нам, что прибыл ужин. Сейчас, для разнообразия, женщины оставили меня сидеть, а сами приняли заказ.

— Алекс, почему пакеты такие тяжёлые?

— Ну, я подумал, что вам утром будет некогда готовить и вы сможете позавтракать, разогрев еду.

— В смысле «утром»?

— Ну, я рассчитывал к Уайтхоллу часам к десяти выбраться, пока там ещё не будет толп туристов. Да и потом, к вечеру у меня, к сожалению дела. Не хотелось бы в спешке всё... — Я не закончил фразу, покрутив левой рукой в воздухе, подбирая слова.

Фрау Магда бросила на меня сердитый взгляд, после того, как её внучка стала выставлять на стол контейнеры с едой.

— Sie sind viel zu anständig, Alex. — Она сказала негромко, но отчётливо. Ровно так, чтобы вывести Мари-Хелен из равновесия.

— Ты чего, бабушка. Всё нормально. Он просто заказал порции на нас. — Девушка повернулась ко мне. — Вы же не рассчитывали остаться ночевать?

Я приложил руку с тростью в ней к сердцу.

— Ни в коем разе. Никакого подтекста.

Старая немка немного поворчала для порядка, но было заметно, что она уже смирилась с ситуацией.

Её внучка нашла решение ситуации, добавив звука телевизору, где начинался фильм «Санта-Хрякус». Фрау Магда прилипла к экрану под комментарий Мари-Хелен, что это любимый бабушкин рождественский фильм, и ей кажется, что она приезжает в Лондон только за этим.

Когда мы уже ужинали, девушка спросила меня, поднося очередную ложку ко рту.

— А как называется этот суп? Это что-то праздничное? Необычно, но вкусно.

— Это — сборная солянка. Изначально готовилось из обрезков разных сортов мяса, колбас, которые оставались недоеденными в доме. — Я съел пару ложек и добавил. — Сейчас, само собой, готовится из свежего. Ну и я сглупил, не заказав сметану. С ней он ещё вкуснее.

— Нет! Алекс, вы — лжец. Вкуснее быть не может.

— Борщ. — Одно слово, упавшее на весы.

— Ну хотя бы вы не начинайте! У нас на работе есть коллега, как это правильно, Ukrainian. Так он этим борщом всю ординаторскую провонял. — Девушка смеялась. Мы его уже обещали к начальству отправить, если не прекратит.

— Его нужно уметь готовить. Ваш коллега, скорее всего, не умеет. — Я старательно уходил от идеологического конфликта «Чей борщ». — Я умею.

— Ну тогда вы никуда не уедете, пока не передадите мне рецепт. — Фрау Магда на удивление быстро опустошила свою тарелку и теперь глазами была в телевизоре, а ушами в разговоре.

Я рассмеялся.

— Борщ готовят не по рецепту, а по настроению. И, например, для разного вида мяса в нём, я буду по-разному подготавливать овощи.

— Разве так бывает?

— Конечно. А иначе мне патрульный медведь голову открутит и скажет, что так и было.

— Шутник. — Магда потянулась через стол и потрепала меня по щеке. Я чуть не расплескал ложку на костюм. — Ладно. Доедайте и посмотрим, что там на второе.

На второе были банальные вроде бы котлеты и пюре. Пюре — настоящее, из картошки, не из сублимированных хлопьев. Со сливочным маслом и кипячёным молоком. Котлеты — свино-говяжьи. Меню обещало «с луком и чесноком, как в России». Запах вроде бы подтверждал.

— Нет, Алекс. Так нечестно. Такую еду оставлять только российским достоянием — подлость. Это должен есть весь мир. — Мари-Хелен покраснелась.

— Ешь сосиски и капусту. И не выделывайся. — Старушка шутливо погрозила внучке пальцем и снова нырнула в телеэкран.

— Кстати, Алекс. А вы видели этот фильм?

— Да, я с удовольствием смотрел и его, и «Опочтарение».

— Вы же знаете, что автор — англичанин?

— Да, но его однозначно нужно делать мировым достоянием. — Я вернул шпильку.

— Вы читали?

— Да, к счастью, ещё прижизненно.

— Все книги? — Мари-Хелен прикрыла рот рукой.

— Да. А что вас удивляет? Я быстро читаю, ещё с детства. — Я вопросительно смотрел на неё.

— Просто. Просто это так дорого.

Тьфу ты. Похвастался на свою голову.

— Я читал в переводе. Русскоязычные книги много дешевле почему-то, чем здесь. — Девушка покивала головой, принимая объяснение. — Хотя, конечно, некоторые вещи в переводе сильно теряются.

Она молча улыбнулась, показывая превосходство оригинала.

— А скажите, Алекс. Вот, если бы описывать вас как персонажа этой книги, кем бы вы были? — Очень хороший вопрос. Не в бровь, а в глаз. В оба глаза.

— Даже не знаю. Мне всегда хотелось быть как Ваймс. Всегда какое-то чувство справедливости, подавляемое в угоду закону и порядку...

— Помогать всем, не афишируя помощь, и отхватить самую богатую женщину Анк-Морпорка? — Мари-Хелен смеялась.

— Ну, если мне не изменяет память, то ему было начхать на её богатство. — Я попытался обелить командора.

— Принимается. А я ассоциировала себя с подругой Мойста вон Липвига. Ангелой Добросерд.

— Вы? Ангела?

— Дослушайте. Хотела быть такой сильной. Такой понимающей. Такой, чтобы у меня был сильный мужчина, которого я бы могла простить за что-то такое, чему нет прощения...

То, как я глотнул, наверное, было слышно в Вестминстерском аббатстве, но девушка сидела, мечтательно глядя в потолок.

— Только ради бога, не начинайте курить. — Дополнил я картину, и мы рассмеялись в унисон.

— А что на десерт?

— Сейчас узнаете. Ставьте чай пока. — А внутренний голос нарочно говорил с украинским акцентом: «варэнькы з вышнэй». Жаль, не поймут.

Пока чайник закипал, Мари-Хелен, пользуясь тем, что бабушка поглощена экраном спросила.

— А знаете, кем я вас вижу?

— Мойстом вон Липвигом, мошенником и прохиндеем, перекаати-поле, который только и ждёт, что найдётся на него свой Лорд Ветинари.

— Интересный взгляд, но нет. Но вы и не Ваймс. Вы не слишком для него опустошенный и отчаявшийся. Но вы и не Липвиг. — Она смахнула прядь волос со лба. — Вот я начинала разговор, думала, сейчас вы откроетесь, подскажите, и я скажу. А в результате ерунда какая-то.

Магда тем временем выкладывала вареники на тарелки.

— А как их есть?

— Просто накалывать вилкой и кусать. Только внутри горячий сок может быть, но это обычно домашняя еда, поэтому если брызнет, то обычно это повод для смеха в кругу семьи.

— Алекс, вы невозможный. — Мари-Хелен попробовала свой. — Я тут уже столько времени, а вы в первый же день открыли такое сумасшедшее лакомство. Я всё поняла про вас. Вы — шпион.

— Однозначно. И прибыл с целью свести с ума очаровательную обительницу Лондона, забрав её в холодную Россию, где только снег и дикие медведи.

— А вы сможете?

Как говорил классик устами героя, вечер перестал быть томным.

— Я могу очень многое, но я не хочу, чтобы наваждение спало, и вы корили себя за сделанное.

— Лучше сделать и жалеть, чем жалеть о несделанном, — мгновенно вернула она мне подачу. Сильно. Раунд. Сет.

— Я всё же очень надеюсь, что пока эта сентенция относится именно к шпиону, снегу и медведям? Может быть завтра вы ещё разочаруетесь во мне, когда я буду хромать не на ту ногу, и все в округе будут смеяться, как над мистером Бином.

— Алекс, я только попрошу вас не молчать. — Мари-Хелен остановила эскападу.

— Я запомню эту просьбу.

— Тогда давайте досмотрим фильм. — И она повернулась к экрану.

Глава 7. Декабрь 2017. Лондон

9.04 по Гринвичу. Сити.

Куртка-бомбер. Штаны-милитари. Трость. Матерчатая кепка и немного недокосметики. Усталый, побитый жизнью отставной вояка с букетом цветов мечется между высотками в поисках нужного здания. Заглядывает в телефон, сверяется с адресом.

Так, наверняка я выглядел на экранах, подключённых к камерам наблюдения.

Ещё одна жертва бездушного государства в государстве.

Телефон был нужен для другого. Здесь на сайте букмекерской конторы должны были опубликовать фамилии. Те, которые «самый гуманный суд в мире» огласит перед словами «Приговор окончательный, обжалованию не подлежит».

Я не думал, что будут большие изменения. Я вообще не думал. Сейчас это не нужно. Я ждал, понимая, что может произойти что угодно в любой из «последних моментов».

09.13 по Гринвичу. Сити.

Появилось уведомление в почте о возможности сделать ставки на никому не нужный матч домашней лиги Австралии. Состав «регбийной команды». Все были на месте. Убрал телефон в карман, я погладил левой рукой Зверя по голове, и мы пошли в гости к первому «пауку».

09.18 по Гринвичу. Сити.

Читать индийское имя вице-президента торговой компании вояке-недоучке было тяжело. Трижды сбиваясь на необычных сочетаниях гласных и согласных, я протянул старательно замызганную бумажку девочке на ресепшене, торгующей лицом.

— А-а-а, господин Вишьянхават? — Она выговорила чисто, но уж очень быстро, как скороговорку. — Давайте, конечно, я передам.

Девушка приняла букет и открытку в конверте.

— Что-то ещё просили передать?

В этот момент меня накрыло слияние со Зверем. Запахи, восприятие, звук дыхания жертвы, ещё глядящей телевизор, из которого глумливый голос репортёра вещает о насмешке над правосудием.

Зрение подводило. Худой, подтянутый в общем-то мужчина, выглядел раздувшимся не то клопом, не то пауком. С разных сторон в комнату вплетались нити паутины и нужно было перешагивать каждую из них, чтобы не дёрнуть сигнальную и не поднять тревогу.

Паук что-то почувствовал, задышал чаще. Стук сердца заставлял подёргиваться нити.

Рывок, удар челюстями в головугрудь... тьфу ты, в шею. Вырванный кадык. Сипение из разорванного горла. Содрогания паутины. Ядерный стук сердца, гонящего кровь в никуда.

Возвращаюсь в себя. Трясу головой.

— Сэр?.. — девушка из-за стойки уже рядом, уже держит.

«А ты её обозвал», — с упрёком хлестнуло по щекам подсознание. — «Себе на лоб ярлык приклей и ходи...»

— Всё нормально. Простите, что доставил беспокойство.

— Давайте я сделаю кофе, вам можно? Вы очень устало выглядите.

— Буду бесконечно признателен. Вся ночь на ногах. — Голос даже не пришлось заставлять осаживаться, хрипотца сама собой проявилась после приведения приговора в исполнение.

Процокав небольшими каблучками по кафелю, девушка заставила кофе-машину исполнить ритуал наливания кофе, и только спросила: «Сахар, сливки?»

— Да. — В духе ответа блондинок вернул я.

— Вот, пожалуйста.

— И ещё раз простите за...

— Ничего страшного, сэр. — Она уже вернулась на место. — У нас тут чего только не бывает. Хорошего вам дня.

— God bless you. — Устало улыбнулся я, и мы со Зверем пошли к лифту, который вынесет нас отсюда.

09.26 по Гринвичу. Сити.

Выбросить в мусорную корзину влажную салфетку, которой вытер лицо, избавив его от ночной усталости. Закинуть в рот выломанные из пачки подушечки жевательной резинки. Распределить языком между верхней десной и щекой, добавив желваков. Под стеной здания вывернуть кепку наизнанку, получив другой цвет и имя футбольной команды. Нанести на губы гигиеническую помаду, чтобы постоянно их потом поджимать, промокая друг о друга и раздражать окружающих дурной привычкой.

Купить в кассе билет на смотровую площадку, с восхищением оглядываясь по сторонам. Деревенщина на выпасе. Отставник возвращается домой через Лондон.

Рассчитаться мелкими мятыми купюрами. Долго пересчитывать мелочь, которой добить последние два фунта.

Улыбаться.

«Улыбаться, я сказал! Это всех раздражает...»

Подняться с группой на сеанс в 9.30.

Почему-то не могу оторвать руку от холки. Мне кажется, что Он — всё, что держит меня на пороге. Моя злость, отвращение к этому месту, ненависть к его обитателям, смешанная с презрением — это всё бурлит гноем под крышкой котла на огне.

Отдельные люди — Магда, Мари-Хелен, паренёк-портье, девушка с ресепшена — кажутся инородными телами. Искрами даже не во тьме, а во всеудушающей серости.

Наверное, это влияние того, что я сливался с сознанием Зверя, и сейчас откат достиг неокортекса, заставляя переваривать поток данных от того, что не должно брать верх в человеке.

Кем я выйду отсюда? Или я правильно рассудил, что не смогу привезти игрушку домой по другой, более верной причине?

Зверь ткнулся головой в бедро. Посыл был ясен.

Нужно прекращать рефлексировать.

09.32 по Гринвичу. Сити.

Сориентировался на площадке. Несмотря на раннее утро, народу было много. Люди планировали подняться пораньше, пока никого нет, и вот результат.

Протиснулся к панорамному окну. Рука напряглась на холке. На лице восторженная детская улыбка, отражающаяся в зеркальности стекла.

— ...смотри-смотри.

— Да уж. Дикарь какой-то.

— Это точно. Небось у них там на Оркнеях кроме овец ничего и не увидишь. Нищета шотландская.

— Думаешь оттуда?

— Ага, глянь какие желваки. Это они там пастухи из-за близкородственных связей такие. Я репортаж смотрела...

В стекле отражались двое предпенсионеров, которых я раздражал своей медлительностью ещё в кассе. Одеты ненамного дороже моих шмоток, а гонор столичных жителей — он везде такой.

Что ж, запомните меня таким. Сейчас это лучшая похвала.

Зверь проскочил сквозь тяжелое литое стекло, отливающее голубизной. Мир снова слился два в одном.

На этот раз расчеловечивания не случилось. Но моё альтер-эго чувствовало опасность.

Мужчина, подёрнутый тенью, слегка размытый. Белая рубашка как вторая кожа. Кресло, пахнущее литрами впитавшегося пота. Запах в кабинете. Запах страха.

Не хозяина. Нет.

Запах страха тех, кто стоял перед ним здесь. На этом месте, где сейчас я и не-я стояли, готовясь к рывку. Губы подрагивали, обнажая зубы.

Что-то непонятное творилось здесь. Как будто нас ждали.

Росчерк молнии ударил в дверь. Кабинет наполнился резким запахом озона.

А он маг. Это всё объясняет.

Запах возбуждения, напряжение фигуры. Ещё один удар в никуда.

Он не знает, кто придёт за ним. Но чувствует опасность.

Зверь сделал всё быстро. Сразу после второго удара, не дав собраться с силами.

Последнее, что промелькнуло в моём сознании, когда мы разъединились — удивление. И разочарование.

Зверь нырнул во второе здание.

А я стоял, прислонившись лбом к стеклу и часто дышал, делая вид, что смотрю на игрушечных человечков, спешащих по делам и модельки машинок, которые невидимый ребёнок переставляет с места на место.

Подташнивало.

09.36 по Гринвичу. Сити.

Третий кабинет пах надеждой. Здешний обитатель был из молодых, только-только проравшихся к вершине после ряда действий, которые позволили расчистить широкую дорогу и занять место среди кумиров.

Которые обязательно подвинутся. Чуть позже. Когда будут накоплены силы.

— Сколько тебе нужно?

Невозможно было сделать то, что сделал он, не обладая чуткостью и интуицией. И сейчас она сыграла на все сто.

— Сколько бы тебе ни заплатили, я готов дать вчетверо и взять на службу.

Он закурил. А вот вкус ему изменял. Запах сигары был отвратителен. Ноты плесени, прелости, неполной ферментации.

Зверь слышал всё. Чихнул.

— Молчишь. Правильно делаешь. Я бы тоже на первое слово не реагировал. — Мужчина с декларируемым удовольствием затаился. — Пятьсот процентов и ещё по двести за каждого из тех, кто тебя нанял...

— ...или даже, если мои коллеги ещё живы, а они должны быть живы, ты бы не успел...

— ...мы вместе могли бы предложить семь концов за работу на нас и по четыре за твоих бывших хозяев. А этих кретинов с Уайтхолла можешь сделать бонусом...

Мужчину несло. Он уже поверил сам себе и сейчас диктовал условия как будто он был хозяином положения.

— ...тебе ведь нравится твоя работа? Нравится убивать. Чувствовать запах жертвы. Ощущать свою власть над ней?..

Наконец он погасил сигару.

— ...мы дадим тебе это. У нас список на пятерых таких как ты...

Он не договорил. Зверь завершил его фразу с брезгливостью и отвращением. Я даже не понял, как это произошло.

К лучшему.

Сейчас я уже медленно сползал лбом по стеклу, а вокруг меня парили голоса.

— ...отойдите же вы уже, дайте человеку воздуха...

— ...ему плохо, наверное, боязнь высоты...

— ...небось у себя на островах и не видел сверху ничего...

— ...парень, ты как? — раздвинутое веко, чей-то глаз в фокусе.
Мелькнувшая мысль, что хорошо, что вытер косметику...

— Уже лучше.

— Помощь нужна?

— Надеюсь, нет. Голова закружилась. Не ожидал такой реакции.

— Ты, если высоты боишься, не смотри вниз вот так вот.

— Да я надеялся, что смогу перебороть.

— Дорогое ж ты место выбрал, дружище. Лучше бы билет на колесо обозрения купил.
Дружный хохот. Похлопывания по плечу. Вручение поднятой с пола трости.

— Ты это, прости, если мы что-то обидное сказали.

Мужчина, виноватое лицо. Его жена с чуть поджатыми губами. Лёгкий толчок в бок.
Быстрый злой взгляд на мужа.

— Да... прости... пожалуйста.

— А что поделатъ, если так и есть. — Я снова пошамкал губами, подбирая помаду, под
общий смех и стушевавшиеся взгляды двух ни в чём, в общем-то, не виноватых людей.

09.49 по Гринвичу. Сити.

Уйти по-английски. Не прощаясь. Я не буду скучать по этой квадратной миле. Он, сте-
пенно вышагивавший со мной до такси, — тоже.

Я, убаюканный пробкой, размышлял над двумя последними противниками. Их поведе-
нием, реакциями.

Как легко было строить план, исходя из невидимости. Но мы не были невидимы. Те, кто
держит мир в кулаке, чувствуют течение потоков вокруг. Управляют ими. Зависимы от них.

И попадая в такой поток, становясь объектом интереса, ни у кого нет шансов остаться
незамеченным. Есть только необходимость выполнить работу.

И остаться собой.

Тысячи нитей опутывают нас с самого рождения. Семья, долг, мораль, законы, обязан-
ности, обещания. Они сплетают кокон, гнездо. Такое уютное и такое ненавидимое. Они подве-
шивают нас как куклы в руках кукловодов. Нити, поводки, которые ведут нас по сцене, избав-
ляя от необходимости думать, действовать, принимать решения.

Так легко спрятаться за эти нити. Я был вынужден... этого требует обычай...

А разорви эти нити?

Обрежь поводки.

Первая, вторая. Третья... Судьба-кукловод не заметит. Таких как ты — миллиарды.

Десятая... и вот ты уже нарушитель. Ещё не угроза, но тень её. Концы ниточек болтаются
рядом — намекают: привяжи обратно, система простит, примет.

Обрежь сотню, и твой кокон начнёт рассыпаться. Ты — преступник. За тобой потянутся
пауки. Спеленать, заточить в новый. Дать дозреть.

Оборви тысячу, и ты — чудовище. Тебя не нужно возвращать, ты — отработанный мате-
риал.

А если порвать все?

Бог? Новый кукловод?

Сможешь ли ты видеть в марионетках под тобой — людей? Сможешь ли удержаться от
соблазна перехватить нити в свои руки?

Или решишь оборвать их для всех?

А ты спросил? У всех...

— ...Приехали, сэр. Пятнадцать-двадцать, сэр. — Молодой пакистанец с тягучим про-
изношением не лукавил. На счётчике действительно горела эта сумма.

Я подивился, туда в прошлый раз добирался дешевле.

— Пришлось объезжать, сэр. — Ответил парень на невысказанный вопрос.

Приложил карточку к терминалу, добавив фунт чаевых.

Выбрался из машины. Налетевший ветер приятно контрастировал с химозным запахом ароматизатора в салоне.

Посмотрел на часы на экране телефона. Четверть одиннадцатого. До встречи с Мари-Хелен ещё почти час.

10.37 по Гринвичу. Лондон.

На душ времени не оставалось. Успел надеть новую сорочку, чуть-чуть пройтись утюгом по брюкам, чтобы вернуть стрелки, умыться.

Дважды.

Чувствуя себя мерзко от «благодетельства», положил ещё пару фунтов на стойку портье. И когда он уже потянул руку, чтобы незаметно убрать купюры, наклонился и заговорщически прошептал.

— Продолжайте рисовать, молодой человек.

Парень зарделся, и немного более резко, чем нужно, отвернул лицо.

Я вышел, избавляя его от своего общества и старательно не глядя в стекло, чтобы не видеть отражений.

Нить? Обрыв? Привязка?

Страхнул с рук невидимого паучка.

За работу.

Такси нашлось рядом. За рулём — женщина. Лет сорока. Вежливо, но без услужливости помогла сесть, попросила пристегнуться. Молчала всю дорогу. Под конец поездки протянула крохотную визитку с телефоном. Вызов такси в любое время.

Должностное нарушение, но как ещё заработать.

Улыбнуться, кивнуть, оплатить по счётчику. Пройти сотню ярдов до уже ожидающей девушки в брюках и строгом костюме, выглядывающем из-под пончо. Сверху была маленькая, скорее, декоративная шляпка, уместная на ней сейчас не более, чем на аптеке. Сумасшедшее сочетание.

«Тебе впору», — тут же не преминуло отметить подсознание.

— При солнечном свете вы ещё импозантнее, Алекс. — Вместо приветствия, с милой открытой улыбкой.

— А как же известная поговорка, что мужчине достаточно быть чуть красивее обезьяны?

— С которой он живёт? — продолжила Мари-Хелен невинным голосом и лукавой усмешкой.

— Вы невозможны. — Я почти смеялся. Зверь присматривал за мной.

— И всё?

— И очаровательны.

— Будем считать, что я и не сердилась. — Она спохватилась. — С чего начнём?

— Даже не знаю. Вон то большое здание. Давайте к нему подойдём?

— М-м-м, если я правильно помню, это — Форин-офис. И хоть он и чуть дальше — но удобнее будет от него начать осмотр, вы правы. — Девушка держала включённый телефон с картой города.

— Тогда убирайте смартфон и пойдём. А то сейчас замёрзнем, проголодаемся и половины не посмотрим.

11.07 по Гринвичу. Уайтхолл.

На пункте досмотра пришлось поднять обе штанины, и Мари-Хелен жадно вперила взгляд в левую ногу, удовлетворяя инстинктивное любопытство врача. Констеблей осмотр удовлетворил, и под наше «мы понимаем, служба», они чуть приосанились, кивая нам и давая пройти.

Снова было людно. Не толпа на Красной площади на Новый год, но броуновское движение заставляло крутить головой по сторонам и стараться разойтись бортами, как пароходам.

Девушка держала меня под руку, в глазах было что-то, чему я не мог найти названия.

— Скажите, Алекс. — Она набралась сил, чтобы продолжить. — А у вас никогда не было ощущения, что вы живёте не свою жизнь? Ну или не всю жизнь, а день или два?

— Станный вопрос. Но иногда бывает, что ощущаю себя не в своей тарелке.

— Нет, я не об этом. Я о том, что вы делаете что-то, что вам не свойственно. Реагируете не так. — Мари-Хелен задумалась. — Вот вчера, если честно, я даже не знаю, почему всё пошло так, как пошло.

— Вам просто хотелось заполнить душевную пустоту, а я оказался рядом. Такой...

— Нет. Я — врач. Я не восторженная дурочка, не экзальтированная барышня викторианской эпохи. — Она всё так же держалась за мою руку, но хватка становилась сильнее. — Я прекрасно знаю, как врут и манипулируют пациенты, пытаюсь выпросить дозу таблеток. Я играю в подковёрные игры, чтобы получить право на практику на год раньше однокурсников.

— И ваша бабушка...

— Бабушка не знает обо мне и половины. Она любит меня, старается держать при себе и управлять мною, но она не понимает, что её методы не работают. Я могу быть жёсткой циничной сукой. — Девушка усмехнулась, в ответ на мой резкий взгляд на неё. — Но вчера... вчера я просто растаяла. Ваши ноги, ваши цветы, еда, то, как вы поставили Магду на место...

Я вздрогнул, и она рассмеялась.

— Ваш «шёпот» слышали, наверное, даже соседи. Но я вообще не понимаю себя. И, знаете, Алекс, — она посильнее прижалась ко мне. — Я боюсь.

— Чего?

— Вы слышали о чудовищном происшествии с Эстерхази?

— Да. Видел ролик и даже пересматривал. Это воистину ужасно. — Я на несколько секунд остановился, заглядывая ей в глаза. — Вы хотите задать вопрос, не управляю ли я вашим сознанием?

— ...

Она выдержала взгляд, вернув его мне кратно. Затем прервала молчание.

— Да.

— Нет. И я могу сказать, что чёрной ненавистью ненавижу тех, кто лишает людей воли. — Я замолчал. Увидел, что она готовится что-то сказать и забил гвоздь окончательно. — Человек может быть сколько угодно поломан физически, но пока у него остаётся воля, он — Человек. И отобрать эту «самость» — высшее преступление.

Она закрыла рот. Приложила усилие к моей руке, чтобы заставить тронуться дальше.

— Я вам верю. Я знаю, что я буду жалеть, но я вам верю.

— Я могу только сказать вам спасибо.

— Не говорите ничего, Алекс. Пусть лучше будет как вчера, а не как сегодня.

Зверь, которого не удерживали такие условности, уже переходил в боевой режим. Его тянуло к казённому дому. Туда, где находились те, кто разработал операцию. Те, кто сегодня должен перестать быть, чтобы мир понял, что Новый Чудный Мир может начать своё пришествие из любого места на Земле.

Мы шли следом. После разговора голова звенела как чугунный колокол. Я понимал, что столкнулся с женщиной, которая запнулась на том, что знает себя не так хорошо, как декларировала.

Мозголомы здесь ни при чём. Просто вчера я попал в образ ожидаемого мужчины. Как Гоша в ожидания героини «Москва слезам не верит». И в другой жизни, на другой Земле, это было бы знаком «Чего же тебе еще надо, собака?» А здесь и сейчас...

Здесь и сейчас просто порождало меметическое мышление и ассоциативные ряды.

— Я вас обидела, Алекс?

— Нет, ни в коем разе. Я просто думал о том, что и как было вчера. И тоже не могу себя понять до конца.

Её ехидством можно было резать масло. Острое, горячее.

— Да вы что? Какая неожиданность.

— Вам не идёт, Мари-Хелен. Я тоже неглупый человек, и я прекрасно понимал из разговора в самолёте, что Магда просто хочет либо отвлечь вас мной от того, что она надумала про ваши прошлые отношения, либо заинтересовать вас. Я, знаете ли, — тут я не соврал, вспомнив Настины попытки, — неоднократно был под такими вот манипуляциями с матримониальным подтекстом.

— Но цветы заказали.

— В детстве и юности мне вбили в голову, что в гости к даме без цветов нельзя.

— Сексизм!

— Нет. Вежливость и напоминание, что мужчина должен быть мужчиной.

— Ладно. Но вы же не будете врать, что вам вдруг, непонятно для себя, захотелось не просто быть мужчиной, а стать моим мужчиной.

— Не буду.

Я понял, что на этот ответ она не рассчитывала. Она надеялась, что я буду опровергать, она протестовать, а затем она сможет сдаться. С честью для себя.

— Я хочу быть своим собственным. И хочу, чтобы моя избранница была тоже своя собственная. Но мы с ней оба хотели эту самую собственность отдать на хранение друг другу. Не в управление, не на переделку. А на бережное хранение.

Мари-Хелен вцепилась в мою руку. Только что не повисла на ней. Несколько шагов она шла со мной как будто после нокаута.

— Алекс, вы — страшный человек. — Она кашлянула, прочищая горло. — Вы настолько умело выворачиваете человека наизнанку. А ему хочется, чтобы это произошло снова... Я боюсь вас. И... восхищаюсь вами.

— Не нужно. Я простой мужчина, который успел насмотреться и пережить всякого. Примерно столько, чтобы заставить себя измениться и научиться видеть мир таким, какой он есть.

— Научите меня? — Она знала, что вопрос останется без ответа, но не могла его не задать.

Я только повернул её и прижал к себе.

В том числе для того, чтобы она не видела моих глаз, которые сейчас сопровождали Зверя, рвущегося к окну, которое рябило от избытка нитей, удерживаемых в руках тех, кто управлял мозголомами.

11.26 по Гринвичу. Уайтхолл.

Она гладила мою спину, шепча какие-то несуразности. Я удерживал её от желания вернуться и держался за неё, потому что в моём сознании уже проявлялся второй слой. На этот раз резче и болезненней.

Я вздрогнул, чем заставил её прижаться головой к моей. Слышу её частое дыхание, и одновременно крики людей в кабинете... нет, в какой-то общей комнате, наполненной терпкими запахами мужского пота, прогорклого кофе и месяцами немойтой микроволновки.

— ...кто-нибудь, позвоните премьер-министру. Он же в списке...

— ...русские не решатся, это — нонсенс...

— Как передаёт наш корреспондент с места происшествия, из-за бронированной двери спасатели не могут попасть в кабинет управляющего фондом. На звонки он не отвечает...

— ...а вы чего сюда припёрлись? Вы же в списке!

— А где нам быть? Нам что, сидеть в кабинете и дрожа-а-а-а... Мать Божья... Это как?! Нет-нет-не-е-е-ет...

— Не подходи. Не подходи... У меня кофе... — запах аммиака и меркаптана вторгается в ноздри... На губах и языке шестой раз за день возникает металлический солоноватый вкус.

Сзади ещё слышен голос.

— Куда он делся? Звоните... — За двойным стеклопакетом его уже не разобрать.

Нитей не становится много меньше. Они меняют узор, перераспределяются в другие руки. Но кто-то подумает дважды и трижды, прежде чем принять эстафету.

Я обнаруживаю себя обмякшим, с головой на плече Мари-Хелен, упёршимся в трость, которая сейчас вот-вот сломается под тяжестью моего веса.

— Алекс, что с тобой? Ты весь в испарине, навалился на меня.

— Нога... — первое, что пришло на ум.

— Что нога?

— Внутри... Осколок... Не вытащили... Поворачивается... Нерв... Больно, как в аду.

Девушка схватилась за мои плечи. Затрясла.

— Таблетки? Массаж? Алекс, не молчи!

— Ничего. Сейчас... сейчас отойдёт. Уже пришёл в себя... лучше. — Я скосил глаза на свои руки. Чёрные линии пульсировали. Не в такт биению сердца, сами по себе, немного продлевая узор и пытаясь подползти к основанию пальцев.

— И часто тебя так? — Она гладила меня по руке, глядя в глаза, пытаясь обнаружить предвестники нового приступа.

— Редко, чтобы каждый раз как новый, и чаще, чем хотелось бы.

Теперь уже она сама без моей «помощи» обняла меня обеими руками, и я чувствовал биение её сердца, которому вся наша одежда не была преградой.

11.31 по Гринвичу. Уайтхолл.

К сожалению, это не мешало сознанию считать партию дальше. То, что должно было произойти в закрытом кабинете с этими тремя, превратилось в отвратительный фарс на публике. И последствия должны проявиться в ближайшие минуты.

Взревела сирена, распугивая голубей.

Или секунды. Металлический голос требовал не волноваться...

«Отличный повод для паники», — мерзко прихихикнуло подсознание.

...сохранять самообладание...

«...да, пугай меня полностью...»

...двигаться в сторону ближайшего пункта досмотра...

«...лучшего способа организовать беспорядок и придумать не могли...»

...всех врачей и лиц с медицинским образованием, подойти к центральному входу...

«...а вот это — отличный способ немножко переключить режим работы...»

— Алекс, что происходит? — Мари-Хелен оторвалась от меня, удерживая, впрочем, одну руку на спине.

Влажные глаза пытались стряхнуть предательские капли слёз.

— Ничего не понимаю. Ты пойдёшь?

— Я — врач. Алекс, я — обязана. — Она разрывалась, не в силах принять решение, но я понимал, что любой из вариантов будет болезненным.

Одна её часть просила удержать. Вторая обещала кары египетские.

Я вздохнул.

— Ты — травматолог. Если кто-то и сможет чем-то кому-то помочь, то... — я не договорил. Дал ей возможность закончить за меня и подчиниться самой себе.

Выбор без выбора.

— Я позвоню? — она уже уходила, вопрос не нуждался в ответе, но я крикнул вслед, чтобы обернулись люди.

— Обязательно!

Она стала на пару дюймов выше ростом. Чутьочку стройнее и свободнее в движениях.
«...да будет анафема проклят...» — завершил вместо Зверя вчерашнюю фразу внутренний голос.

Впереди раздался скрип ворот, которые давно не открывали. Казначейство.

Влившись в общий поток, я шёл, перебирая ярды тростью. Обгоняя, толкаясь, уворачиваясь от попыток толкнуть и наступить на ногу. Паники пока не было, но только потому, что общая очередь на выход ещё не сформировалась.

Охрана не додумалась убрать барьеры и сейчас её будет ждать неприятный сюрприз.

Скрип продолжался.

Я косил глаза и увидел, что створки раскрываются очень медленно, как будто степенно, с аристократическим достоинством.

Результат автоматизации. Два гвардейца бы открыли их в секунду, а электродвигателю не прикажешь.

Внутри, за воротами, подсвечивая створки, рычал лимузин. Водитель нетерпеливо газовал, чтобы удерживать двигатель на высоких оборотах и затем сорваться.

Куда? Здесь же полно людей. Он же не впишется...

Как назло, основная группа эвакуирующихся компоновалась именно напротив ворот. Люди, немного растеряв страх, как замороженные смотрели на лимузин, на створки, не понимая, что сейчас они послужат кеглями в этом сумасшедшем боулинге.

Зверь с тоской смотрел мне в глаза. Он чувствовал моё состояние. Мои страхи и тревоги. Понимал, что я могу не выдержать.

В голову пришла мысль. Влившись в толпу, я специально затолкал себя поглубже. Так, чтобы испытывать неиллюзорный дискомфорт от чьей-то шляпы, полями тычущейся спереди в лицо. От телефона подростка, который он вдавил мне в спину. От изящной вроде бы сумочки, которая подбила трость так, как будто в ней лежала пудовая гиря.

11.36 по Гринвичу. Уайтхолл.

Я закрыл глаза, сливаясь сознанием со Зверем. Переход дался легко. Я растворился в запахах и эмоциях. Страх. Страх. Страх. Бравада...

Овеществить себя, сбивая с ног коротышку, который тянется с лезвием к женской сумке.

Визг, бьющий по ушам сзади. Свобода. Запах пыли. И запах горячего металла. Места, где делают деньги. Неважно, в прямом или фигуральном смысле.

Я подивился, что ещё осознаю различия этих слов, но тут же провалился в ощущение смертоносного зверя передо мной. Сильный, ревущий, поглощающий результат труда тысяч людей и испражняющийся вонью, дымом и копотью.

Несущий в себе четыре страха, один из которых держит вожжи и стрекало и заставляет зверя топтаться перед прыжком, набирая злость.

Второй — готов выпустить на волю сотни маленьких смертей, пахнущих огнём и металлической смазкой.

И ещё два. Те страхи, которые должны внушать, а не внушаться. Жалкие сейчас, ждущие того, что произойдёт. Готовые на всё.

Железная клетка, удерживающая зверя, раскрывается. Сейчас он рванёт на волю, и люди, виновные только в том, что оказались не на месте, будут им пожраны. А остальных, которых не сможет порвать зверь, прикончит удерживающий смерть на поводке.

Или нет?

Или можно иначе?..

Чужая воля стучалась в сознание, которое отвергало предложенный вариант. Это чужие. Они никогда не станут своими.

Нет. Nein.

Чуждое слово сломало оборону. Оно пришло изнутри, с образом нелепой старушки. Тоже чужой. Чужой?..

Чужая стая. Чужая... Но я уже чувствовал, что нельзя. Что стая на стаю — можно, нужно, до последнего... А так — нет...

Порвать зверю жилу. Ту, что несёт кровь. Мерзкий запах. Запах смерти, питающей нежизнь, чтобы чуждое могло двигаться. Поток дряни, от которой так тяжело уклониться здесь, во чреве зверя.

Чудовище чихнуло и издохло.

Страх внутри тщетно колот своего зверя, пытаясь его поднять с колен. Искра со стрекала, почти не унимаясь, била в переставшее стучать сердце.

Два страха на заднем сиденье что-то кричали, заглушая друг друга.

Поздно.

Дурная кровь. Мерзкий вкус. Вонь от десятков маленьких смертей, которые гонятся за серой тенью и вонзаются в уже остывающие тела тех, кого должны были защищать...

Металлический лязг. Безумный вой сошедшего с ума страха...

Пора уходить.

Здесь нет ничего, достойного внимания.

11.38 по Гринвичу. Уайтхолл.

Я не ошибся, поручив себя толпе. Моё обмякшее на минуту или полторы тело вынес живой поток тех, кто так и не понял, на каком краю они стояли.

«Livin' on the edge. You can't help yourself from fall...»

А вот хрен тебе подсознание! Не себя, так кого-то.

«Да-да, ubi et orbi... манию величия по описи сдайте только...» — больно. Но, наверное, так лучше. Ближе к реальности.

Я остановился на миг. Обернулся на суетящихся вокруг лимузина людей. Почувствовал на губах незнакомое ощущение. Приложил платок, и, отняв его, понял, что растекается бензин и машинное масло.

Вариантов вернуться к Адмиралтейству и к резиденции премьера я не видел. Даже обойди я правительственный квартал, внутрь уже не попаду, а на такое расстояние Зверь не уйдёт.

Я посмотрел на шагающую слева мохнатую фигуру. Он обернулся ко мне. Моргнул дважды и продолжил путь, напоследок скосив глаза в сторону министерства иностранных дел. Напомнив мне о той, кто вошла в тяжёлые дубовые двери.

Зачем ты это сделал, дружище?

Хотелось завить.

Глава 8. Декабрь 2017. Лондон

Новостные и аналитические сайты захлёбывались восторгом. Репортёры, журналисты, аналитики всех мастей и категорий свежести. Телевизор, на какую программу не переключи, трещал только об одном.

Казалось, что если бы «Улица Сезам» не закончилась, то и в ней бы транслировалась повестка дня. Смаковалось всё. Порядок фамилий при вынесении приговора. Порядок при исполнении. Кто, что, как...

Сотни говорящих голов удерживали внимание на себе. Возможность погреться в лучах чужой славы, крики «Заметьте меня! Возьмите в обойму! Я тоже умею торговать лицом и языком...»

Было противно.

Нет. Не так. Было противно до тошноты.

Особенно в ожидании звонка от Мари-Хелен.

Нет, я не сидел в тишине, вперив взгляд в телефон. Я пытался вычислить, что сделают с оставшимися тремя фигурами. Телевизор и новостные, аналитические сайты должны были послужить подспорьем, где могла промелькнуть неотцензуренная капля информации. Либо что-то из разряда дезы, на которой меня захотят поймать.

Ничего.

Глухо, как в могиле. Всё, что вышло из-под топора цензора, было настолько стерильно, что хоть на рану накладывай.

Нет, для обывателя — в самый раз, чтобы прям по классике: «Ты рассказал мне просто правду, а я ужасную хочу...» Ужасов было выше крыши. Кровь, замазанные лица, новоявленные судмедэксперты, с умным видом показывающие на выкупленных на пять лет вперёд манекенах, как рвались горла. Впечатления коронёров, которые на камеру держались на ногах только при виде нашатыря.

Рождественное шоу.

И ничего полезного. Миссия превращалась в невыполненную.

Резкая трель заставила подкинуться к смартфону. Он оставался недвижим. Это звонил внутренний телефон.

Снимал трубку так, как разминируют бомбу. С таким же колотящимся сердцем.

— Герр Алекс? Вас здесь очень желает видеть юный джентльмен. Говорит, есть сообщение, лично вам.

— Попросите подождать, я сейчас спущусь.

Я не раздевался, только снял плащ, пиджак и жилет, поэтому в холл вышел практически сразу. Скучающий паренёк лет одиннадцати, в кепке-восьмиклинке, натянутой почти на глаза, сразу подбежал ко мне.

— Тебя Георг на стаканчик виски приглашает. — Он громким шёпотом выпалил мне в ухо фразу со скорострельностью пулемёта и выбежал на улицу, заставив проводить его задумчивым взглядом.

Это была новость. Я понимал, что хозяин паба — не простой обыватель. Типы, подобные Кэрраку и Эвану просто так старшинство над собой не признают. А чего стоит фраза «Свои», которая была брошена как будто собаке, разбредавшейся в сторону дорогого гостя.

Не идти было нельзя. Приглашения такого рода не игнорируются. Даже если у тебя есть дела. Тем более, если у тебя есть дела.

В номере я оделся. Проверил: не утратил ли я косу? Пламя? Тонкие линии снова замерцали на руках. Нужно с ними будет что-то делать.

Телевизор по-прежнему молот какую-то чушь, в которой не было ни грана нужного. Взяв с вешалки плащ, я вышел за порог.

Первая половина пути — почти бегом. И только потом пришло в голову, что вряд ли мальчишку отправили одного. Нужно было поглядывать по сторонам.

Но сейчас уже поздно. Здесь уже его территория. Кем бы он ни был.

Около паба никого не было. На двери таблички «закрыто» тоже не наблюдалось, однако, когда я подошёл к ней вплотную, щёлкнул какой-то механизм.

Вот, значит, как? Интересно... и практично.

Я открыл дверь. Полутёмный зал внизу был неудобен для осмотра сверху с освещённой улицы. Но Георг за барной стойкой сидел с сигаретой и пепельницей перед собой.

Щелчок за моей спиной на третьем шаге уверил меня, что просто не будет.

Внутренние контуры помещения проступили явственно. Пара — Эван и его подруга сидели в глубине. Здоровяк мазнул по мне взглядом, вернулся к стакану. Женщина кивнула, тряхнув гривой.

«Лошадка» — невпопад пронеслось в сознании.

Трое незнакомых мужчин, сидевших сбоку, были одеты... одеты как я в Сити. Лица — хоть сейчас на стенд «Их никто не ищет, кто они — бог весть».

Четвёрка уже знакомых мне местных обитателей. Кэррах и компания. Пристальные взгляды, хруст пальцев. Чуть неровный стук стаканов о стол.

Я стукнул тростью о пол последний раз, остановившись в шаге за спиной Георга. Только успел подумать, стоит ли начинать первым, но он разрешил мой внутренний спор.

Погасив недокуренную сигарету в пепельнице, мужчина развернулся и встал во весь рост.

Окинув меня снизу доверху медленным, нарочито раздражающим движением, он неестественно широко раскинул руки и, стоя на месте, пробросил:

— Алекс, мальчик мой. Ты даже не представляешь, как мы тебя заждались. Ребята очень распереживались, когда встретили тебя в Уайтхолле. Такая давка — ужас просто. — Георг переигрывал. Крёстный отец из него получался на Станиславское «не верю». Но спектакль был не только для меня. Кэррах всохотнул, Эван злорадно улыбнулся... — А тут ещё и ты.

Он смахнул отсутствующую слезу.

— Я даже переспросил ребят, тот ли это Алекс, который пошутил у меня в пабе, и я его за это угостил виски из чуланчика? Кэррах, ты не помнишь, сколько раз я кого-то угощал этим виски?

— Ни разу, Георг.

— Да ты что? Эван, а я про кого-нибудь говорил «свои» на вторую встречу?

— Никогда, босс. — А вот это «босс» резануло слух. Слово было неживым. Эван не привык его говорить.

Я напрягся. Слишком много фальши. Театр одного актёра — это норма, а вот когда он превращается в самодеятельность — жди беды.

— Представляешь, Алекс. Ты — такой уникальный, и скрываешь от старого Георга поход в Уайтхолл в такой интересный день. Я даже не знал, что думать. — Его голос был медоточив, но в нём вторым слоем лился дёготь. Демонстративно. — А тут ещё новости по телевизору подоспели. И я вообще перепугался.

Со своего места подал голос Кэррах.

— А уж как я перепугался, когда принёс новости о твоём переодевании, а Георг рассердился на меня, что быть такого не может.

— Ну что ты из меня какого-то злодея делаешь? Кэррах. Мы же с тобой сколько лет знакомы. Неужели я бы мог тебя наказать?

— Конечно, Георг.

— Правильный ответ. Я могу наказать любого. — Нарочитое притворство смело одним порывом невидимого ветра.

Я приподнял трость и поставил точку о пол.

— И за это стоит выпить. Наливай, Георг.

Он застыл с открытым ртом и руками, не закончившими жеста.

— В этом весь Алекс! За это я его и люблю. — В голосе появилась суетливость. Столкнувшись с чем-то, чего он не понимает и не может просчитать, хозяин паба предпочёл отступить на полшага и пересобрать колоду.

— Никто никогда не мог упрекнуть старого Георга, что он нарушает законы гостеприимства. — Мизансцена фонила фальшью и лёгким запахом страха, но ломать её мне было невыгодно. Босс или нет, но он — единственная точка входа в происходящее.

— Эван, Кэррах, возьмите стаканы. Жалко будет, если выветрится... или останется... — Внутренний Зверь-аналитик сделал стойку. Как виски может остаться в пабе? Что планируется?

Взгляд старого любителя джина был виноватым, чуть извиняющимся. Мол, не держи зла, парень, работа такая. Эван же смотрел с любопытством, с высоты своего роста, но с настороженностью. Его нарочитость не скрывала его интеллект, и я ощущал кипучую работу его сознания по вписыванию меня в картину мира.

Он попытался чуть толкнуть меня плечом, но я уже садился на барный стул, поэтому его действие ушло в пустоту. Женщина из глубины зала удовлетворённо кивнула как бы сама себе. Не сразу, а когда убедилась, что я посмотрел на неё.

«Что наша жизнь — игра...»

Георг поднял свой стакан, убедился, что все взяли свои.

— Ding-dong. Eight scumbags are gone.

Сидящие встали и выпили виски. Залпом. Я не стал играть в исключения.

Я поставил стакан на стойку. Тихо, почти неслышно.

— Ты хотел меня видеть.

— Не только он. — А это было непростительно.

Перенеся внимание на Георга, я упустил момент, когда женщина подошла к стойке.

— Вернее, хотела я.

— Кто ты?

— Неважно, как неважно, кто ты.

— Важно, что мы можем сделать друг для друга?

— А ты хорош. Я бы... — она тряхнула головой. — Неважно... да, неважно.

Как по мне, концентрация этого слова на единицу времени достигла сверхкритического значения, а значит, сейчас будет что-то...

Женщина пустила стакан по стойке. Показала два пальца, сложенные вместе.

Георг поймал и послушно кивнул, налил ещё и поставил рядом с ней.

— Не предлагаю. Тебе понадобится чистая голова.

— А тебе?

— А я буду здесь, координировать. — Женщина наклонила голову к левому плечу и, не дождавшись от меня вопроса, ухмыльнулась и добавила. — Мы возьмём ещё двоих на себя.

— Не много ли? — вопрос повис испуганной бабочкой.

— В самый раз. Тебе не достать. Твой — третий. Он скоро и так сохнет, но Ordnung ist Ordnung, не так ли... герр? — если бы сарказм был хлебом, мы бы накормили всю Галилею.

— А ты хороша. Но я бы...

— Я видела. Увози её. — Женщина взяла орешки из пододвинутого блюда. Со вкусом захрустела.

— Итак?

— Двое из вашего списка сейчас закрыты на военной базе. Ты не пройдёшь. — Она усмехнулась и развела руки в знаменитом жесте. — Я не знаю, что ты, но там ты не дотянешься.

— А вы?

— А мы — да.

— Там ваши люди?

— Много будешь знать, до смерти не доживёшь.

— И что я буду должен?

— Ничего. Выжить и убраться.

— А третий?

— Адрес мы дадим. Он не будет скрываться. — Она поморщилась, признавая достоинство противника. — Ему осталось немного, он знает это.

— Кто вы? — женщина уже приготовилась дать отповедь, но я не дал вставить слова. — Не по именам или по названию... Я по стишке уже понял, что ваша родня носила плакаты «witch is gone». Шахтёры, докеры, судостроители?

Женщина потянулась ко мне и впиалась поцелуем. Это не было пьяным порывом. Это шло откуда-то из глубины. Это... это как Брежнев и Хонекер...

Когда она оторвалась, на глазах были слёзы.

— Ты будешь нас помнить?

— Да. Я обещал.

— Я верю тебе, Алекс. — Она потянулась в карман, достала листок с адресом. — А теперь уходи. Уходи, пока я не передумала.

Наверху щёлкнул механизм замка.

Я поднялся на две ступеньки. Окинул паб последний раз. Георг погрозил мне кулаком, пока женщина, наклонившаяся над стойкой, уронив голову на руки, не повернулась.

Закрыл дверь за собой.

День на улице, казалось, не прибавил и шагу.

Телефон казался умершим. Ни сообщения, ни звонка. Где-то в груди разгоралось горячим. Простуда или нервы?

Адрес ничего не говорил. Ну разве только отсутствие номера квартиры позволяло сделать вывод, что это не многоэтажка, а что-то более подходящее человеку, стоявшему третьим в списке.

Такси, кружившее по городу больше получаса, отпустил за полтора квартала. Тихий, пасторальный район. По правую руку тянулся английский парк.

Хмыкнул про себя, довелось-таки увидеть оригинал с тщательно рассчитанным хаосом внутри. По левую — небольшие дома. Не особняки по акру площадью, но и не безликие «шесть на шесть» в два этажа. Мой костюм, трость и плащ смотрелись здесь органично. Естественно.

«В плепорцию», — вспомнилось слово из русской классики.

Искомый дом стоял в середине квартала. Почти прямо напротив входа в парк, превращавшегося в каменную дорожку, отторгавшую от себя тонкие тропки по обе стороны. Внутри уже горели фонари, стояли лавочки. Видны были спины людей.

Я сверил адрес.

Да, здесь. Ошибки нет. Но тёмные окна совершенно беззаботно смеялись надо мной.

«Пришёл, увидел и ушёл...»

Может быть, ушёл куда. Из досье я знал, что объекту уже семьдесят три года, овдовел пятнадцать лет назад, больше не женился. Сын. Внук. Живут раздельно.

За закрытыми глазами как на экране в кинотеатре представало лицо эдакого доброго дедушки, чем-то смахивающего на покойного сэра Терри. Узнать несложно. Спутать — и того проще. Но за ним — острый ум, десятилетия службы и бессменное руководство аппаратом премьера.

Министры менялись, он — оставался.

Это Враг. Достойный. Требующий уважения.

Тот, о ком говорят: «друг предаст, враг — никогда».

И мне нужно было не дать ему «уйти». Не *coup de grace*, а именно наказание.

«Щоб знали...» — прорезались в подсознании кубанские корни, которые сейчас были убийственно точны.

Дождаться у моря погоды я смысла не видел, а потому пошёл в парк, стараясь не терять пустые глазницы окон из виду. Загорится свет — будет заметно.

Облетевшие деревья, вечнозелёная зелёная изгородь, влажная брусчатка. Здесь, наверное, никто не гоняет на роликах, скейтах или велосипедах. Это парк для подумать, погулять, помолчать. Наверное, кто-то когда-то разбил его для своей семьи.

Может быть, даже предки сегодняшнего фигуранта.

Я задумался, считая тростью бульжники брусчатки и едва не пропустил большой перекрёсток, в правую ветку которого Зверь сделал стойку.

В смешанном свете фонарей, закатного солнца — в кои-то веки разогнавшего тучи — и полутени, образованной деревьями, с мячом бегал мальчишка. Маленький. Едва ли старше десяти лет, если я отсюда правильно видел.

Вжавшийся в лавочку меж двух фонарей, тёмный силуэт присматривал за ним. Или просто наслаждался обществом.

Наверное, когда судьба за тебя выбрасывает дубли шестёрок, нужно наслаждаться. Но я так не умел, всё время ожидая «глаза бога». Но сейчас не стоило напоминать Леди Удаче о её непостоянстве.

«Вот и не напоминай», — прошелестел в подсознании чей-то голос и передо мной на миг моргнул образ девушки с зелёными глазами.

Страхнув наваждение, я повернул направо. Чуть больше полусотни шагов. Не бог весть какая дистанция, но каждый последующий прибавлял по фунту на ногу.

Уже отчётливо была видна старческая фигура с белыми волосами из-под кепки, и белой же бородой, контрастом высветлявшей лицо над тёмным, почти чёрным пальто. Уже он повернул голову, чтобы сквозь очки разглядеть приближающуюся фигуру.

Уже стучит в голове кровь, оценивая обстановку вокруг. Уже мальчишка бьёт по мячу, который вращаясь, должен облететь был вокруг меня, заставляя проследить взглядом. Такой нелепый дядька, такой удачный удар.

Я действительно вращаю головой, но успеваю тростью стукнуть мяч, который меняет траекторию и отскакивает к лавочке, оставшейся позади.

Хохот, топот по брусчатке.

Рычание Зверя, который раньше меня понимает, что я не могу оставить мальчика рядом с пустой оболочкой. Он становится передо мной и машет головой слева направо. Медленно, я успеваю посчитать до трёх. Затем обратно... До пяти.

Я смотрю в его глаза, неслышно выговаривая, что не офигел ли он — из меня монстра делать. Он чуть пятится, виновато пряча глаза, но тут же резко вскакивает и как пойнтер, смотрит куда-то на восток.

А меня захватывает ощущение смертельной стужи.

Едва шевеля ногами, я добредаю до лавочки и падаю в её гостеприимные объятия. Холодное влажное дерево заставляет тело сильнее ощутить леденящее чужеродное дыхание.

Руки, пронизанные чёрными стигматами, наполняются льдисто-белым. Медленно. От основания пальцев. Как будто кто-то превратил их в анти-нагреватель, заставляя отнимать тепло.

Сердце стучит, пока ещё в ритме фокстрота, пытаюсь ускориться, изгнать белых захватчиков, но кровь, касаясь чёрно-белого рисунка, остывает, замедляется и вступает в ряды врага, предавая себя.

Зверь запрыгивает на колени. Откуда-то, как из-под воды доносится голос:

— Дедушка, смотри...

Я ощущаю льдинки, вернее, их тени... но много ли надо, уже выше локтей, когда Зверь начинает вращаться в меня. Или это у меня прорастает шерсть...

Звериное борется с чуждым, затем челюсти разжимаются чьей-то злой... доброй... чужой волей, и в рот плещет глоток коньяка, обжигая гортань и корень языка.

Мой утробный кашель вместо спасибо выталкивает меня из чуждого состояния. Я ещё ощущаю происходящее, но оно где-то там, а я где-то здесь. Где?

Скамейка. Трость в руке. Лицо. Не услужливое, не отстранённое. В нём забота и страх. Почти поровну. Ещё... благодарность?..

Мальчик теряет интерес, бежит за мячом. Ему наперерез бросается серая тень с него ростом. Толкает мяч, катящийся к ногам. Смех. Запах счастья поверх мокрого камня.

— Что с вами было? — тихий голос, чуть скрипучий, чуть тяжёлый. Видимо, у собеседника что-то с сердцем.

— Откат. — Как будто это что-то должно объяснить.

— Вы применяли магию? — мужчина понял всё мгновенно.

Я медленно качаю головой. Мне невозможно объяснить ему на пальцах сгорающую девушку, которая давит абсолютным ничто моего брата, пришедшего украсть её у меня. Не мою девушку. Но ту, что мне доверяла. Доверяет.

— Не я, очень близкий человек. С таким же, — я показываю контуры на руках, которые ещё хранят воспоминания об атаке, — рисунком.

— Она ваша избранница?

— Нет. Судьба. Её шутка. Или насмешка. Или всё вместе... и ничего.

Старик смотрит вперёд. Его тело облокотилось на колени. Он смотрит за мальчиком. За Зверем.

— Это он?

— Что он?

— Сегодня.

— Он. И я.

Он поворачивается, смотрит в глаза, не отводя взгляда.

— Спасибо.

— Не благодарите. Я бы не смог — так.

— Я не о себе. Я о машине.

— Вы знаете?

— Понял. — Он пошамкал губами. Выглядело смешно, если не знать, кто перед тобой. — Я очень долго живу на свете.

Мы молчали. Одно молчание на двоих. Такое настоящее. Которым можно молчать только с тем, кого ты провожаешь.

— Вы дождётесь? Скоро должен подъехать сын, забрать Тимоти.

— Вы живёте не вместе?

— Он меня не понимает. Не принимает моей работы. — Старик вздохнул. — Мы почти не разговариваем. Иногда смс с просьбой взять внука на несколько часов. Пока Дайана была жива... — он откинулся на спинку скамейки, — она гасила конфликт, старалась сгладить углы.

— Сын непохож на вас?

— Патрик всегда был нонконформистом. Он заставил меня отказаться от идеи частной школы, поступил на какую-то, прости господи, специальность, которую я и не выговорю. Но мы вовремя поняли, что это его жизнь.

— А почему...

— Когда Дайана... ушла, он замкнулся. А я работал. Помните, может, кризис пятнадцатилетней давности. Я был в работе. С головой. А у Патрика был развод. Я дал ему лучшего адвоката, а он отказался и отдал ей всё.

— Месть?

— Нет, просто не мог иначе. Я его понял. А он меня — нет.

Очередной виток молчания, который прервался криком мальчика.

— Папа!

Тимоти подбежал к деду, быстро поцеловал его в щёку. Схватил мяч и рванул к фигуре, стоявшей меж двух фонарей. Мне было плохо видно, но казалось, что я поймал ревность, сквозившую в позе незнакомца.

— Он не подойдёт. Не бойтесь. А Тимоти... мальчик наверняка запомнит вашего фамильяра. И ему никто не поверит.

Я соглашался со словами старика, который смирился с тем, что уйдёт не в окружении родных, а по воле чужого человека.

— Вы спешите?

— Наверное, нет.

— Вы побудете ещё немного рядом? Мне, если честно, ужасно не хватает умного независимого собеседника.

— А работа?

Он задумался, а потом махнул рукой.

— Скажите, а вы никогда не задумывались, что ваша работа — она, по большому счёту, и не нужна?

— Где вы были раньше, молодой человек?

— Тогда почему? Зачем?

— Инерция. Британия — это курица, или, я бы сказал — страус, которому срубили голову. Он ещё не понял этого, но бежит, заливая кровью всё, до чего дотянется. Ноги ещё сильные, пинок может убить мелкую зверушку. Упадёт — придавит не одного обитателя саванны.

— И?..

— И мы, кто поумнее, стараемся сделать так, чтобы страус успел добежать туда, где упав, он не наворотит дел. Где за тушку не будут драться шакалы. Где вылившаяся кровь не затопит какие-нибудь муравейники.

— Благородно. Но ведь можно это делать менее жёстко.

— Можно. Но тогда все поймут, что страус уже без головы.

Он заставил меня задуматься. Большая Игра его словами представлялась гораздо более сложной смесью всего, чего угодно, где правила рисуются на ходу, у каждого в рукавах запасные ферзи и джокеры, а при необходимости джентльмены не гнушаются надеть доску на голову.

— Тут ещё такая вещь, молодой человек. Империя — это не просто слова, границы, права и обязанности. Империя — это образ мысли. И то, что ты — в Империи означает то, что Империя — тоже в тебе.

Он радовался как ребёнок, что ему есть с кем поделиться теми вещами, которые говорят раз в жизни.

— Сначала нам вбивают Империю. Вколачивают имперское мышление. Изю всех сил. А затем показывают разницу. Нет, конечно, разницу показывают не на Советском Союзе эпохи Сталина, а, например, на каких-нибудь африканских странах времён постколониализма.

Я хмыкнул.

— Не смейтесь. Вы хоть Либерию возьмите. Отличный пример. И антипример. — Старик замолчал. Он снял кепку, зачем-то выбил её об колено и снова надел. — И тогда мы работаем. Мы очень хорошо работаем. Кто-то начинает понимать годам к шестидесяти. Кто-то позже. Кто-то не успевает.

— Рельсы сняли, а паровоз летит?

— А вы поэт, юноша. — Он рассмеялся. — Именно так. Но никто из нас не может выйти из вагона. Империя — в нас. Страус вынужден бежать. Пока ему не поставят подножку.

— Как сегодня...

— Как сегодня. Я не знаю, молодой человек, к добру или к худу то, что вы делаете. Но скажу вам одно. Вы — делаете. А это само по себе стоит очень многого. Кстати, почему именно вы? Мне казалось, должен быть снайпер. Ну или яд на банкете. Не знаю.

— Вы не будете смеяться?

— Обещаю, что максимум улыбнусь. — Он был заинтересован.

— Я обещал помнить.

— Даже это ничтожество, которое было расстреляно собственным охранником?

— Даже того молодого да раннего, торговавшегося со Смертью.

— А ведь вы не лжёте. — Старик смотрел на меня с удивлением. — Вы, русские, всегда меня поражали. Наверное, к лучшему. Вы позволите мне уйти самому?

— Простите, сэр. При всём уважении.

— Тогда, давайте немного обманем систему. Вы дадите мне таблетку из отделения «Утро», а я её запью коньяком.

— Только из уважения к вашему самообладанию, сэр.

— И, если вам не сложно... подержите меня за руку. Я, наверное, всё-таки боюсь...

— Если вам так будет спокойнее.

— Какое хорошее слово. Спасибо, молодой человек.

— Прощайте.

Минуты полторы ничего не происходило, затем я почувствовал, как его пульс резко участился, остановился, снова рванул на короткие несколько секунд только чтобы оборваться на пике.

Голова старика откинулась назад, он успел только прохрипеть:

— Дай...

Зверь завыл.

Я не стал закрывать глаза деду мальчика по имени Тимоти. Его невидящий взгляд уже считал первые звёзды на небе.

Вибрацию телефона я почувствовал раньше, чем услышал звонок.

На экране в предательском мареве неуместных слёз танцевали два слова «Мари-Хелен»

Глава 9. Декабрь 2017. Лондон

— Алло. — Я старался, чтобы голос звучал спокойно-ожидающим, но волнение прорвалось в это короткое слово.

— И чем же таким ты занят, Алекс? — каждое слово звучало чужим тембром, тоном, манерой, несмотря на то, что голос, казалось, оставался тем же. — Когда Мы, — это слово всколыхнуло в душе что-то древнее, какой-то нутряной страх без понимания, — ждём.

— Кто ты? — я начал движение к центральной аллее.

— Мы. — Снова этот маркер идентификации. Снова волна дикого страха. — Не притворяйся. Ты уже всё понял. Только боишься признаться. Боишься себя. Нас. — Последние три слова прозвучали почти нормально, неуловимо отличаясь друг от друга.

Я на ходу крутил в голове, пытаюсь уловить, что не так, и понял. Понял по тому, что одно из слов было произнесено голосом Мари-Хелен.

В памяти всплыло имя. Ловчий Душ.

Глен Кук обладал шикарной фантазией, но сейчас это было реальностью. Мозголом добрался до той, кого я обещал беречь.

А голоса из динамиков продолжали глумиться.

— Ты знаешь, Алекс, твоя доктор — очень плохая девчонка. — Мне уже стал виден окончательно опустевший дом на выходе из парка. — Представляешь, она совсем не чувствует к Нам благодарности...

Я машинально ответил на манипуляцию.

— За что?.. — спохватился, поймал себя за язык.

Голоса переливались в хохоте.

— Ты такой глупый. Как и она. — Смех перешёл в кашель.

— Что ты сделал, мразь?! — Я старался не давать понять, насколько запыхался — атака через стигматы не прошла даром.

— Мы. — Голос злился. — Мы сделали.

— Ты только ломаешь. Ты не можешь делать. Максимум — способен криво повторить.

— Не серди Нас, Алекс. Ты Нам должен ноги целовать за вчерашний вечер. Не правда ли — милая рождественская история. — Голоса ломались, дёргались, сердились, но зерно сомнения упало в душу.

— Ты набиваешь себе цену, ничтожество. Если бы ты могло, ты бы атаковало меня ещё вчера. До...

Голоса опять засмеялись.

— Ты глуп и ограничен. Ты даже не можешь подумать, что это могло входить в планы... — мозголом заткнулся на несколько секунд и позволил мне поймать такси. Он услышал, как я говорю водителю адрес, и добавил, — хороший мальчик. Не придётся бегать. Нам бегать не по рангу. И не клади трубку, Алекс, Мы не хотим, чтобы тебе в голову пришли глупости, усложняющие Нам работу.

— Я тебя и без того уничтожу. Беги, беги не по рангу. — В душе заклокотала ненависть и Зверь боднул меня в бок, сбивая резкость. Мой голос перешёл на полусёпот. — Прячься, тварь, дрожи и ожидай возмездия. Ты и все подобные тебе — нарыв на теле общества, и я клянусь — я ваше племя под корень изведу.

— Ты сам себе-то веришь? — неожиданно спокойным голосом отозвался мозголом. — Несколько слов и ты уже поплыл. А что будет, когда Мы явим себя в силах тяжких? — голос набрал силу и сейчас воспринимался как бас под куполом церкви, несмотря на то, что оставался формально женским.

— Сдохнешь. Как и те, что сдохли раньше и сдохнут позже. — Я на миг закрыл глаза. Успокоился. По-настоящему. Решение принято. Цель определена. Остальное — неважно.

— Самонадеянность, мания величия, отсутствие критического мышления, — сыпали голоса, пытаюсь вывести меня из себя.

Но я уже знал. Впереди — то, за чем я прилетел сюда. То, что было в красной папке. Тот страх, который не должен существовать. Любой ценой.

Грохот лифта, прибывшего на этаж, казался оглушительным. Шесть шагов по кафелю, стуча тростью. Скрип дверей.

Хриплый, придушенный голос из глубины квартиры.

— Уходи! Ради всего свя... — голос обрывается тонким визгом, на грани возможностей связок.

— Плохая девчонка! Глупая девчонка! — Вживую эта какофония заёмных голосов заставляет разум искать тёмный уголок.

Закрыл дверь, по-хозяйски замкнул изнутри.

Что бы ни случилось — помешать не успеют.

Комната. Тот самый диван. В нём, развалившись, сидят мужчина, женщина и ребёнок. Мужчина и женщина держатся за руки.

Быстрый взгляд отмечает, как крепко они сдавили ладони. Белизна рядом с пальцами кажется мертвенной. Взгляд невольно возвращается к этим отметинам — нет, не ошибся. Под белизной — глубокие синяки, которые и придают этот оттенок.

Лица с натужным счастьем выглядят настолько противоестественно, что кажется, что это — инопланетяне, которые натянули кожу, не понимая цели.

По спине, избегая рубашки, катится капля пота.

У окна сидят на полу Магда и Мари-Хелен. Они не связаны, но я понимаю, что уйти им не позволят. Лицо девушки искажено внутренней болью, и это радует меня гораздо больше, чем если бы она была спокойной.

Зверь, проявивший себя, бросается к женщинам, но мужчина — Руан? — поднимает руку и хватает меня за запястье.

Ощущение тысячи лапок от места прикосновения переползает в мозг, и на миг потеряв самообладание от омерзения, я проваливаюсь в чужое сознание. В разделочный цех душ.

Успеваю подумать, что мне казалось, что главная — женщина.

Через секунду застываю, потерявшийся в том, что вижу.

Трон из кубиков. Огромный, массивный, как будто предназначенный, чтобы гасить приступы гнева, царит над большой зелёной поляной, странно переплетённой с большим круглым ковриком.

Точнее, из коврика растёт трава, цветы. Не настоящие, но и не искусственные. Результат представления о них того, кто никогда не понимал, что это такое.

По поляне разбросаны игрушки: разбитые машинки, животные, куклы. Все в неестественных позах.

Сознание упрямо отбрасывает то, что это куклы — слишком настоящие. Только нити от них уходят в чёрные небеса, в которых круглым блином прибит суррогат солнца.

То, от чего сознание отпихивается локтями — размеры. Лошадь — в натуральную величину, слонёнок — в два размера. Куклы... — разум постепенно вытесняет панику — люди, тоже настоящие. Мужчины, женщины, дети, забытые тем, кто ими играл.

Слепое пятно растворяется и наконец восприятие смиряется.

На троне восседает огромный ребёнок. Пятилетний дебил в четыре человеческих роста. На правую руку надет Руан, на левую — Кэрис. Из их рук тянутся чёрные нити, уходящие в основание трона.

— Scheisse. — Раздался голос сзади.

Я обернулся. Сюда затащило и Магду с Мари-Хелен. К счастью, они не стали игрушками, укрывшись за моей спиной.

«Они — часть моего Номоса?» — вопрос остался без ответа.

Существо на троне уже шевелило своими адскими перчатками, которые в свою очередь дирижировали руками с растопыренными пальцами.

Нити наливались огнём, как струны на гитаре сумасшедшего рок-музыканта. Искры терялись в основании трона и мгновение спустя срывались с «небес», оживляя перевёрнутые куклы.

Вот поднялась пара фехтовальщиков. Пара движений друг к другу, проверка самих себя... и раздражённый взмах на троне. Люди-куклы повернулись в нашу сторону. Пустые лица, наливающиеся радостью, что сейчас будет не очередной раунд пустого повторения, а что-то новое, что привнесёт в подобие жизни какой-то смысл.

Хотя бы на время убийства.

Шаг, другой, отрывистые движения, становящиеся всё плавней и аккуратней. Как будто предоставленные сами себе, они становятся более эффективными. А за их спинами поднимаются другие.

Констебль с разбитым в кровь лицом снимает с пояса дубинку, юноша с плакатом, на котором написано неведь что, отрывает хрупкую рамку, чтобы освободить палку, к которой она прибита. Женщина в арафатке вынимает из кармана ножницы, два паренька-студента надевают кастеты.

А искры сверху сыплются как звездопад.

Надо бы гордиться таким вниманием, но лучше бы поменьше.

— Не убивай их. — Шёпот сзади как заклинание. — Они не виноваты.

Я даже не спросил: «Кто?».

Шагнул вперёд. Передо мной вырвался Зверь.

— Останься. Выведи их.

— Алекс!!!

— Прости. За всё...

— За что?

— За всё, что не случилось.

А впереди на троне бился в приступе смеха недоразвитый бог.

Я забрал вправо, отводя толпу от трона, продвигаясь туда, где куклы ещё не осознали себя. Но это оказалось бесполезным. Фигуры шли не просто туда, где я сейчас, а туда, где окажусь.

Руан или Кэрис были не просто придатками, хотя да. Кто-то же должен был обеспечивать внешнее взаимодействие.

Проклятье.

Первым меня догнал полицейский. В его дубинке явно был электрошокер, поэтому я попытался рассечь её косой. Не получилось. Он пригнулся и едва не достал меня тычком в бок.

Пришлось вломить ему основанием дровяка в основание черепа.

Упал без движения.

Неожиданно в голову пришла идиотская мысль. Раз уж у нас здесь игровая комната...

Я сунул руку в карман и вынул оттуда шайбу.

Сработало.

Бросив её на траву, я перехватил косу как клюшку и, закрыв глаза, размахнулся, чтобы открыть перед самым ударом, сыграв мыском пера.

Удар. Свист. Попадание.

«...я научу тебя играть
с фантазией твоей...»

Колено одного из студентов с кастетом вывернулось в обратную сторону. Он завалился на траву, мечась в тонких нитях, опутывающих его.

Наверное, моё лицо в этот момент нельзя было показывать детям и животным. Я радовался. Радовался чистой злобой от того, что смог навязать правила там, где их не было. Это не должно было остаться вспышкой, инсайтом. Только поток, только ярость. Та ярость, что сжигает душу в пепел.

Шайбы появляются передо мной одна за другой.

Удар. Удар. Удар.

Фигуры начинают прятаться друг за друга.

Я краем глаза ощущаю, что на троне происходит какое-то шевеление.

Недобожок ярится. Дёргает руками, нити, уходящие к трону, раскалены, но куклы не успевают вставать.

Я счастлив, упиваясь боем. Одно дело — играть с безвольной жертвой, другое — вывести замену без остановки игры.

Однако, я тоже не железный. Злость утекает, размываясь в разуме. Куклы — есть куклы. А кукловод — недостижим.

Неожиданная мысль ударила из недр подсознания.

Вернув косу, я побежал туда, где ворочались покалеченные игрушки великана. Взмах... — Alex! Nein!!!

Удар. Поверх тела. Звук лопнувших струн, свист оборванных нитей, одна из которых, скручиваясь в спираль, прополосовала меня по лбу, разорвав кожу.

Больно...

На троне одна из кукол на руках ребёнка дёрнулась и испуганно посмотрела по сторонам. Уже не глядя на пытающиеся встать фигуры, Жнец во мне концентрируется на нитях.

Взмах. Второй.

Ты не чувствуешь злости к траве. Ты выполняешь своё дело.

Травинка за травинкой.

Колосок к колоску.

Один за другим.

Так надо. Так правильно. Это — суть.

В основании трона половина раскалённых нитей гаснет. Гаснет ещё четверть. Вот их не больше десятка, как спектр какого-то газа с урока физики в школе.

Путь... открыт?..

Оно... Оно встаёт. Хлопает в ладоши... Вернее, сводит их настолько, чтобы Руан и Кэрис могли это сделать за него.

Выходит несинхронно.

Но это не имеет значения. Громовой голос обволакивает, заставляет бросить всё и пасть ниц.

— Наигрался?.. — Слова сочли ядом. Снисходительный тон бросал несмышлёныша на кровать, чтобы перепеленать его и отправить спать. — Мы здесь Закон!

Нити вновь прорастают из кукол, уходят в фальшивые небеса. Начинают наполняться огнём.

Издательский голос выворачивает душу, пытается опутать её...

Опутать...

Нити...

Одна за одной. Разорви одну... Десять... Сто... Тысячу... Пока не разорвёшь все, ты — ничто...

А до основания трона не добраться. Чужая божественность исторгала из меня волю, обнуляла всё, что составляло меня, навязывала чуждую власть.

— Мы — едины. А ты — один.

— Я не один!

— Один... один... — кривлялись лица кукол-перчаток, пока их руки поднимали обновлённых марионеток вокруг меня.

Заныли руки со стигматами. Тонко, пронзительно, как будто чесалось изнутри. Грудь, там, где её рвали когти Зверя, заливая кровью выгоревшее тело, полыхнула болью.

Я потянулся в глубину себя. Туда, где кубышка памяти хранила то, что забывать нельзя.

— Я! Не! Один!

Из моей памяти проступили фигуры Снежной Королевы и Огненной Валькирии.

— Стоять!

Поляна замёрзла, обледенив ноги каждой фигуры.

— Разорви все — Бог...

Слова из подсознания приобрели форму, решив за меня.

Нити полыхнули, сгорая снизу-вверх, и на короткий миг расцвели потолок сумасшедшей детской звездами. Гаснущими и загорающимися. Но на этот раз полыхнули в том числе нити, идущие от рук Руана и Кэрис к основанию трона.

Я сделал шаг вперёд. Второй. Под ногами иней исчезал, оставляя цепочку следов.

Вокруг меня фигуры людей ощупывали себя, осознавая возврат себя самих.

Трон впереди был подозрительно тих.

Я не знал, что буду делать рядом с ним, но не идти не мог.

Вблизи он оказался цельным. Кубики были не отдельными объектами, а как будто текстурой.

«И здесь обман. И игрушки фальшивые.» — Подсознание цепляется за возможность продолжать сарказмировать.

Ещё три шага.

Ребёнок начал подниматься. Его движения были обманчиво медлительны. Туша, размером больше слона небезопасна сама по себе, неважно, с какой скоростью она движется.

Один шаг вниз по ступеньке. Земля сотрясается. Она — тоже Они.

Второй шаг — и я вынужден отступить.

Фигура подавляет. Она наклоняется, и я могу рассмотреть родителей этого существа. Удивительно, но их лица сейчас не выглядят счастливыми. Боль. Осознание бессмысленности существования. И отсутствие желания освободиться.

То же самое вторгается в меня. Вытесняет из меня — меня.

Нужно было морозить не землю — трон. Жечь не нити — монстра.

Существо дышит в три глотки, смотрит на меня как энтомолог на таракана. Прислушивается к мыслям. Хохочет на три голоса.

— Мы здесь Закон!

А я не могу сдвинуться. Кажется, всё. Лезвие косы гаснет, оставаясь просто мёртвым металлом. Попытка зажечь тёмное пламя ничего не даёт: рука темнеет, но и только.

— Алекс! — Звук доносится как сквозь вату.

Я медленно поворачиваюсь, и мне со всего размаха в грудь влетает Зверь, а с ним — дикая ярость, комок огня.

Коса мерцает, и я по наитию бью между руками-родителями.

Визг порванных струн рождает ненавистную музыку. А в ней слышится:

— Убей...

— Отпусти...

Дебил смотрит со злобой на руки, пытается ударить меня правой — Руаном. Глаза уже налиты мольбой. В них нет пустоты и обречённости бесконечностью.

Я киваю, отдавая последний салют. Коса сносит голову, и тело рассыпается как свёрнутые неизвестной пряжей нити.

Ладонь бьёт в землю рядом со мной. Я перепрыгиваю её и ловлю летящую сбоку Кэрис. — Спаси... — только и успеваешь прошептать она, разлетаясь ничем.

Удар проходит в сантиметрах, и ребёнок, закрутившись вокруг оси, падает, и стучается о подлокотник трона.

Плач. Совершенно обычный плач, если не учитывать, что он исходит от туши, весом в пару тонн.

Я стоял опустошённый. Смотрел невидящими глазами перед собой.

Ребёнок — я не знал — как его зовут — катался по коврику, лишённый привычных инструментов. Беспомощный, он уже не вызывал никаких эмоций.

Ни жалости. Ни презрения. Ни злости.

Всё уже выгорело. И даже Зверь, чья манифестация заняла место слева от меня, не выказывал своего отношения.

Шелест за спиной заставил обернуться. К трону стягивались бывшие марионетки. Взгляды были прикованы не к ребёнку, как можно было бы подумать, но к самому монструозному строению.

Обойдя его со спины, они стали толкать его. Когда я предложил помощь с косой, полицейский, тот самый, которого я бил, только покачал головой.

Наконец, дело пошло. Дюйм за дюймом, громадина переползала с места на место. Ещё полфута, фут.

Открылась квадратная выемка. В ней лежала тряпичная кукла. Наверное, она должна была быть Робинотом Гудом, но потрёпанность и истерзанность не позволяли сказать этого с точностью.

Я поднял куклу.

Ребёнок зашевелился, потянул руку за ней.

Я обвёл глазами всех жертв. Они кивали, отводя взгляд. Зверь меня опередил. Выхватив зубами игрушку, он молнией метнулся и выпустил её под рукой.

Пятерня упала со скоростью парового молота. И той же силой. Я бы не увернулся.

Кукла, зажата в ладони, подплыла к груди. Ребёнок перевёл взгляд на неё, поднял голову. Прижал игрушку ещё сильнее.

Вздыхнул.

И умер.

На лицах бывших марионеток стали проявляться слёзы. Они пытались поворачиваться друг к другу, чтобы проститься, но растворялись в случайном порядке, как будто кто-то сбил настройки мира.

— Уходим! — Я побежал к Мари-Хелен и Магде, которые ещё не осознали, чем чревата смерть бога, в чьей душе мы находимся.

В квартире не изменилось ничего.

Только три тела не дышали. И их лица были счастливыми по-настоящему.

Интерлюдия. Рождественские каникулы. Лэнгли

Интерлюдия. Рождественские каникулы. Лэнгли.

Немолодой мужчина в инвалидной коляске раскладывал фотографии большого формата отличной чёткости по низенькому широкому столику. Задерживал взгляд на каждой, подкладывал к одной другую, как будто в настольной игре. Он уже видел эти фотографии и знал об их происхождении, однако, каждая новая карточка, извлечённая из конверта, приковывала взгляд на две-три секунды. И что-то мелькало на лице мужчины.

За ним наблюдала высокая, спортивного сложения девушка, чьё происхождение говорило о смешанной крови, стоящая в слегка развязной форме стойки смиренно. Заметно было, что это не первое её посещение кабинета, и что, несмотря на то, что мужчину она понимала не всегда, но относилась к нему с уважением и лёгким трепетом. Она поглядывала на перевёрнутые фотографии, но пока не спешила делиться своим мнением, соблюдая иерархию.

Мужчина закончил священнодействие и пригласил девушку перейти на его сторону столика, чуть откатившись назад, чтобы освободить место.

— Посмотри внимательно. И мне интересны твои выводы. — Глубокий голос резко контрастировал с внешностью. Как будто его законсервировали лет в сорок пять и уже лет двадцать не дают ему стареть.

Девушка подвинула пуф, плюхнулась на него неуклюжим движением, и неожиданно столик стал для неё «как раз». Перед ней располагались фотографии двух видов. Часть — мёртвые, причём отвратительно мёртвые люди. Часть — мужчина. Разная одежда, разный антураж. Неизменна трость и выражение глаз.

На удивление постороннего наблюдателя, будь он здесь, она выбрала фотографию из середины этого странного пасьянса. Черно-белый снимок. Лицо крупным планом, вырванное из толпы, отступившей фоном. Тень от шляпы пересекает один глаз. Но на фотографии отчётливо читается напряжение, скрытое в глазах. Левая рука отнимает от губ платок, на котором расплывается крупное бесформенное тёмное пятно.

Парная ей фотография лежит на столике, как будто незамеченная, но она уже осмотрена и помещена в память. Оторванная кем-то дверь Роллс-Ройса, два тела на заднем сидении, залитые кровью. Крови много, как в низкобюджетном фильме про вампиров. Оба тела настигнуты пулями, одежда разорвана и местами даже обожжена. На лицах — застывший ужас.

Карточка ложится на место. Вместо неё в руках оказывается ещё одна. Мужчина во весь рост. Куртка-бомбер, штаны военного кроя, в правой руке трость. Внешний вид напоминает военного-ветерана. На голове кепка-бейсболка. Кисть левой руки лежит на чём-то невидимом.

Девушка задаёт вопрос.

— Советник, а что вытравил ретушёр? Или кого?

— Отличный вопрос, Изобель. — Мужчина улыбается. Другого он и не ожидал. — Там никого нет и не было.

— Чушь. — Названная Изобель мгновенно реагирует со всей горячностью кварталонки. — Здесь явно крупное животное. Что-то... из кошачьих? Ладонь — лежит! И это спина или начало шеи.

Она берёт в руку вторую фотографию, где три человека в ярко освещённой светлой комнате сломанными куклами валяются у дверей. Полы, стены и мебель безнадежно испорчены. Тычет пальцами в травмы, которые может оставить только крупное животное, обученное убивать. Не для еды — для забавы... Или запугивая.

— Это — не шутки. Меня не нужно проверять — я не дура. Я видела съёмки из Лондона, пока ютуб не зачистили.

— Хорошо. — Мужчина явно удовлетворён её вспышкой.

— Кто он? — Голос девушки чуть понизился в тембре. В нём появилось что-то хищное. Жаждающее.

Советник улыбается. Без усилий поднимает в памяти сводку, которую заполнял сегодня в своей личной базе данных, дополняя её.

— Топорков Алексей. С недавних пор майор ФСБ. Один из козырей в колоде Тюрина. — Русские фамилии в его произношении звучат совершенно естественно. Но на букве «Ю» он спотыкается как многие англосаксы.

— Явно не povodel, — использует эвфемизм Изобель. Советник кивает, пробуя губами слово.

— Ты даже не знаешь, насколько ты права. Пять, хотя уже почти шесть лет назад его выставили нам как того, кто нашёл крота в системе и не только нашёл, а и вычислил систему взаимодействия.

— А это не он? — Изобель явно не понимает тонкостей оперативной игры. Мужчина чуть разочаровано искривляет губы.

— Дослушай. Куратор проекта принял решение взять тогда ещё капитана и провести силовой допрос. — Мужчина на миг зажмурился. — Очень силовой. В Москву направили команду специалистов. Пара вивисекторов и команда прикрытия и эвакуации.

— Судя по тому, что майор на фотографиях, они не преуспели? — Хищные огоньки в глазах Изобель нравились Советнику.

— Более того, ему последовательно раздробили обе ноги ниже коленей, а он ничего им не сказал. Эту информацию мы и команда прикрытия получили в нарушение протокола эвакуации. А затем их всех взяли. Или ликвидировали.

— Ничего не понимаю. Зачем им было так подставляться, если они и так взяли всех?

— Затем, что команду эвакуации отследили по неплановому звонку основной бригады, которые запаниковали, столкнувшись с нештатным поведением объекта. — Мужчина презрительно скривил губы. — Трусливые мясники.

Изобель задыхалась чаще, переваривая информацию.

— Его вылечили?

— Деталей не знаю, но его «отставка» была очень громкой. Он уехал к родителям в провинцию. Устроился аналитиком в банк.

— Вы хотите сказать, что это была «podstava»? — русское слово пришлось как нельзя кстати.

— Бинго. Года полтора назад один яркий молодой человек, шедший на повышение, решил разворошить старое дело. И направил ещё одну команду.

— Их взяли?

— И снова правильный ответ. И не вернули. — Мужчина улыбнулся. — «Не было никого». А вот яркий молодой человек, «одолживший» через голову шефа специалистов, помер от жёлтой лихорадки в джунглях. — На мгновение холод в глазах мужчины высветлил их. — Печальная судьба.

Изобель поняла, что её шеф однозначно приложил руку к организации этой самой судьбы. Хмыкнула, обозначая понимание.

— И сейчас он всплыл как исполнитель приговоров тем, кого русские осудили на смерть?

— Не просто смерть. — Советник мрачно постучал пальцами по столу. — Формулировка «высшая мера социальной защиты» опасно возвращает их к смыслам времён Сталина. А накладывая на ту диктатуру, которую они ввели, можем получить...

— Я вас умоляю! — Изобель скривилась как от кислой ягоды. — Всё этим переворотом и ограничится. Революции не будет.

— Я это и без тебя знаю, — тон мужчины был жёстким. — Но и эволюция — упрямая вещь. И гораздо более опасная.

— Простите, Советник. — Примирительно кивнула девушка. — Но вы ведь меня позвали не только, чтобы фотографиями похвастаться? Тем более, я посчитала. Он «взял» только девятых.

— Да. Сейчас я дам тебе в руки то, что знают ещё только пара человек. — Изобель переключилась в режим внимания. — Двоих устранила Медея и её люди.

— Наши?

Мужчина крутнулся на месте, дёрнув колёсами.

— Не совсем. Интересная находка, но... слишком большое желание разменять себя на что-то значимое...

— Почему? — резко вскинулась она. — Зачем такой размен?

Советник улыбнулся.

— Во-первых, этих островных снобов нужно было осадить. Во-вторых, Медея устала. Их брали в разработку ещё... — Он отвернулся. — Неважно, тебе не будет интересно. — Изобель моргнула, но промолчала. — А в-третьих, их psi-ops очень сильно мешают реализации Плана. Поэтому нужно было отбить им желание использовать их там, где наши интересы пересекаются.

— Звучит разумно. Но не решат ли островитяне, что теперь особенно нужно форсировать применение мозгляков?

— Уже не решат. Мы навели Дизраэли на русского. И он их «ushatal». — Советник порадовался этому слову. Он узнал его из одного русского фильма и до сих пор не мог пристроить. — На их же территории.

Изобель присвистнула.

— Вам было их не жалко? Ведь такой успех с вербовкой.

— Уже неважно. Главное, что это направление теперь полностью дискредитировано.

— Хорошо, а что — второе?

— Второе — тебе необходимо форсировать работу по реализации Плана. При этом обрати особое внимание на русских. Мы, — он поднял глаза к потолку, — считаем, что информации по ним накоплено более, чем достаточно, и даём согласие на активное силовое взаимодействие.

Изобель облизнулась как хищная кошка.

— Я смогу оставить его себе? — Её рука лежала на фотографии с отсутствующим объектом.

— Должна. — Советник улыбнулся, осознавая, что реакция его подопечной ровно такая, о которой он докладывал Директору. — Если не боишься.

Полыхнувшие гневом глаза показали, что цель провокации достигнута.

— Я могу идти?

— Ты готова?

— Да, Советник.

— Удачи, Изобель.

— Я вернусь. — Она что-то подумала и добавила. — Мы вернёмся.

Вышла почти уставным шагом, при этом вызывающе покачивая бёдрами.

Советник дождался, пока закроется дверь. Подъехал к столику. Взял фотографию с платком.

С неё на него смотрел он сам. Тридцатилетней давности. Тот, кто выдержал. И пошёл по другому пути.

— Удачи, Алексей. — Мужчина бережно положил фотографию на её место на столе.